В ПОГОНЕ ЗА СЧАСТЬЕМ

Реальная история,
которая легла в основу
вдохновляющего фильма

В ПОГОНЕ ЗА СЧАСТЬЕМ

Крис Гарднер

В погоне за счастьем

Москва 2017

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г20

Chris Gardner with Quincy Troupe

THE PURSUIT OF HAPPYNESS

Copyright © 2006 by Chris Gardner. All rights reserved.
Published by arrangement with Amistad,
an imprint of HarperCollins Publishers

Гарднер, Крис.

Г20 В погоне за счастьем / Крис Гарднер ; [пер. с англ. А.В. Андреева]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Девять с половиной недель).

ISBN 978-5-699-98377-3

Крис Гарднер — уроженец бедного негритянского квартала в Милуоки. После окончания военной службы он приезжает в Сан-Франциско — город пьянящей свободы и безграничных возможностей. Крису удается получить место стажера в престижной брокерской фирме, но все складывается не так, как он планировал. В течение года он — бездомный отец-одиночка с малолетним сыном на руках...

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-98377-3

© Андреев А.В., перевод на русский язык, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Посвящается моей матери
Бетти Джин

Вот что скажу, мой сынок дорогой,
По жизни я шла немощеной тропой,
Мой путь не был устлан пушистым ковром,
По льду и по грязи я шла босиком.

«Мать сыну»,
Лэнгстон Хьюз

Оглавление

ПРОЛОГ. Двигаться вперед 11

ЧАСТЬ I

Глава первая. КОНФЕТЫ 27

Глава вторая. БЛЮЗ БЕЗОТЦОВЩИНЫ 45

Глава третья. ГДЕ МАМА? 78

Глава четвертая. BITCHES BREW (сторона A)..... 96

Глава пятая. BITCHES BREW (сторона B)..... 126

ЧАСТЬ II

Глава шестая. БОЛЬШОЙ МИР 151

Глава седьмая. ЗАРИСОВКИ С НАТУРЫ 165

Глава восьмая. ВЫВЕРНУТЫЙ НАИЗНАНКУ (предыстория)..... 195

Глава девятая. ВЫВЕРНУТЫЙ НАИЗНАНКУ (полная версия) 216

Глава десятая. КАЛИФОРНИЙСКАЯ МЕЧТА..... 245

ЧАСТЬ III

Глава одиннадцатая. РОЗЫ В ГЕТТО 300

Глава двенадцатая. СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ 322

ЭПИЛОГ.
Я достиг того, о чем многие
не смели даже мечтать 357

Пролог
Двигаться вперед

Когда меня спрашивают, что помогло мне пережить самый сложный период моей жизни и при этом не просто выжить, а достичь такого большого успеха и самореализации, какие, казалось, были мне недоступны, я вспоминаю два события.

Одно из этих событий произошло в начале 1980-х годов; мне было двадцать семь лет. В Сан-Франциско выдался на редкость жаркий и солнечный день. Я только что вышел из здания больницы на забитую машинами парковку, и меня на миг ослепили лучи солнца. Как только мои глаза привыкли к яркому свету, я увидел то, что изменило всю мою жизнь. Возможно, в любой другой момент я бы даже не обратил на это внимания, но в том, как великолепный красный кабриолет Ferrari медленно ехал по парковке в поисках свободного места, и в облике человека, сидевшего за рулем автомобиля, было нечто такое, что подтолкнуло меня подойти к машине и заговорить с водителем.

Я приехал в Сан-Франциско за несколько лет до описываемых событий. Перебраться на Вос-

точное побережье меня заставила престижная исследовательская работа в команде одного из лучших кардиохирургов страны. Для меня, выросшего на маленьком пятачке в Милуоки, — если не считать трех лет, проведенных на базе морской пехоты в Северной Каролине, где я работал фельдшером, — Сан-Франциско казался Землей обетованной. Это было место, где вдоль кисельных берегов текли молочные реки — город во плоти из сказки «Волшебник Изумрудного города». Город соблазнил меня золотым туманом безграничных возможностей и покорил с первого взгляда, гостеприимно раскинув передо мной свои долины и холмы. Ночью этот город превращался в афродизиак. Он весь сиял, точно бриллианты в королевской короне, от холма Ноб до Пасифик-Хайтс, и в зажиточных районах, и в гетто на Мишон и Тендерлойн (там, где обитали мои черные братья) выплескивался светом на деловой квартал, рыбацкую пристань и на прибрежный Марин.

Каждый раз, когда проезжал, двигаясь на запад через Бей-бридж из Окленда, или ехал на север из Дэйли-сити в сторону Голден-гейт, который тянется, словно линия горизонта, а потом опускается на территорию округа Марин, панорама города потрясала меня до глубины души. Мне нравилась местная погода. Бывают дни, когда Сан-Франциско накрывает густой пеленой серого тумана или идет сильный и холодный дождь, но после обязательно наступают чудесные солнечные деньки. Для меня

Сан-Франциско — это Париж на побережье Тихого океана.

Конечно, уже тогда я понял, что жить в этом городе совсем не дешево, а его обитатели могут быть очень черствыми и холодными. Здесь дорого снимать квартиру и постоянно приходится ремонтировать автомобиль (на крутых холмах быстро «летят» тормоза и трансмиссия). Кроме того, часто приходилось платить штраф за нарушение правил парковки. В общем, выжить в Сан-Франциско оказалось не так-то просто, но, несмотря на это, ни секунды не сомневался в том, что смогу стать успешным человеком. Я привык к трудностям и умел работать. Испытания только закалили меня и научили бороться ради заветной мечты.

Город соблазнил меня золотым туманом безграничных возможностей и покорил с первого взгляда.

В начале 1980 года я стал отцом. Я был очень этому рад и еще сильнее почувствовал свою ответственность. В первые месяцы после рождения сына меня одолевали сомнения, правильно ли выбрал свой путь, и возникало ощущение, будто поднимаюсь по эскалатору, который движется вниз. Я подошел к водителю красного кабриолета, кружившего по парковке перед больницей, с таким чувством, словно все мои усилия напрасны.

Встреча с водителем Ferrari глубоко врезалась в мою память, поэтому вспоминаю о ней в настоящем времени. Вот и сейчас у меня перед глазами стоит красивая спортивная машина. Она медленно наматывает круги по парковке, а мощный

мотор автомобиля утробно урчит, как лев, готовый одним прыжком наброситься на жертву. Слушая рокот мотора, вспоминаю звуки трубы моего любимого музыканта Майлса Дэвиса[1]. Это мой кумир. Долгие годы мне казалось, что, когда вырасту, буду таким же, как и он. В голове звучит его соло, словно сигнал, предвещающий, что сейчас в моей жизни произойдет нечто важное.

С самого раннего возраста мое умение задать правильный вопрос всегда помогало в жизни.

Крыша кабриолета опущена. В салоне сидит человек, столь же уверенный в себе и крутой, как и мои любимые джазмены. Это молодой белый, гладко выбритый мужчина с темными волосами. На нем элегантный, из великолепной ткани костюм, который, вполне возможно, был сшит на заказ. На нем красивый галстук, безукоризненная рубашка, запонки и дорогие часы. Этот худощавый мужчина одет дорого, изящно и со вкусом. Суперкрасиво одет.

— День добрый, — говорю ему и подхожу к Ferrari. Взмахом руки показываю, что здесь припарковался и собираюсь уезжать. Нравится ли мне его автомобиль? Конечно, да. Я обычный американец, и мне нравятся добротные дорогие вещи. Но дело не только в этом. В тот момент его машина

[1] Майлс Дэвис (1926–1991) — американский джазовый трубач и бэнд-лидер, оказавший огромное влияние на развитие музыки в XX в. — *Здесь и далее примеч. ред.*

становится воплощением всего того, чего я никогда в жизни не видел и не имел, — достатка, свободы и возможности выбора.

— Вы можете встать на мое место, но вначале хотел бы задать вам всего пару вопросов, — говорю я.

Мужчина понимает, что я готов отдать ему свое парковочное место в обмен на информацию. Мне двадцать семь лет, и я уже знаю, что информация — очень ценная вещь. И не упускаю возможности получить инсайдерскую информацию[1]. С самого раннего возраста мое умение задать правильный вопрос, чтобы получить важный для себя ответ, всегда помогало в жизни.

Мужчина видит, что у меня нет дурных намерений, и пожимает плечами.

— Хорошо, — соглашается он.

У меня всего два простых вопроса: «Чем вы занимаетесь?» и «И как вы это делаете?».

— Я биржевой брокер, — отвечает он с улыбкой. Мы договариваемся встретиться через некоторое время, чтобы он мог обстоятельно ответить на второй вопрос. От этого мужчины я узнал об Уолл-стрит и о работе биржевого брокера. Тогда я понятия не имел, что такое Уолл-стрит, но мне показалось, что смогу делать то, что делает он (если, конечно, удастся стать брокером).

---

[1] Инсайдерская информация — служебная информация о компании, которая в случае ее раскрытия может повлиять на рыночную стоимость ценных бумаг компании.

У меня не было никакого опыта работы на фондовом и биржевом рынках, как не было и нужных знакомств. Несмотря на это, несколько последующих месяцев я бился изо всех сил, чтобы получить работу брокера. В это время от меня уходит жена. На меня ложатся заботы о малолетнем сыне. В моей жизни происходит много странных и непредсказуемых событий.

В те годы все прекрасно видели и понимали, что в Сан-Франциско живет множество бездомных людей. Власти заговорили о проблемах бездомных сравнительно недавно, но сама проблема существует уже много лет. На улицах появилось огромное количество бездомных, так как резко сократилось финансирование клиник для душевнобольных, фондов для лечения ветеранов Вьетнамской войны, алкоголиков и наркоманов. В ту длинную холодную зиму 1982 года программы помощи беднякам и бездомным сворачивались, потому что экономическая ситуация в Сан-Франциско, да и во всей стране оставляла желать лучшего.

Воротилы бизнеса полагали, что масса бездомных может отпугнуть туристов. Если вы бывали в Сан-Франциско в начале 1980-х годов, то, вполне вероятно, заметили эту проблему. Возможно, вы слышали о районах, которых лучше избегать. В этих районах обитало множество алкоголиков, наркоманов, бомжей и вообще всех тех, кого мы в Милуоки называли просто «чокнутыми». Вам, вероятно, бросились в глаза длинные очереди, большое количе-

ство уличных торговцев, предлагавших всякую дребедень и подделки под брендовые товары; дети с матерями, сидевшие на ступеньках многоквартирных домов и приютов для бездомных; сбежавшие от родителей подростки, которые спали прямо на улице, — со стороны эта картина напоминала кучу грязного белья, разбросанного по тротуару. Бездомных было много на станциях метро, на скамейках в парках и даже в подъездах жилых домов. Наверное, увидев все это, вы подумали: население в городе настолько обнищало, что рабочий люд не в состоянии заплатить за аренду квартиры, а денег едва хватает на покупку лекарств, одежды и лишь самого необходимого для выживания. Кто знает, может, вы на секунду задумались, о чем мечтали эти бездомные, как жили раньше и что вынудило их оказаться на улице?

Меня поддерживала мечта о собственном красном Ferrari: думая о нем, я находил в себе силы отметать отчаяние.

Но, скорее всего, даже если вы и были наблюдательным, то вряд ли обратили внимание на меня. Даже если бы вы и увидели, как я иду, толкая перед собой разбитую детскую коляску, в которой сидел самый дорогой для меня человек во всей Вселенной, мой полуторагодовалый сын Крис-младший — маленький, сообразительный, разговорчивый и голодный ребенок, вы вряд ли заподозрили бы, что мы с ним тоже бездомные. На мне был один из двух моих костюмов (второй лежал в застегивающемся на «молнию» чехле, перекинутом через плечо). На

другом плече висела сумка, вмещавшая все наши пожитки: одежда, пара книг, с которыми не мог расстаться, и туалетные принадлежности. Кроме того, у меня был зонт и кейс. Под мышкой я зажимал огромную упаковку памперсов. Со стороны, возможно, складывалось впечатление, что мы с сыном собрались куда-нибудь поехать на длинные выходные. Мы ночевали в местах, которые вполне соответствовали нашему внешнему виду. Спали на станциях метро или в залах ожидания аэропортов в Окленде и Сан-Франциско. Иногда оставались на ночь в офисе, где я работал. Там можно было растянуться на полу под столами. А зачастую запирались в кабинке общественного туалета на станции метро «Окленд».

В кабинке туалета не было окна, зато была раковина, в которой я мог постирать наши вещи. С одной стороны, эта крохотная кабинка была настоящим кошмаром, но, с другой стороны, мы могли хотя бы закрыть дверь, чтобы нас не беспокоили. Эта кабинка — своего рода пересадочный пункт между станцией моего отправления и конечной станцией, куда вели мои мечты. Временная стоянка на жизненном пути.

Меня поддерживала мечта о собственном красном Ferrari: думая о нем, я находил в себе силы отметать отчаяние. Мое будущее казалось неопределенным, и передо мной постоянно появлялись все новые неожиданные испытания, но я продолжал идти вперед, подавляя в себе страх и стыд и заглушая внутренний голос, говорив-

ший, что мне не хватит сил и у меня ничего не получится.

Идти вперед. Эти слова стали моей мантрой, вдохновленной речами проповедника и священника Сесиля Уильямса, моего учителя и друга, поддержка которого была для меня поистине бесценной. В методистской церкви Glide Memorial в районе Тендерлойн святой отец Уильямс давал нам крышу над головой и еду и лечил души (именно он позднее откроет первый в стране отель-приют для бездомных). Через некоторое время его имя станет широко известным, да и в ту пору он был довольно знаменитым. Он учил самым простым вещам. «Иди вперед», — наставлял священник. По воскресеньям он читал проповеди, темы которых могли быть разными, но суть всегда сводилась к одному: иди вперед и не останавливайся перед трудностями. Не болтай попусту. Не обязательно идти семимильными шагами, можно продвигаться маленькими шажками. Главное — идти вперед. Двигаться дальше.

Я повторял про себя фразы из его проповедей, которые сливались и переходили в стук вагонов метро на стыках рельсов или в скрип колес детской коляски по асфальту.

Со временем детские коляски стали высокотехнологичными и быстрыми, почти как гоночные автомобили. На них установлены двойные или даже тройные колеса, у них красивая обтекаемая форма, подушки сделаны из кожи, в них есть места для хранения самых разных вещей

и накидка от дождя. В общем, маленький, но довольно юркий домик на колесах. Однако у той коляски, которая имелась у меня в 1982 году, этих прелестей не было и в помине. Памятной зимой 1982-го, холодной и дождливой, у этой коляски было всего одно преимущество — ее можно было накрыть большим пластиковым пакетом из химчистки.

Бесспорно, в ту зиму меня согревала надежда на счастливое будущее, которая неожиданно забрезжила после встречи с брокером на парковке перед больницей. Однако главное событие, сформировавшее меня, произошло значительно раньше — в Милуоки, в марте 1970 года, через несколько дней после того, как мне исполнилось шестнадцать лет.

Многие мои детские воспоминания стерлись и потускнели, как фронтовая кинохроника. Однако событие, о котором я сейчас расскажу, отпечаталось в памяти на всю жизнь.

Это событие произошло на фоне бурлящей жизни: война во Вьетнаме, антивоенные манифестации и движение за гражданские права, беспорядки, растущая популярность хиппи, партия «Черные пантеры»[1] и политический подъем. Все это повлияло на меня и помогло стать тем, кто я есть.

---

[1] «Черные пантеры» — афроамериканская леворадикальная организация, ставившая своей целью продвижение гражданских прав чернокожего населения. Партия основана в Окленде, штат Калифорния, Хьюи Ньютоном и Бобби Силом в октябре 1966 г.

У меня было три сестры, мать, которая в моей жизни появлялась урывками, и отчим. Нам доводилось жить в разных домах и квартирах разной степени «убитости». Мы часто переезжали с места на место; нас с сестрами разлучали, оставляя на попечение разных родственников. Вся моя детская и подростковая «тусня» с переездами происходила на небольшом пятачке земли. Потом мы переехали в более-менее приличный дом в относительно благополучном районе. По крайней мере, по сравнению с прежними квартирами...

В тот день я остался дома и решил посмотреть телевизор. У меня было хорошее настроение, потому что ждал начала двух последних игр Национальной ассоциации студенческого спорта[1] и знал, что буду один перед телевизором в гостиной. Следовательно, мог болеть и орать, сколько душе угодно, а также говорить сам с собой, сколько влезет. (Моя мать точно так же разговаривала сама с собой. Когда ее спрашивали, почему она так себя ведет, отвечала, что всегда приятно поговорить с умным человеком.)

Я пребывал в хорошем настроении еще и потому, что в тот день мать, помимо меня, была единственным человеком в доме. Она не сидела рядом со мной, а гладила или готовила. Мне казалось, что

[1] Национальная ассоциация студенческого спорта (англ. National Collegiate Athletic Association, сокр. NCAA) — национальная университетская спортивная ассоциация, в которую входит 1281 организация, ответственная за проведение спортивных соревнований в колледжах и университетах США и Канады.

весь дом вздохнул с облегчением. В то время я нечасто оставался наедине с матерью. Чаще всего встречался с ней в мрачном присутствии своего отчима.

Заканчивалась «мартовская лихорадка» — сезон чемпионата студенческих команд по американскому футболу. Я всегда с нетерпением ждал этого события, потому что накал страстей отвлекал меня от собственных грустных мыслей.

Я взрослел и становился мужчиной. Наступил непростой для меня период. На чемпионате всегда происходило что-нибудь интересное. Мне нравились драматические повороты, происходившие во время игр шестидесяти четырех лучших студенческих команд, а также появление новых имен талантливых игроков. Участники играли до первого поражения, поэтому очень быстро количество команд сокращалось сначала до шестнадцати, потом до лучшей восьмерки и, наконец, до двух встреч финальной четверки и игры, во время которой встречались две команды и лишь одна из них выходила победителем. Все с нетерпением ждали, как справится UCLA, команда Калифорнийского университета из Лос-Анджелеса, без своего гиганта-игрока Льюиса Алсиндора-младшего (который вскоре взял себе новое имя — Карим Абдул-Джаббар[1], после того как он три года подряд приводил

— Сын, если захочешь, то и ты можешь заработать миллион долларов.

[1] Карим Абдул-Джаббар (род. в 1947 г.) — американский профессиональный баскетболист.

свою команду к победе). В тот год основным противником UCLA была команда из малоизвестного университета в Джексонвилле, в составе которой было два игрока выше двух метров: Артис Гилмор (профессиональный американский баскетболист, выступавший в Американской баскетбольной ассоциации (АБА) и Национальной баскетбольной ассоциации (НБА), член Зала славы баскетбола с 2011 года) и Пембрук Бурроуз III. В то время игроки такого роста были в диковину, поэтому люди с большим интересом следили за командой, в которой было целых два гиганта.

Этих игроков называли «башнями-близнецами». Во многом благодаря их усилиям неизвестная команда попала в финальную четверку и должна была встретиться с командой из университета Св. Бонавентура. Приближалось время вбрасывания, и комментаторы подливали масла в огонь возбуждения, обсуждая перспективы и потенциальные зарплаты двух игроков-гигантов после их перехода в Национальную баскетбольную ассоциацию.

Команда из Джексонвилля тот матч выиграла, но проиграла чемпионат команде из Калифорнии. Артис Гилмор перешел в Национальную баскетбольную ассоциацию, а Пембрука Бурроуза взяли в Сиэтл, но через некоторое время он резко оборвал свою спортивную карьеру, став полицейским дорожно-патрульной службы во Флориде.

Я тогда, конечно, всего этого не знал и с нетерпением ожидал начала матча. Увлеченный словами

комментаторов о том, какое блестящее будущее ждет двух игроков-гигантов, я воскликнул:

— Вот это да! Подумать только, скоро каждый из этих парней заработает по миллиону долларов!

Мать была в соседней комнате и гладила. Она так отчетливо произнесла слова, что мне показалось, будто она находится рядом со мной:

— Сын, если захочешь, то и ты можешь заработать миллион долларов.

Я был поражен ее словами, но не подал вида. Впрочем, мать и не ждала моей реакции. Бетти Джин Триплетт, урожденная Гарднер, произнесла свою фразу таким уверенным тоном, каким в пятницу говорят, что завтра будет суббота. Мать сказала эти слова так непоколебимо и твердо, что казалось, произнесла одну из десяти заповедей:

— Если захочешь, то и ты можешь заработать миллион долларов.

В эту секунду мой мир буквально перевернулся. В 1970-х годах черный парень из гетто мог заработать миллион долларов только в случае, если он умел петь, танцевать, бегать, прыгать, ловить, отбивать и забивать мячи или продавать наркотики. Я не умею петь. Я, наверное, единственный чернокожий американец, который не умеет танцевать и играть в баскетбол, футбол или бейсбол. Моим кумиром был Майлс Дэвис. Однажды мать сказала мне после того, как я неоднократно упомянул имя Дэвиса:

— Крис, ты не можешь стать вторым Майлсом Дэвисом, потому что он уже есть. Тебя ждет другая работа.

И тогда понял, что моя работа — это быть Крисом Гарднером и вести себя соответствующим образом.

Мне было шестнадцать, и я поверил своей матери, которая сказала мне, что если захочу, то смогу заработать миллион долларов. В данном случае конкретная сумма не имеет значения, потому что суть слов матери заключалась в том, что я могу достичь всего, чего пожелаю.

С шестнадцатилетнего возраста я поверил в себя и в тот судьбоносный день, когда заговорил с водителем красного автомобиля и узнал о существовании Уолл-стрит. Я помнил слова матери, когда толкал детскую коляску вверх по склону холма под проливным дождем и из коляски на меня смотрел сын. Помнил ее слова даже тогда, когда приходилось ночевать в туалете на станции метро.

Только спустя годы после своих мытарств и поиска места в жизни, когда заработал много миллионов долларов, только тогда понял, насколько важными для меня были слова матери и случайная встреча на парковке. Знакомство с водителем красного Ferrari помогло мне понять, в какой области я могу приложить свои способности и что мне необходимо научиться ремеслу. И все это произошло потому, что однажды мать сказала мне, что могу достичь всего, чего пожелаю.

Я много размышлял и проанализировал жизнь своей матери и только тогда понял, почему она выбрала именно эти слова. В жизни моей матери было много разочарований, и поэтому она вдвой-

не хотела, чтобы я стал успешным и добился всего того, чего не получила в жизни она сама.

Чтобы понять истоки моего роста, ставшие позднее секретом моего успеха, понять, как и почему я начал мечтать о счастливой жизни, необходимо рассказать о собственном детстве и о том, в каких условиях росла моя мать.

Моя история — это ее история.

ЧАСТЬ I

Глава первая
Конфеты

Из моего детства в памяти всплывает картинка, словно нарисованная легкой кистью импрессиониста. Я ощущаю запах кленового сиропа и слышу саундтрек кипящей на сковороде сладкой жидкости. Если кленовый сироп вылить на сковородку и выпарить жидкость, то получится самодельная конфета. И в этой картинке присутствует молодая и красивая женщина, которая творит чудеса на кухне и готовит мне эту конфету. Исключительно для меня!

По крайней мере, именно так это кажется трехлетнему мальчику. К запаху кленового сиропа примешивается какой-то другой запах. Я стою на кухне рядом со своей семилетней сестрой Офелией и еще двумя детьми из нашего дома, которых зовут Пуки и Руфус. Мать снимает с деревянной ложки застывший сироп, ломает его на куски, дает нам в протянутые руки и потом счастливыми глазами смотрит, как мы поедаем сладость. Снова ощущаю ее восхитительный запах. В этом запахе нет ничего цветочного или резкого — чистый, теплый, хороший

запах, который обволакивает ее, словно накрывает плащом Супермена. Меня любят, и я чувствую себя особенным и сильным, даже несмотря на то, что в то время еще не мыслил такими категориями.

Я не очень понимаю, кто эта женщина. Знаю, что она уже не раз приходила и делала мне такие конфеты. Она смотрит на меня, будто спрашивая глазами: «Ты ведь помнишь меня, правда?»

Первые пять лет жизни на моей карте мира было два вида территорий: известные мне места и неизвестные. Знакомая территория была маленькой, а незнакомая — огромной.

К тому времени, когда мне исполнилось три или четыре года, я четко усвоил несколько вещей. Знал, что у меня есть старшая сестра и друг Офелия и то, что мы жили в доме мистера и миссис Робинсон, которые очень хорошо к нам относились. Мы с сестрой тогда не понимали, что семья Робинсонов — это наша приемная семья. Мы не понимали, кто наши настоящие родители, почему их нет рядом и почему иногда жили у наших родственников — разной степени родства теть и дядь. Семейная ситуация других детей, живущих в доме семьи Робинсон, также оставалась загадкой.

Тогда главным в жизни было то, что у меня есть старшая сестра, которая всегда мне поможет, и приятели Руфус и Пуки, с которыми я мог поиграть. Мы носились по двору и небольшой прилегающей территории, играя в салки, прятки и игру под названием «гонять банку». Мы могли играть недалеко от дома, даже когда становилось темно.

Единственным местом, рядом с которым обычно не играли, был дом, расположенный через дом от того места, где жила семья Робинсонов.

Даже проходя мимо этого дома, я старался смотреть в другую сторону. В том доме жила старая белая женщина. Офелия, да и многие другие обитатели нашего квартала считали ее ведьмой.

Мы с сестрой тогда не понимали, что семья Робинсонов — это наша приемная семья.

Однажды, когда мы с сестрой проходили мимо ее дома, я сказал Офелии, что боюсь ведьму, а Офелия ответила, что совершенно ее не боится. И, желая доказать это, сестра зашла в ее сад и сорвала с дерева горсть вишен.

Улыбаясь, Офелия съела вишни. Но через неделю сестра в панике вбежала в дом Робинсонов и, держась за грудь, сказала, что ведьма застукала ее за воровством вишни, схватила за руку и скрипучим голосом пригрозила, что отомстит ей.

Однако ведьма не спешила с местью, поэтому через некоторое время Офелия решила опять наведаться за вишней. Тем не менее сестра заставила меня пообещать, что я буду обходить стороной эту странную женщину.

— Когда проходишь мимо ее дома, — наставляла меня сестра, — не смотри на нее и не подходи близко, даже если она позовет тебя по имени.

Я сказал сестре, что ни за что на свете не подойду к этой страшной женщине. По ночам мне стали сниться кошмары, как я ночью проник в дом ведьмы и меня окружили ее многочисленные кошки, кото-

рые встали на задние лапы и выпустили когти. Эти кошмары были такими страшными и правдоподобными, что после этого я долгое время боялся и не любил кошек. Однако не был до конца уверен в том, что эта женщина действительно ведьма. Может быть, она просто была не похожа на остальных. Тогда я не знал других белых, кроме той женщины, поэтому подумал, что, наверное, все белые люди такие.

Но, с другой стороны, моя старшая сестра была для меня в то время основным источником информации, поэтому я ей верил. И пытался сопоставить полученные от сестры и родственников сведения о нашей семье, и у меня возникало очень много вопросов.

Мне никто не объяснил, кто эта симпатичная женщина, которая иногда приходила в дом и угощала меня конфетами. Однако что-то подсказывало мне, что это важный человек в моей жизни. Может быть, потому, что она относилась ко мне с особым вниманием, хотя, конечно же, она хорошо относилась к Офелии и другим детям. Может быть, еще и потому, что мне казалось, будто мы можем общаться с этой женщиной без слов. Во время наших бессловесных разговоров мне слышалось, как она говорит мне: «Когда ты счастлив, я счастлива вдвойне». И тогда решил, что моя первая задача в этой жизни — постараться сделать так, чтобы эта женщина чувствовала себя счастливой, потому что я сам был счастлив, находясь рядом с ней. Я интуитивно догадывался, что она — моя мать, хотя напрямую никто мне этого не говорил. Внимательно смотрел на нее, отмечал и запоминал разные мелкие детали.

Эта женщина была не просто симпатичной, она была красавицей. Невысокая, при росте сто шестьдесят два сантиметра она казалась гораздо выше. У нее была светло-коричневая кожа, напоминавшая цвет кленового сиропа, из которого она готовила нам лакомство. У нее были очень сильные руки и ноги. Она могла руками разломить яблоко пополам. Это может сделать далеко не каждый, и это меня сильно удивило.

История нашей семьи таила много секретов.

Она очень красиво и элегантно одевалась, любила красный цвет и платья с рисунком «огурцы». Часто на ее шее был завязан шарф или косынка, от чего она казалась еще более женственной. Она предпочитала яркие цвета и пышные юбки. Я бы назвал ее стиль «афроцентричным».

Мне очень нравились ее улыбка и выразительные глаза. Ее улыбку можно сравнить с ощущением света, когда открываешь в ночной тьме холодильник. Даже если холодильник пустой, он освещался внутри. Подобно этому свету, ее улыбка поднимала настроение и делала жизнь легче и радостнее.

Не помню, когда именно понял, что эта женщина — моя мать. Возможно, это произошло, когда мне исполнилось четыре года. Может быть, когда она передала мне кусочек конфеты из кленового сиропа, я и почувствовал, что это моя мать.

История нашей семьи таила много секретов. Я узнавал эту историю урывками и не сразу, а по частям, к тому же из разных источников. Историю моей ма-

тери можно сравнить со сказкой о Золушке, но за вычетом доброй феи и счастливого конца, когда Золушка выходит замуж за доброго и богатого принца. Мать была старшей и единственной дочерью из четырех детей, появившихся у Арчи и Офелии Гарднер. Мать родилась в 1928 году в местечке Литтл-Рок в Арканзасе. Ее назвали Бетти Джин. Выросла она в сельской местности в Луизиане, около городка Рейвилль, в котором проживало пятьсот человек. Ее детство было бедным. В те времена в этих местах было немало расистов. В тридцатых годах прошлого века мать и ее брат Арчи пешком ходили в школу. Мимо них проезжали на лошадях и в дилижансах дети из белых семей. Они показывали на мать и ее брата пальцами, называли их неграми и плевали в их сторону. Рассказывая это, мой дядя Арчи не мог сдержать слез.

Несмотря на ненависть белого населения, детство моей матери можно назвать благополучным. Ее обожали трое ее младших братьев — Арчи-младший, Вилли и Генри. Моя мать очень хорошо училась в средней школе для черных и закончила ее в 1946 году третьей по успеваемости в своем классе. Мать хотела стать учительницей. Вскоре умерла бабушка, и планы матери резко изменились. Как и в сказке о Золушке, мой дед и ее отец снова женился. У матери появилась мачеха — ее называли «маленькой мамой». Она привела в семью собственных детей. Мать рассчитывала, что отец поможет ей оплачивать обучение в колледже, однако мачеха убедила мужа дать образование собственной дочери Эдди Ли, которая училась с матерью в одном классе, но была далеко не лучшей ученицей.

Мать очень ранило решение отца, но жизнь продолжалась. Бетти нашла работу учительницы и одновременно по вечерам посещала школу стилистов, за которую отец тоже отказался платить.

Мать была красивой и талантливой, но при этом невезучей женщиной. Не везло ей и с мужчинами. Она встречалась с учителем, неким Сэмюэлем Солтером, который был женат, но заверял, что любит ее и уйдет от жены. Узнав, что мать забеременела, он не сдержал своего слова. Ни мой дед, ни мачеха не собирались ей помогать. Они заявили, что ее поведение ставит их в неловкое положение. И не намерены содержать двадцатидвухлетнюю незамужнюю девушку, а мать-одиночку и подавно, и выставили ее за дверь.

Никто не говорил нам, что женщина, которая иногда появляется в доме и угощает нас конфетами, — наша мать.

После этого мать четыре года жила у своих братьев, которые обосновались в разных местах Милуоки. В эти годы родилась моя старшая сестра, названная в честь бабушки Офелией. Однажды во время поездки в Луизиану мать повстречала высокого и красивого незнакомца. Этот человек был женат, и звали его Томас Тернер. Плодом их романа был я, Кристофер Гарднер, родившийся 9 февраля 1954 года; в год, когда Верховный суд США признал сегрегацию в школах неконституционной.

В детстве я мало что слышал о своем отце. Его имя упоминалось всего пару раз. Впрочем, все, что было связано с моим отцом, тогда меня не очень занимало, потому что меня волновали более насущ-

ные проблемы. Пожалуй, главная проблема заключалась в том, что я не мог понять: почему моя красивая и умная мать связалась с таким человеком, как Фредди Триплетт.

Я бы не назвал Фредди Триплетта красавцем. Он был похож на Сонни Листона[1] и внешне напоминал помесь питбуля и годзиллы. Он был невысокого роста, но весил сто сорок килограммов. Не понимаю, как вообще женщины могли считать его привлекательным. Возможно, в начале общения матери понравился его характер, но я не обнаружил никаких свидетельств того, что в этом человеке было хоть что-то светлое.

Будучи ребенком, я думал: моя мать надеется, что этот человек расцветет, похорошеет и превратится в доброго молодца, подобно лягушке, которую в сказке поцеловала принцесса. У матери уже имелся печальный опыт общения с симпатичными мужчинами, которые в конечном счете изменили ей. Может быть, она считала, что ей нужен внешне неказистый человек, у которого в груди спрятано золотое сердце. Но если мать и верила в сказку о лягушке и принцессе, то в жизни все обернулось совсем по-другому. На самом деле этот человек оказался в душе гораздо неприятнее и хуже, чем его отталкивающая внешность.

Мне тогда не объяснили череду событий, в результате которых моя мать оказалась в тюрьме за

[1] Сонни Листон (1932–1970) — американский боксер-профессионал, чемпион мира в тяжелом весе.

нарушение правил получения социальной помощи. Кто-то известил представителей власти о том, что моя мать работает, чтобы прокормить меня, Офелию, а также еще одного ребенка, которого должна была родить (мою сестру Шэрон), и одновременно получает социальное пособие. Похоже, их оповестил сам Фредди. Он, видимо, считал так: пусть лучше мать три года посидит в тюрьме, чем бросит его.

Наша мать оказалась в тюрьме, поэтому мы с Офелией три года провели в доме приемных родителей или у дальних родственников. Нам тогда никто ничего не объяснял.

Никто не говорил нам, что женщина, которая иногда появляется в доме и угощает нас конфетами, — наша мать. Она получала разрешение покинуть тюрьму на несколько часов, чтобы навестить нас, при этом во время свидания в доме находился представитель власти. Нам никто ничего не объяснял, когда нас неожиданно отправили жить к дяде Арчи и его жене Кларе. Наши родственники в Луизиане, наверное, дали обет молчания и не рассказывали нам с сестрой о том, что случилось с нашей матерью. Возможно, мать сама попросила их об этом, потому что она не любила обсуждать неприятности и передавать плохие вести.

Помню, как однажды, когда был уже подростком, я начал расспрашивать мать про своего отца и почему он не принимает участия в моем воспитании. Мать посмотрела на меня так, что я мгновенно умолк.

— Но... — пытался возразить я.

Она отрицательно покачала головой.

— Но почему? — настаивал я.

— Потому что прошлого не воротишь, — твердо ответила мать. Заметив мое огорчение, добавила: — Ты ничего не можешь изменить. В жизни случаются странные вещи. — Она решила раз и навсегда закрыть эту тему.

Вот и все, поговорили...

У меня по-прежнему оставалось много вопросов, и я надеялся, что рано или поздно получу на них ответы от матери или от кого-нибудь другого. Я понял, что надо заниматься тем, что действительно для меня важно, и постараться быть настолько счастливым, насколько это возможно.

Поначалу мне показалось, что это не такая уж сложная задача.

Я вырос в бедном квартале в Милуоки на севере штата Висконсин. Мир своего детства я бы назвал сериалом «Счастливые дни»[1] для черных. Это было телешоу о жизни Америки в 1950-е годы, то есть именно в ту эпоху, в которую жили окружавшие меня люди. У них точно так же, как и в сериале, были свои компании и тусовки для людей того или иного возраста и свои комические персонажи. В первые годы моей жизни у нас был черно-белый телевизор, по которому я смотрел истории про белых людей, однако в реальности белых людей видел

[1] «Счастливые дни» (англ. Happy Days) — популярный сериал из 255 эпизодов, который транслировали по телевидению в 1974–1984 гг.

только в полицейских машинах, курсировавших по нашему кварталу.

Трое моих «упертых» дядьев словно сошли с телеэкрана из сериала «Счастливые дни». Генри и Вилли отслужили в армии, посмотрели мир, вернулись в Луизиану и вместе с третьим братом, дядей Арчи, решили уехать подальше от расизма южных штатов и перебраться в Канаду. Однако по пути в Канаду их машина сломалась в округе Милуоки. Здесь они и решили задержаться.

Трое братьев были работягами. Они поселились на плодородной земле, там, где река Милуоки впадает в озеро Мичиган. В этих местах бывает холодная зима и знойное лето. Здесь выживают люди практичные и стойкие. Мои родственники именно такие, как и многие другие переселенцы и эмигранты, осевшие в Висконсине. Возможно, эти черты были характерны и для коренного населения Милуоки — индейцев племен виннебаго и потаватоми. У многих эмигрантов — выходцев из Италии, Восточной Европы, немцев, ирландцев, евреев, скандинавов и чернокожих — была одна общая черта: безумный оптимизм.

Жители нашего квартала всю неделю вкалывали, как заводные, а по выходным с таким же рвением молились и отдыхали.

Иногда амбиции и мечты местных жителей заходили слишком далеко. Жителям Милуоки было мало одной марки местного пива, надо было иметь несколько собственных брендов. Этот округ должен был быть известным не только своим молочным животноводством и производством молока, но

и своими сырами. Здесь не довольствовались тем, чтобы округ гордился одним видом производства. Здесь имелись кожевенные заводы, верфи, пивоварни, кирпичное и мясоперерабатывающее производство, а также находились такие промышленные гиганты, как сталелитейные заводы Inland Steel, A. O. Smith и автомобильный концерн American Motors.

Основу индустриальной мощи штата заложили сталелитейные и автомобильные заводы. В эти края в поисках работы переехало много чернокожих из Луизианы, Алабамы, Миссисипи, Джорджии и других штатов, расположенных южнее линии Мэйсона—Диксона[1]. Работать на заводах было гораздо проще и выгоднее, чем батрачить на землях Юга страны, то есть в тех местах, где чернокожие менее века назад были рабами. Переселенцы из других штатов старались сохранять свои традиции и держались вместе. Отец Офелии Сэм Солтер оказался со своей семьей и многими друзьями из Луизианы в Милуоки. Семья Триплеттов, состоявшая, за исключением Фредди, из очень милых людей, приехала из Миссури.

Жители нашего квартала всю неделю вкалывали, как заводные, а по выходным с таким же рвением

[1] Линия Мэйсона—Диксона — граница, проведенная в 1763—1767 гг. Чарльзом Мэйсоном и Джеремайей Диксоном для разрешения территориального конфликта между британскими колониями в Америке: Пенсильванией и Мэрилендом. Линия определила границы современных американских штатов Пенсильвания, Мэриленд, Делавэр и Западная Вирджиния. До Гражданской войны линия Мэйсона—Диксона служила символической границей между свободными штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга.

молились и отдыхали. У нас в Милуоки люди во время рабочей недели не пили. Но как только в пятницу вечером на заводе Inland Steel, где работали трое моих дядьев, звучала сирена, оповещавшая об окончании рабочего дня, Арчи и Вилли — до выхода на пенсию, а Генри — до своей преждевременной кончины, начинали вечеринку, которая продолжалась до воскресного утра, когда все шли в церковь, каялись и молились.

В возрасте с четырех до пяти лет я жил у дяди Арчи и его жены и привык к недельному циклу работы и отдыха. Дядя и тетя были добрыми и легкими в общении людьми, которые не отягощали нас, детей, всякими правилами. Тетя была глубоко верующей и следила за тем, чтобы нас воспитывали в церковной традиции.

Каждое воскресенье мы проводили в баптистской церкви, а летом ходили в церковную школу. Кроме этого, мы вместе с тетей посещали встречи прихожан, происходившие по будням, а также присутствовали на похоронах всех членов общины, которых мы даже не могли знать. Мне нравилось бывать на церковных мероприятиях, потому что мог наблюдать, как многие люди, которые всю неделю вкалывали, а по вечерам валяли дурака, неожиданно менялись, становились благонравными и истово молились. Мне нравилось вместе со всеми петь и чувствовать свою причастность к общине. Не стоит забывать, что в то время я не понимал, кто моя мать и где она находится, поэтому мне был важен опыт общения.

Наша тетя не стремилась заменить нам мать, но заботилась о нас и любила. Моя мать очень вкусно готовила. Тетя тоже была мастерицей на кухне. Особенно мне запомнился ее кукурузный хлеб, который я мог поглощать в неимоверных количествах. Тетя не экономила на книжках и часто мне покупала их, а я с удовольствием читал. Позже мать внушала мне, что надо много читать и как можно больше времени проводить в библиотеке. Чтобы показать всю важность чтения, она говорила мне:

— Библиотека — самое опасное место на Земле.

— Библиотека — самое опасное место на Земле.

Мать объясняла:

— Тот, кто не умет читать, ничего полезного из библиотеки не вынесет, а вот тот, кто хорошо читает, найдет в библиотеке ответы на все свои вопросы.

Но в первые годы моей жизни мамы рядом не было, поэтому любовь к чтению и рассказам привила мне тетя. Когда я еще не знал буквы, тетя читала мне книжки, и потом, глядя на картинки, почти слово в слово повторял прочитанное, от чего мне казалось, будто уже научился читать. Она читала мне книги по древнегреческой и римской мифологии, детские сказки и приключенческие романы. Моим любимым жанром были приключения. Мне очень нравились истории про короля Артура и рыцарей Круглого стола. Особенно запомнилась история о мече, воткнутом в камень, из которой я сделал вывод, что найду свою счастливую судьбу.

Книги не только развивали мое воображение, но и помогали познавать мир и преодолевать собственные страхи. Так происходило со всеми книжками до тех пор, пока однажды тетя не принесла мне давно желанную книгу. Она называлась «Книга о змеях для мальчиков». Большая книга в светло-зеленой обложке, напоминавшей цвет змеиной кожи. Я несколько дней не расставался с книгой, подробно описывающей разные виды змей: от поперечно-полосатых королевских до коралловых, а также ядовитых кобр, питонов и гремучих змей. Днем я не мог оторваться от книги, а ночью меня мучили кошмары. Мне мерещилось, будто в моей кровати завелись змеи, и я сожалел о том, что днем слишком усердно рассматривал их на картинках.

Дядя Арчи и тетя очень удивились, когда однажды ночью проснулись от того, что я лег между ними.

— Что за... — начал было дядя Арчи, но, что бы он ни говорил, я не вылезал из их кровати. Они поняли, что меня лучше оставить в покое, и снова заснули. Только потом, когда я подрос и стал большим и сильным, они нередко вспоминали этот эпизод и шутили.

Кроме книг, познавать окружающий мир мне помогал черно-белый телевизор.

Помню, как я радовался, когда увидел, что Шугар Рэй Робинсон[1] стоит рядом с кадиллаком.

---

[1] Шугар Рэй Робинсон (1921–1989) — американский боксер-профессионал.

— Ну вот и дожили! — закричал дядя Арчи, положив руку мне на плечо и показывая на экран: — Шугар Рэй купил себе розовый кадиллак!

На черно-белом экране не было видно, что машина розового цвета, но эту информацию донес до нас комментатор.

Для того чтобы понять, что за пределами гетто открывается чудесный мир, у нас с сестрой был каталог Spiegel.

Нашей любимой с дядей Арчи телепрограммой была передача, спонсируемая Gillette Blue Blades, которую транслировали вечером по пятницам. Мы садились с дядей перед телевизором. Тетя и Офелия эту программу не смотрели. Дядя рассказывал мне все, что знал о профессиональном боксе, потом звучали музыкальная заставка и слова «Gillette представляет!», после чего начинался матч.

Дядин энтузиазм по поводу бокса был заразительным. Тогда ему было около тридцати лет, и своего сына у него не было. А у меня не было отца, и от этого наши отношения становились только теплее и ближе. Дядя Арчи — настоящий работяга. Он мало говорил, но был умным и сделал карьеру в профсоюзе на заводе Inland Steel. Он был очень красивым. Я бы назвал его внешность мужской версией маминой красоты. Дядя Арчи из-за худощавого телосложения казался выше своего роста. Он любил хорошо одеваться и сильно повлиял на мой вкус — задолго до того, как я смог позволить себе покупать дорогие костюмы. Он никогда не одевался излишне броско, но его одежда выглядела стильно. Он был всегда ак-

куратно причесан и носил небольшие усы, а его костюм всегда смотрелся безупречно. Всегда!

Дядя Арчи говорил, что не было на свете боксера лучше, чем Джозеф Луис[1] по прозвищу Коричневый Бомбардир. Дядя Арчи следил за карьерой этого боксера по радио, когда был мальчишкой. Он рассказывал мне, что Луис умел слышать, видеть и предчувствовать каждый выпад и удар противника. Дядя мог детально рассказать мне о проведенных Луисом поединках, словно он был спортивным комментатором. Никогда не забуду, как мы вместе смотрели поединок Шугара Рэя с Джейком Ламоттой[2]. Шугар Рэй выглядел на экране как супермен. Я был мальчишкой из гетто, и вид Шугара Рэя говорил мне приблизительно то же самое, что и красный Ferrari позднее. Но Шугар Рэй со своим розовым кадиллаком существовал для меня только на экране телевизора. Для того чтобы понять, что за пределами гетто открывается чудесный мир, у нас с сестрой был каталог Spiegel.

Это был обычный каталог одежды, украшений, мебели и домашней утвари. Вместе с Офелией мы листали его и играли в одну довольно простую игру. Надо было открыть каталог на любой странице

---

[1] Джозеф Луис (1914–1981) — легендарный американский боксер-профессионал, чемпион мира в супертяжелом весе.

[2] Джейк Ламотта (род. в 1921 г.) — американский боксер, экс-чемпион мира в среднем весе. Получил прозвища Бык из Бронкса и Бешеный Бык за неукротимый бойцовский дух.

и сказать, что все, что на этой странице изображено, принадлежит тебе.

— Ты только посмотри на мои вещи! — говорил я сестре, открыв наугад страницу. — Посмотри, какая мебель и одежда! И все это мое! Представляешь?

Офелия открывала другую страницу и восклицала:

— Посмотри, сколько у меня драгоценностей!

Во сне иногда вижу кошмары, но реалии моей жизни зачастую бывают куда страшнее.

В этом каталоге было, наверное, страниц триста, а может, и больше, и нам наша игра долго не надоедала.

Когда наступила зима и приближалось Рождество, мы немного изменили правила игры. Офелия открывала страницу и с улыбкой говорила, что все, что вижу, я получу от нее в подарок на Рождество.

— Посмотри на эту страницу. Все вещи на ней принадлежат тебе.

Потом наступал мой черед дарить ей подарок. Я находил приглянувшуюся мне страницу.

— Вот что я подарю тебе на Рождество! — кричал я. Даже не знаю, что мне больше нравилось: дарить или получать подарки.

Во время наших игр мы не обсуждали вопрос о том, где наша мама, куда она уехала и когда вернется. Тем не менее я помню, что мы с сестрой ждали ее возвращения. Ждали, что рано или поздно за нами кто-нибудь придет, поэтому, когда нам сообщили, что вскоре приедет наша мать (из тюрьмы, как я узнал позже) и заберет нас с сестрой и новой маленькой сестричкой Шэрон, я нисколько не удивился.

Какое-то время я надеялся, что после воссоединения с мамой наша жизнь наладится, хотя мамина история совсем не была похожа на историю Золушки. Я помнил красивую женщину, угощавшую меня самодельными конфетами, и ждал ее. В момент нашей встречи я был необыкновенно счастлив, но это чувство прошло, как только в мою жизнь, как бульдозер, въехал Фредди Триплетт. Читатель может подумать, что в моих отношениях с Фредди, ставшим мужем матери и моим отчимом, мог бы быть некий «медовый месяц». Нет. Как только я увидел его, с первой секунды понял, что он мой враг. Я даже не подозревал, сколько горя и несчастий этот человек принесет в наши жизни, но, вероятно, сразу почувствовал, что он плохой человек, потому что ему нравилось делать мне больно. Я помню фразу, которую он мне потом не раз повторял, вызывая во мне только обиду и злость. Когда я впервые увидел его, он четко и громко заявил:

— Черт подери, парень, я не твой отец!

Глава вторая
Блюз безотцовщины

— Вставай скорей, Крис! — слышу голос своей трехлетней сестры Шэрон. Она трясет меня за плечо.

Не открывая глаз, пытаюсь сообразить, где я. Сейчас вечер Хэллоуина. Я лежу в кровати, занимающей большую часть моей маленькой комнаты

в нашем доме. Этот дом принадлежит Бесси, сестре Фредди, и расположен на пересечении Восьмой улицы и Райт. Как только я все это осознаю, у меня возникает желание еще немного поспать. Во сне иногда вижу кошмары, но реалии моей жизни зачастую бывают куда страшнее.

Мать забрала меня, Офелию и Шэрон, которая родилась в женской тюрьме, и перевезла нас к Фредди. С тех пор наша жизнь сильно изменилась, и в основном в худшую сторону. Незнакомый и пугающий меня мир в тот период, когда я жил у дяди Арчи и его жены, кажется прекрасным и безобидным по сравнению с привычным миром, которым правит Фредди. Мама старается окружить нас заботой и любовью, но с каждым днем нарастает его наглость и жестокость.

Я попытался расположить к себе Фредди, но, что бы ни делал, все было бесполезно. Он меня часто бьет. Когда мы с Офелией жили у дяди Арчи, нас практически никогда не били, но сейчас Фредди колотит нас чуть ли не каждый день. И все потому, что он безграмотный, злой садист и законченный алкоголик.

Я думал, Фредди обрадуется моим успехам в школе. В возрасте пяти, шести и семи лет мне очень нравилась школа, в которой мог учиться и общаться со сверстниками. Тетя научила меня читать, когда я был совсем маленьким, и теперь пожинаю плоды своих прежних усилий. Один из моих любимых учителей, мистер Бродерик, просит меня читать вслух в классе чаще, чем других учеников. Тогда у нас дома не было телевизора, поэтому

я пристрастился к чтению. Матери нравилось посидеть после долгого рабочего дня и послушать, как я читаю или рассказываю ей о своих новостях.

В то время мать все еще лелеяла надежды, что сможет получить образование и диплом учителя в штате Висконсин. У нее было четверо детей (Офелия, я, Шэрон и наша маленькая сестренка Ким), и забота о нас требовала немалых усилий и много времени. Она подрабатывала уборщицей в домах богатых белых людей, при этом не жаловалась на жизнь и ни слова не говорила о своей работе. Мать всегда выслушивала меня, когда я ей рассказывал про школу или мы вместе рассматривали книжки с картинками, которые она покупала. В те годы мне нравилась книжка «Красный воздушный шар», я перечитывал ее много раз. Сидя рядом с мамой, я в очередной раз открыл книжку и показывал ей иллюстрации, на которых был изображен волшебный город и летящий на красном воздушном шаре мальчик. Глаза матери светились от радости, словно она сама парила над крышами домов в корзине воздушного шара. Тогда еще я не знал, что волшебный город, над которым пролетал мальчик, называется Парижем и расположен он в стране под названием Франция. И, конечно, не мог знать, что мне доведется несколько раз побывать там.

Свои комплексы и неуверенность в себе он прикрывал агрессией, заявляя, что все, кто умеет читать, — «пижоны и ублюдки».

Мама гордилась моими успехами в школе. Но если я рассчитывал на то, что хорошая учеба по-

может добиться расположения Фредди, то жестоко ошибался. Фредди Триплетт не умел ни читать, ни писать и был вполне доволен таким положением вещей. В то время ему было немного за тридцать. В Миссисипи он перестал ходить в школу в третьем классе и только через пару лет научился набирать телефонный номер. Свои комплексы и неуверенность в себе он прикрывал агрессией, заявляя, что все, кто умеет читать, — «пижоны и ублюдки».

Если следовать логике Фредди, в число этих людей должны были входить моя мать, я сам, мои сестры и вообще все те, кто был грамотным и, следовательно, имел по сравнению с ним определенное преимущество, которым мог воспользоваться. Глядя в пьяные, безумные глаза Фредди, было легко понять, что он со всех сторон окружен «пижонами и ублюдками», которые только и мечтают его «срезать». Добавьте к этому алкоголизм, и вы получите рецепт, как стать параноиком.

Я довольно быстро сообразил, кто такой Фредди и чего от него можно ожидать, но по-прежнему надеялся своим хорошим поведением и успехами в школе добиться его расположения. В один прекрасный день все эти мечты рухнули.

Как-то к нам приехал Сэм Солтер, чтобы навестить свою дочь Офелию.

Совершенно неожиданно Солтер и Фредди нашли общий язык. Это выглядело довольно странно, и не столько потому, что у каждого из них был от матери ребенок, сколько из-за того, что они были очень разными. Солтер — настоящий джентльмен-южанин.

Он всегда хорошо одет. Работал учителем и ясно выражал свои мысли (порой можно было подумать, что он адвокат). Это не раздражало Фредди, который ни разу не назвал его «пижоном и ублюдком». В общем, эти два человека сильно отличались друг от друга. Фредди запросто мог выгнать гостей, войдя в комнату с пистолетом и приказав всем присутствующим убираться ко всем чертям из его дома. Или мог прогнать гостей матерной бранью, размахивая зажженной сигаретой Pall Mall и бутылкой виски, которая, казалось, приросла к его руке.

Фредди пил виски марки Old Taylor, но мог залить в себя что угодно — хоть Old Granddad, хоть Old Crow. Он пил прямо из горла бутылки и никогда не переливал виски в серебряную фляжку, как это делали более продвинутые персоны. Фредди носил джинсы или камуфляжные штаны, майку, шерстяной джемпер и тяжелые рабочие ботинки. Бутылка виски была постоянным продолжением его руки. Ума не приложу, как ему это удалось, но его не только не уволили из A. O. Smith, но и дали спокойно доработать до пенсии. Бесспорно, Фредди был работягой, но и пил при этом, как лошадь.

— Но ты точно не мой чертов сын, и я тебе ничего не дам!

Когда приехал Солтер, мы с Офелией бросились к нему. Мы вошли в комнату, где был Солтер, и Фредди последовал за нами. Каждый раз, когда Солтер приезжал в гости, он дарил своей дочери Офелии два доллара, а мне, так как я не был его сы-

ном, один доллар. Офелия подошла к отцу, получила свои два доллара, сказала: «Спасибо, папа!» и вышла, после чего настала моя очередь.

Солтер увидел мою протянутую руку и улыбнулся. Не заставив меня долго ждать, он похвалил меня за успехи в школе и передал мне новую хрустящую банкноту. Я был очень рад подарку.

— А может, ты мой папа? — спросил его я.

— Да, — ответил Солтер, задумчиво кивая, — я твой папа, — и протянул мне вторую однодолларовую купюру, добавив: — Положи это в банк, сынок.

Я был несказанно рад тому, что получил еще один доллар и Солтер сказал, что он мой отец. Но тут раздался голос Фредди:

— Но ты точно не мой чертов сын, и я тебе ничего не дам!

Представьте мое состояние после таких слов. Я заметил, что Солтер взглянул на Фредди неодобрительно, как бы показывая, что тому не стоило этого говорить, да и в тот момент я вообще не с ним разговаривал, и его замечание было грубым и совершенно неуместным. Но Фредди это нисколько не останавливало. Он постоянно напоминал, что не мой отец, и часто комментировал размер моих ушей.

Даже если я находился рядом, на вопрос посторонних людей о том, где я, Фредди неизменно громко отвечал:

— Понятия не имею, где этот вислоухий кретин.

После этого он со злорадством смотрел на меня, словно ему доставляло удовольствие уколоть меня.

Даже мой темный цвет кожи не мог скрыть краску стыда и унижения.

Фредди явно доставляло удовольствие наблюдать за моими страданиями. Я внимательно изучил свои уши в зеркале и пришел к выводу, что они действительно немного большие, поэтому его комментарии по поводу моих ушей ранили еще больнее. Со временем моя голова догнала уши, которые стали нормального размера и перестали бросаться в глаза.

Дети в школе тоже обратили внимание на размер моих ушей и прозвали меня Дамбо[1] в честь слоненка, героя мультфильмов Диснея. Шуточки по поводу моих ушей и постоянное напоминание, что я безотцовщина, не добавляли уверенности в себе. Отцы были у всех детей. У Офелии был Солтер, отцом Ким и Шэрон был Фредди. У всех моих школьных друзей были отцы. Однажды я понял: Фредди никогда не будет меня любить. Что делать и как себя вести дальше?

На полу лежит мама. Она без сознания. В ее затылке торчит деревянная дубина, и под головой растекается лужа крови.

Я уже принял одно стратегическое решение. Если у меня будет сын, то всегда буду о нем заботиться и никогда не исчезну из его жизни. Однако плана на краткосрочную перспективу не было. Как мне жить дальше, когда меня называют вислоухим кретином, и как бороться со страхом, который постоянно испытываю дома?

[1] Дамбо — слоненок с огромными ушами.

Я начал всего пугаться. Опасался того, что Фредди может навредить мне и моей семье. Боялся, что однажды он может убить мою мать и сестер. И жил в страхе, что в один прекрасный вечер Фредди напьется, достанет пистолет и, направив его на нас, выгонит из своего дома.

В то время мама спала в гостиной в обуви на тот случай, если ей придется быстро схватить нас и бежать из дома. Я боялся того, что Фредди может ударить мать слишком сильно и убить ее. Боялся, что Фредди может забить до смерти Офелию или меня. Я не знал, что делать, но понимал, что полиция мне не поможет. Полицейские уже не раз приезжали и забирали пьяного Фредди в участок, но наутро он трезвел, и его отпускали.

Как же быть? Я не мог найти ответа. Эта мука преследовала меня и ночью и днем. Ко мне вернулись ночные кошмары, которые появились пару лет назад, когда мы жили у дяди Арчи (тогда они были связаны с живущей по соседству белой ведьмой). Некоторые из ночных кошмаров были такими ужасными, что я боялся вставать и думал: если собью с тумбочки лампу, то кто-нибудь проснется и придет мне на помощь.

— Крис! — это Шэрон снова меня будит.

Я приподнимаюсь на кровати и открываю глаза. До того как я прилег, ничего особенного не происходило. Мы зашли к соседям, нас угостили конфетами, а потом Офелия отправилась в гости к подружке и, скорее всего, все еще там и находится. День был

довольно спокойным. Мы живем в доме Бесси — это единственная наша родственница, имеющая собственный дом. Бесси — предприимчивая особа, и она владеет салоном красоты под названием Bessie's Hair Factory, расположенным в подвале этого дома.

Шэрон плачет и тянет меня за рукав:

— Мама лежит на полу.

Я вскакиваю с кровати, накидываю халат и бегу в гостиную. На полу лежит мама. Она без сознания. В ее затылке торчит деревянная дубина и под головой растекается лужа крови. Шэрон начинает плакать еще громче.

Я в шоке, но стараюсь хладнокровно оценить ситуацию и понять, что произошло.

Мать, наверное, шла к двери, а Фредди ударил ее сзади по голове. Он стукнул ее деревяшкой с такой силой, что та застряла и брызги крови разлетелись по всей комнате.

Я ужасно боюсь, что он убил мать, и вижу, что Бейби звонит по телефону и вызывает «Скорую помощь». Бейби — это младшая сестра Фредди. Она говорит, что «Скорая» должна приехать с минуты на минуту, и успокаивает Шэрон.

В моей голове крутится вопрос: «Что я могу сделать в этой ситуации?» Кругом кровь, сестра плачет, а Бейби говорит, что мать отвезут в больницу и все будет хорошо. Нужно что-то сделать, чем-то занять себя. Я должен вымыть духовку! Бегу на кухню и начинаю драить духовой шкаф нашей плиты, такой старой, что, судя по всему, она появилась еще во времена, когда Америка была британской коло-

нией. Тру плиту подушечкой Brillo, с содой и водой. Чищу и молюсь:

— О господи, сделай так, чтобы мама не умерла! И еще сделай так, чтобы никто не зашел на кухню и не увидел, чем я тут занимаюсь.

Я стыжусь того, что белые медики и полицейские увидят не только кровь, но и грязную духовку. Нужно вычистить духовку, чтобы доказать всем: в этом доме живут приличные люди, за исключением Фредди, который в очередной раз пролил кровь и ударил женщину.

«Скорая» приезжает, врачи работают слаженно и быстро, они разговаривают с Бесси и Бейби, но не со мной, удаляют из головы матери дубину, кладут маму на носилки и увозят.

Я по-прежнему продолжаю мыть духовку. Это единственное полезное дело, которое могу сделать в царящем вокруг хаосе. Все мои чувства парализованы, и я помогаю себе, как могу.

То, что я отмыл духовку, не помогло матери. Ее спас крепкий череп. В буквальном смысле слова. Только поэтому Фредди тогда не убил ее. На следующий день мать вернулась из больницы с перевязанной головой и обещанием, что мы больше никогда не увидим Фредди. Ее глаза горят решимостью.

— Вы больше никогда его не увидите, — уверяет она нас.

Проходит неделя без Фредди, но потом он все-таки возвращается. Я знаю, что будет дальше, потому что все это уже не раз наблюдал. Он возвращается, извиняется и некоторое время ведет себя

вполне сносно. Но его поведение предсказуемо, как погода: зимой всегда холодно, а летом — тепло. Никто не знает, когда он сорвется в следующий раз, но это обязательно случится.

Почему мама ему верит? Не знаю. Но, с другой стороны, понимаю, что наша жизнь может стать еще хуже, если мать от него уйдет.

Я не представлял, что буду делать в ближайшем будущем, но твердо осознал: никогда не буду обращаться со своими детьми так, как обращается с нами Фредди Триплетт. Никогда не буду терроризировать домашних, орать и бить женщин и детей, пить до беспамятства. Но все это придет в далеком будущем, а пока мне надо противостоять Фредди, чтобы не быть похожим на него. Тихая ненависть. Это все, что мне остается.

Во мне стал назревать протест. Конечно, мне с ним не справиться и я не могу с ним драться. Поэтому мог полагаться только на то, что знаю и умею и чего он сделать не в состоянии. Фредди не умел читать, и я решил этим воспользоваться.

Иногда я читал вслух. Просто так, показывая ему то, что умею читать, а он — нет. Да, у меня большие уши, но я хотя бы умею читать. Ты можешь меня побить, но все равно не способен ничего прочитать. Иногда я открывал книгу и громко, чтобы он слышал, спрашивал мать о том, как пишется то или иное слово или какое оно имеет значение.

Мать добродушно смотрела на меня, и я читал в ее взгляде: «Сынок, ты сам прекрасно знаешь, как пишется это слово и что оно значит». Но у нас было

с ней негласное соглашение не сдаваться. Фредди не сможет нас сломить. Поэтому мать громко отвечала мне: «Не знаю», после чего мы глазами улыбались друг другу.

В ту зиму спустя некоторое время он снова ее избил и отправился куда-то в бар или к приятелям. Мама поднялась с пола, приложила лед к опухшему лицу и начала собирать вещи.

— Нам надо отсюда уходить, — сказала мать мне и Офелии и попросила помочь ей уложить вещи. У нас было мало времени, и мы торопливо побросали вещи в сумку. В тот раз мы ушли не к родственникам, а в квартиру, которую мать сняла на Шестой улице, неподалеку от дома Фредди, на пересечении Восьмой улицы и Райт. Мы сложили наши пожитки в тележку из супермаркета и вчетвером подошли к дому. Мать начала судорожно искать что-то в карманах и сумках.

— У меня нет ключа, — горестно сказала она, глядя на темные окна квартиры на втором этаже. Вид у матери был совершенно подавленный.

Я осмотрелся кругом. На тротуаре перед домом стоял столб.

— Я могу взобраться на столб, спрыгнуть на балкон, открыть окно и пробраться в квартиру. А потом открыть вам изнутри, — предложил я. Я умел лазать по деревьям. Мне нужно было это сделать, чтобы раз и навсегда избавиться от Фредди. Я увидел цель и понял, что надо действовать. Передо мной стояла конкретная задача, которую должен был решить. И действительно взобрался на столб,

спрыгнул на балкон, поднял раму и проник в квартиру. Потом открыл входную дверь изнутри и впустил мать и сестер. Я гордился своим поступком.

Последующие дни мать выглядела очень озабоченной. Она опасалась, что нагрянет Фредди и попытается захватить нашу новую территорию.

— Он не придет, — уверяла меня мать. — Больше мы его никогда не увидим.

Однажды вечером я услышал в гостиной мужской голос, в котором, как мне показалось, звучали нотки угрозы. Разговор шел о деньгах и квартплате. Но голос принадлежал не Фредди, а незнакомому белому мужчине. Этот человек очень неуважительно разговаривал с моей матерью, которая дрожала от страха.

Я побежал на кухню и схватил большой нож.

— Не смейте так разговаривать с моей матерью, — сказал я белому мужчине, прервав его на полуслове.

Мать посмотрела на меня, и я понял: не следует перечить и нужно вести себя повежливее.

Я ответил ей взглядом: ладно, послушаюсь. Не выпуская ножа из рук, снова обратился к белому мужчине:

— Нельзя так говорить с моей матерью, мистер.

Мужчина попятился и вышел, оставив нас в покое. Это далеко не единственный случай, когда к матери и сестрам отнеслись неуважительно. Мне

Мне в жизни не раз приходилось подавлять в себе желание ударить представителей другой расы и класса, которые демонстрировали свое презрение ко мне или моей семье.

в жизни не раз приходилось подавлять в себе желание ударить представителей другой расы и класса, которые демонстрировали свое презрение ко мне или моей семье.

Между тем Фредди все-таки вернулся, и все завертелось по-старому. Каждый раз, когда мать мирилась с Фредди, я чувствовал свою беспомощность. Не прошло и недели, как мы снова собрали пожитки и вернулись в его дом. Неделю Фредди держался и вел себя тихо. Я был раздосадован таким развитием событий. Тогда я не понимал: мать, уже отсидевшая срок, опасалась, что Фредди снова упрячет ее за решетку. У матери не было денег, но было четверо детей, о которых надо было заботиться. Мать оказалась в сложной ситуации.

Мне очень хотелось помочь матери и найти выход из тяжелого положения. Однажды воскресным днем Фредди ел тушеную свиную шейку, которую мать прекрасно готовила. Вообще, Фредди ел исключительно неопрятно. Настолько неряшливо, что мне казалось, так едят только свиньи. Но в тот раз наблюдать за ним было омерзительно. Он обсасывал кости и ломал их о стол так, что у меня это вызывало отвращение. Он не только ел, как свинья, но при этом пукал, рыгал, чихал и урчал. Во время еды со всей очевидностью проявлялась его животная суть.

Этот полоумный человек был грязной, пьяной и наглой свиньей. Он никогда не упускал случая поиздеваться над матерью, сестрами и мной. Я был единственным, кроме него, мужчиной в доме, умел читать и писать и был сыном своей

матери. Может быть, именно поэтому он так ненавидел меня?

Я не знал, за что Фредди невзлюбил меня. Но тогда я, восьмилетний мальчик, четко понял, что однажды убью этого подлеца.

Домашняя обстановка была скверной, но жизнь в нашем квартале протекала довольно спокойно и даже интересно. Безопасным наш квартал считался в том смысле, что все знали его границы. В северной части квартала, ограниченной улицей Кэпител Драйв, идущей с востока на запад, жили наиболее обеспеченные черные. Родители детей, живущих в тех местах, имели неплохую работу, некоторые из них были докторами, учителями, государственными служащими или адвокатами.

В центре квартала жили семьи рабочих сталелитейных или автомобильных заводов (местные жители гетто втайне хотели переехать в более престижный район, но делали вид, будто им это не нужно, потому что в буржуазном районе живут одни зазнайки). С миром белых людей нас соединял мост в южной части, который по неписаным законам нашего квартала нельзя было пересекать. С севера на юг через квартал пролегала Третья улица; там находись магазины Gimbels, Boston Store, Brill's и дисконтный центр. Последний был моим любимым местом, и в нем мне покупали дешевую одежду.

Моя начальная школа, называвшаяся Lee Street Elementary School, находилась рядом с домом, на оживленном пересечении Девятой улицы и Мейне-

ке. Любопытно, что сестра Опры Уинфри[1] ходила в школу, в которой я учился, когда семья Опры жила в Висконсине. Напротив школы находился магазин, принадлежащий Сю, толстому лысому еврею. Сю был одним из немногих белых, которые жили в нашем квартале. Я тогда еще не знал, что евреи, хотя они и белые, — это совсем не белые протестанты-англосаксы. Многие жители любили Сю за то, что постоянным покупателям он давал товары в кредит. Нам нравилось, что Сю в магазине помогают двое черных, которые позже и выкупили у него лавочку. Одного из этих черных звали Генри, а у его сына была кличка Бульдог. Оба они были приятными ребятами.

Сю продавал очень вкусную еду. Например, у него были самые вкусные колбасы, которые мне довелось попробовать в своей жизни. Кроме еды, в его магазине можно было приобрести всякую всячину для дома. Мать часто посылала меня в магазин Сю, из которого я приносил банку ее любимого соуса Sweet Garrett, пачку жевательного табака Day's Work или непонятный для меня предмет личной гигиены под названием Kotex. Иногда приносил матери не совсем то, о чем она просила. Например, я очень плохо разбирался в женских чулках и покупал не тот цвет или путал марку производителя. В дальнейшем мать начала писать и передавать через меня записки Сю с названием и описанием нужного товара.

---

[1] Опра Уинфри — телеведущая известного телешоу. Оно выходило в течение 25 сезонов, с 1986 по 2011 г., и транслировалось в 146 странах.

Через две улицы от школы находился магазин, который все мы называли «магазином для ниггеров». Этим магазином действительно владели черные (в отличие от большинства магазинов в нашем квартале, принадлежащих белым), но называли мы его так исключительно от большой любви. Именно там я тратил свои деньги, когда они у меня появлялись. Покупал себе на доллар конфет или попкорн Okey Doke со вкусом сыра.

В то время для меня был насущным вопрос, где достать деньги на карманные расходы (впрочем, в этом я был не одинок: бóльшая часть знакомых детей и взрослых ломали голову над тем же самым вопросом). Все стремились найти источник заработка. У Бесси был сын, тринадцатилетний парень по имени Терри — заводила среди своих сверстников. Я присоединился к его компании и стал следовать за ними в поисках приработка.

Терри утверждал, что мы не воруем, а помогаем городским властям избавиться от мусора.

В то время началась подготовка к строительству автострады 43, которая должна была пройти по нашему кварталу между Седьмой и Восьмой улицами. Для строительства эвакуировали всех жителей Седьмой улицы и закрыли все магазины, чтобы подготовить дома к сносу. Терри и его команда увидели в ситуации свой шанс и решили заработать на том, что можно найти в брошенных домах.

Вместе с ребятами я начал выносить из домов все, что можно было продать. В первую очередь мы искали металлы: свинец и медь. Но продать мож-

но было дверные и оконные ручки, старую одежду и даже бумагу. Терри утверждал, что мы не воруем, а помогаем городским властям избавиться от мусора. Без нас все дома просто бы снесли, вывезли мусор, и городу пришлось бы за это заплатить. Мы грузили отвоеванное добро в тележки из супермаркетов и ехали к границе нашего квартала, где прямо перед мостом, ведущим в белые районы, находился магазин старьевщика Каца. Этот еврей-предприниматель взвешивал и покупал нашу добычу.

Так как товар приобретался на вес, мы делали все возможное, чтобы груз стал тяжелее. Можно было, например, сунуть на дно мешка с ветошью и тряпками что-нибудь тяжелое. Но мистера Каца так просто не проведешь, потому что он на своем бизнесе собаку съел. Он по весу моментально понимал, что мы пытаемся его надуть, начинал ругаться на идиш и проверять, что мы ему подложили. В общем, нам ни разу не удалось его обмануть. Тем не менее нам удалось неплохо заработать. Нам — это ребятам постарше. Терри и его приятели неплохо наживались, а мне перепадало пять или десять долларов. Впрочем, они были совсем не лишними, потому что я мог потратить их, например, на конфеты или кино и не просить денег у матери. Этот опыт показал мне, что рынком управляют две силы — спрос и предложение. Не сомневаюсь, что весь мусор, который у нас покупал мистер Кац, он перепродавал с выгодой для себя.

Однако далеко не все затеи Терри вписывались в строгие рамки закона. Однажды он притащил во двор несколько блоков сигарет, и все дети, включая

меня, начали курить. Терри наплел историю про то, что эти блоки сигарет свалились с грузовика. На самом деле Терри и его приятели эти сигареты украли. Впрочем, происхождение сигарет тогда меня не интересовало, потому что считал, что с сигаретой выгляжу суперкруто. И главное, взрослые меня не застукали, что было очень приятно.

Но взрослые за нами следили. Со стороны казалось, что мы можем гулять совершенно свободно и навещать своих друзей, однако в этом случае за нами присматривали родители наших друзей. Я понял, что воспитание детей — это общее дело, на примере одного случая, который произошел, когда я пришел навестить братьев Болл, Артура и Вилли. Эти ребята любили американский футбол. Когда подрос, я тоже начал играть и стал квотербеком[1]. Мы пасовали друг другу мяч, много бегали и часто забивали, поэтому счет нашей игры был больше похож на счет в баскетболе и мог выглядеть так: 114: 98. Братья Болл были отличными защитниками, обойти их было сложно, и они мечтали о профессиональном спорте. Они очень милые и вежливые, но при этом в подростковом возрасте превратились в настоящих громил. Однажды жарким летним днем я подошел к их дому. Москитная сетка была уже открыта, а самой деревянной двери вообще не было, поэтому

В то время во многих семьях делали различие между наказанием за провинность и обычной поркой.

[1] Квотербек — играющий помощник тренера в американском футболе.

я спокойно вошел внутрь. Ко мне подошла мать братьев миссис Болл и пригрозила пальцем:

— А ну-ка, выйди и зайди нормально! Дверь надо открывать! Ты что, совсем невоспитанный?

Я не понимал, чего она от меня хочет. Москитная сетка открыта, и другая дверь вообще отсутствует. Что ей от меня нужно?

Я развернулся и вышел за дверь.

— Тебя же хорошо воспитывают. Я знаю твою мать. А теперь открой дверь. Открой дверь, понял? — сказала она.

Миссис Болл была чуть постарше и поплотнее моей матери, и она четко дала мне понять, кто в ее доме хозяин.

Я молчал, не понимая, чего от меня хотят. Как войти в дверь, которая открыта? Миссис Болл стояла, уперев руки в боки, и смотрела на меня. Я вышел и закрыл за собой москитную сетку.

— А вот теперь можешь заходить, — пригласила меня миссис Болл.

Я вошел, и она широко улыбнулась.

— Как дела, Крисси? — спросила она.

Не все следили за соблюдением приличий так же строго, как миссис Болл, но все родители стремились уберечь своих детей от беды. В то время во многих семьях делали различие между наказанием за провинность и обычной поркой. Никто не щадил розог. Матери и отцы детей знали друг друга, поэтому считалось совершенно нормальным, когда взрослые наказывают чужих детей. После этого они звонили родителям провинившегося ребенка, и ма-

тери забирали свое чадо. А дома провинившегося ждала грандиозная трепка, когда с работы приходил его или ее отец.

В нашей семье все было по-другому. Фредди и так постоянно лупил нас без всякой нужды, поэтому мать вообще пальцем не трогала. Она стремилась к тому, чтобы мы делали выводы без физического наказания. Она тщательно подбирала слова, произносила их строгим голосом и выражением глаз подчеркивала все то, что мы должны были понять.

Впрочем, бывали и исключения. Однажды я украл из «магазина для ниггеров» пакет попкорна Okey Doke со вкусом сыра стоимостью десять центов. Владелица этого магазина прекрасно знала мою мать и схватила меня за воротник, когда с невинным видом я выходил из магазина. Владелица заявила, что не только знает мою мать, но и знает, где она работает. За то, что я украл на десять центов попкорна, хозяйка магазина позвонила моей маме и сообщила в полицию.

Мать пришла и забрала меня, а потом отлупила со всей силой человека, который хочет, чтобы подобное воровство больше не повторилось.

Мама творчески подошла к моему наказанию. Она выпорола меня толстым крученым телефонным проводом, идущим от трубки. Шнур дергался, и трубка издавала звуки «Дзинь! Дзинь! Дзинь!». Отлупила она меня очень жестко, так сильно, что иногда мне казалось, что может меня убить. Кроме этого, наказание имело и психологический эффект, поэтому несколько недель я вздрагивал, услышав

телефонный звонок. Это был последний раз, когда она меня побила. После этого я долго не воровал, а точнее, до тех пор, пока не стал подростком.

Возможно, мама видела, что мне нравится общество Терри, и не хотела, чтобы я пошел по его стопам. Все мы чувствовали, что Терри нарывается на неприятности и что он прирожденный хулиган.

— Эй, Крисси! — часто звал меня Терри, приглашая поиграть в Большой дом. Однажды утром мы пришли к нему гурьбой, вместе с его и моими сестрами. И превратили лестницу дома в «американские горки» из Диснейленда. Эта игра была веселее и подвижнее, чем игры, во время которых мы выбирали героев из разных фильмов. Из кинокартины «Великолепная семерка» я выбирал героя по имени Крис, которого сыграл Юл Бриннер, — в фильме он выглядел классно. Хотя с героем кинокартины меня объединяло имя, чаще всего Криса выбирали ребята постарше. Тогда кино оказывало на меня большое влияние, как и книжки, которые были для меня окном в другой мир. Мой любимый фильм в детстве — «Волшебник Изумрудного города». Я тогда мечтал уехать в Канзас, где не случалось ничего плохого, кроме торнадо.

Но я был ребенком, и мне надо было двигаться и играть. В тот день дома не было взрослых, и мы все утро спускались с лестницы в картонных коробках, к которым приделали диванные подушки наподобие бамперов. Когда устали от этой игры, Терри предложил новую:

— Крисси, а давай-ка устроим битву на подушках! Мальчишки против девчонок!

— Да! — закричал я, потому что мне понравилась его идея.

Очень быстро битва на подушках зашла слишком далеко, потому что Терри запихнул в свою подушку тяжелый кусок свинца и ударил свою сестру Элейн по голове. У нее пошла кровь, она начала кричать.

Все мгновенно разбежались. Одна из девочек, та, что постарше, пошла искать Пола Крофорда. Так звали отца Терри. Когда о нем говорили, то употребляли его имя и фамилию. Хотя Пол Крофорд не был женат на Бесси, он играл в жизни обитателей дома важную роль. Он был плотником, мастером на все руки и пройдохой, которого черта с два обманешь. Когда возникали разногласия, он выступал в качестве третейского судьи и имел возможность бесплатно доставать пятидесятикилограммовые мешки с картошкой. У нас было мало денег, но с голоду мы бы точно не умерли.

Я был бы счастлив, если бы Пол Крофорд был моим отцом. В нем чувствовался городской стиль, при этом он умел работать и не был ленивым. Он всегда появлялся в «образе»: рабочий ремень на талии с массой разных инструментов, пластмассовая строительная каска набекрень на голове и в уголке рта незажженная сигара. Лишь однажды я наблюдал Пола Крофорда в другом виде, когда он наказывал своего сына за разбитую голову Элейн.

Девочке сделали перевязку и увезли в больницу. Пол Крофорд собрал нас в гостиной Большого дома, где он предварительно сдвинул всю мебель на одну сторону комнаты. Словно в картине «Бродяга высо-

когорных равнин», которую я увидел через несколько лет после описываемых событий, Пол Крофорд медленно снял с себя ремень и внимательно смотрел нам в глаза, выжидая, что кто-нибудь из нас расскажет про проделки Терри. Каждый из нас, включая самого Терри, утверждал, что ничего не знает и ни в чем не виноват.

— Хорошо, — сказал Пол Крофорд. — Значит, кто-то из вас мне чего-то недоговаривает. — Не выпуская из рук ремень, он красивым жестом прикурил сигару.

Единственное отличие этой сцены от сцены Клинта Иствуда — отсутствие ковбойской шляпы. На голове Пола Крофорда была каска строительного рабочего. И вместо пистолета Пол Крофорд держал ремень, который в его руках превратился в опасную и живую змею. Хотя он бил в основном Терри, нам тоже порядочно досталось. Пол Крофорд бил и приговаривал:

— Будете гнева Божьего бояться, черножопые ваши задницы.

После этого прекратилось курение сигарет, гетто-Диснейленд закрылся и битвы на подушках больше не повторялись.

Мы стали искать более спокойное и безопасное занятие. Когда на улице потеплело, мы с Терри решили построить в конце двора сарайчик из валявшихся под ногами дощечек.

Думали, что никто не станет возражать против нашей затеи. Однако, как оказалось, Фредди был против. Он пытался заснуть, а мы сильно шумели и мешали ему спать. Терри был снаружи нашего са-

райчика и вбивал в стены гвозди, а я вбивал гвозди внутри, поэтому не услышали криков Фредди. Вдруг звуки молотка Терри затихли. Потом неожиданно наш сарайчик начал исчезать прямо на глазах. Сарайчик рушился, и сквозь падающие стены я увидел, как Фредди машет топором на длинной рукоятке.

Фредди рубит топором наш сарайчик, в котором находился я, а Терри сбежал. Фредди было совершенно безразлично, что я находился внутри, и он не обращал внимания на мои крики, потому что мне в ногу вонзилась щепка и потекла кровь. Фредди был как в трансе, словно в него вселились демоны. Он с остервенением крушил разозливший его предмет, а заодно и меня.

Во всей этой какофонии — удары топора и мои вопли — я услышал обращенный к Фредди крик матери:

— Остановись! Перестань!

Фредди хмыкает и останавливается.

— Я говорил ему, чтобы он прекратил шуметь, — оправдывается он.

Можно не сомневаться, что Фредди обломает любое веселье. Мать успокоила меня и наложила повязку на рану. Но рана начала чесаться, я часто ее трогал и занес инфекцию. Мать наложила мне новую повязку, которая у меня упала в один из дней, когда мать была на работе.

Я промыл рану и стал искать бинт, чтобы сделать повязку. В пакете из магазина Сю я нашел что-то похожее на чистую небольшую марлевую повязку и решил, что этот предмет вполне подойдет.

Закрыл рану этим бинтом-прокладкой и, гордый своей неожиданной сноровкой, решил прогуляться по улице и продемонстрировать всем свою повязку.

Я вышел на улицу и встретил Терри. Тот шел мне навстречу и с ужасом осмотрел меня с головы до пят.

— Что у тебя на ноге, Крисси? — спросил он. Не успел я ответить, как он продолжил: — Чего это ты Kotex на ногу нацепил? Совсем спятил?

Я совершенно не понимал, с чего это он так разволновался.

Терри пригрозил мне пальцем:

— Чтобы я тебя больше в таком виде не видел! Сними с себя немедленно этот женский Kotex! Прямо сейчас! И чтобы больше этого не было.

Жизнь уже который раз доказывала, что у меня просто нет другого выбора, как убить его.

Небольшой шрам от той раны остался у меня по сей день, но чувство стыда, когда понял, что вместо повязки использовал женскую гигиеническую прокладку, прошло быстро.

В общем, вот вам еще один факт, свидетельствующий о том, что у меня были все основания ненавидеть Фредди. Вопрос в том, как именно от него избавиться. Это было так же непросто, как убийство огнедышащего дракона молодым и неопытным рыцарем.

Как же мне поступить? Убить его из пистолета? Такой план казался мне нереальным. Фредди вырос в деревне, умел охотиться и рыбачить, поэтому с оружием он обращался умело. Его пристрастие к оружию можно сравнить с тягой к алкоголю. Оружие помогало ему выйти из ситуации, если та

складывалась не в его пользу, выразить внутреннее недовольство жизнью и свести счеты с человеком, когда драки было явно мало.

К восьмилетнему возрасту у меня уже был печальный опыт с заряженным огнестрельным оружием. Два года назад я играл с приятелем рядом с гостиницей Thunderbird Inn и нашел в духовке брошенной квартиры пистолет калибра 5,6 мм. Мы тогда не поняли, что пистолет настоящий, решили опробовать его и навели на одну девочку. Прозвучал выстрел. Слава богу, мы промазали, но могли убить ту девочку. Когда Фредди по телефону сообщили, что я натворил, он бросился меня искать. Я знал, что совершил ужасный проступок, но не хотел, чтобы меня избили, поэтому бросился в спальню, залез под одеяло и сделал вид, будто сплю. Не прошло и секунды, как Фредди поднял кровать и начал ее трясти. Он сильно меня побил, однако ощущение того, что он может безнаказанно делать то, что ему вздумается, было больнее побоев.

Даже если бы у меня в руках оказался заряженный пистолет и я умел бы из него стрелять, этого могло быть недостаточно. Однажды ночью нам сообщили, что в баре пьяный Саймон Грант, лучший друг Фредди, выстрелил ему в живот.

«Господи, аллилуйя!» — подумал я. Но огромный живот Фредди спас его. Он потерял много крови, но пулю извлекли. Ночь он провел в больнице, а утром пошел на работу.

Я мечтал расправиться с Фредди. Жизнь уже который раз доказывала, что у меня просто нет другого выбора, как убить его. Однажды вечером, когда все

шло к тому, что он изобьет мать, я побежал вызвать полицию.

Рядом с магазином Сю на пересечении Девятой улицы и Мейнеке находился бар под названием Casbah. Я надеялся, что кто-нибудь из посетителей даст мне десять центов, чтобы позвонить из телефона-автомата. Я подошел к щегольски одетому парню. На нем был костюм из блестящей ткани, небольшая шляпа и заколотый булавкой галстук.

— Мистер, — обратился я к нему, — не могли бы дать мне десять центов? Мне надо позвонить в полицию, потому что мой отчим собирается избить мою мать.

— Отвали и не грузи меня своими проблемами, — ответил парень не моргнув глазом.

Что ж, теперь появился еще один урод, не считая Фредди, которого я бы с радостью убил.

Потом мне удается убедить кого-то, что жизнь моей матери находится в опасности, получаю десять центов, звоню в полицию, и мне сообщают, что к нам приедет наряд.

Когда я вернулся домой, полицейский наряд уже прибыл. Двое белых полицейских стоят в комнате напротив Фредди. Полицейские явно удивлены его габаритами. Один из полицейских спрашивает у Фредди разрешения позвонить по телефону, чтобы вызвать подкрепление.

Тут у Фредди просыпается чувство юмора:

— Вы чего, обалдели? Думаете, я разрешу вам звонить по моему телефону, чтобы меня забрали в тюрьму? Пошли вы в задницу!

Забавная ситуация. Полицейским удалось убедить Фредди последовать с ними в участок. Когда они уехали, я спрашиваю маму, зачем полицейским понадобилось звонить в полицию.

— Может быть, они считали, что им нужно еще пару больших полицейских для того, чтобы его увести, — отвечает мать.

Наконец у меня созрел план, как избавиться от Фредди: я решил его отравить.

В общем, все было довольно нелепо и неприятно. Так случилось и в другой раз, когда мама укрывалась от гнева Фредди в магазине Одома на пересечении Десятой улицы и Райт. Сын владельца был в то время моим школьным приятелем, поэтому его отец спрятал мать за прилавком своего магазина.

Размахивая ружьем, Фредди ввалился в магазин.

— Где эта сучка? — спросил он мистера Одома.

Тот только пожал плечами:

— Ее здесь нет, Фредди. И у меня в магазине никто оружием не размахивает. Ты меня понял?

Мистер Одом слов на ветер не бросал, и Фредди быстро ретировался. Как и большинство хулиганов, он в душе был трусом и не связывался с теми, кто не позволял над собой издеваться. Он вышел из магазина и продолжил искать мать на улице.

Мама пряталась в магазине до вечера и вышла, когда Фредди угомонился. Два последующих дня у Фредди было нормальное настроение, потому что он выпустил пар. Впрочем, мы не хотели рисковать и ходили по дому на цыпочках.

Все мы ненавидели и боялись Фредди. Мать избегала разговоров на больную тему и отказывалась отвечать на мои вопросы об отце. Но однажды мне удалось найти документальное свидетельство, пролившее свет на состояние матери.

В то время мама лишь однажды обмолвилась по поводу моего отца. Случилось это так. Фредди в очередной раз громогласно заявил, что не отец мне. Успокаивая меня, мать призналась, что мой отец живет в Луизиане, и однажды он даже прислал ей письмо, в котором лежали пять долларов для меня. Я не знал имени своего отца, а также не видел ни этого письма, ни денег. Мать сказала, что никогда не отказывает мне в деньгах и дает столько, сколько может. Но все это не объясняло того, почему она не показала мне письмо и ничего не рассказывала о моем отце.

Однажды днем я остался дома один и решил поискать в ее вещах письмо моего отца. Вместо письма отца я нашел другое, написанное аккуратным почерком матери своей подруге или другу. Это письмо выпало из Библии, лежавшей в прикроватной тумбочке. Думаю, мать спрятала его в Библию, потому что именно там Фредди вряд ли бы стал его искать.

В письме мать описывала свои отношения с Фредди. Я и понятия не имел, что ему предложили переехать в Детройт, но из этого ничего не вышло. Уже первая фраза письма говорила о том, что мать в панике.

«Помоги, я опасаюсь за свою жизнь», — писала она.

Я понимал, что рыться в чужих вещах — это плохо, но из письма по крайней мере узнал, что думает

мать обо всем происходящем и что она нуждается в помощи. Несколько дней внимательно следил за ней, чтобы понять, заметила ли она, что я рылся в ее вещах. Уже тогда у меня вырабатывалась способность хранить секреты.

Наконец у меня созрел план, как избавиться от Фредди: я решил его отравить. Если его отравят, то никто, как мне казалось, не заподозрит, что это сделал именно я. Фредди пил алкоголь из стакана из нержавеющей стали, к которому относился с таким трепетом, словно это был бокал из золота, украшенный драгоценными камнями. Я утащил этот стакан, налил в него немного отбеливателя, алкоголя, а также всяких чистящих средств и медицинских препаратов, на которых нарисован череп с костями. Содержимое стакана бурлило и клокотало, словно было изготовлено профессором — создателем Франкенштейна. Передо мной встал вопрос: как заставить Фредди выпить эту гадость?

Я извлек для себя единственный урок — надо замирать при наступлении опасности.

Можно было оставить стакан в ванной в надежде на то, что Фредди сделает глоток из любопытства. Мне понравилась эта идея, но меня спугнули голоса, раздававшиеся в коридоре, и я подумал: увидев новое зелье, Фредди может заставить меня попробовать отраву. Потом решил поджечь содержимое стакана, чтобы это выглядело как особый коктейль, который надо пить горячим. Конечно, это была бредовая затея. Тем не менее я поднес к стакану зажженную

спичку, и жидкость вспыхнула синим пламенем. Я испугался, что огонь перекинется на меня, вылил горящую жидкость в унитаз, после чего закрыл крышку. И решил, что на этом все и закончится. Однако из-под закрытой крышки унитаза пошел дым.

— Что там, черт возьми, за запах? Что там у нас горит? — услышал я раздраженный голос Фредди.

Я быстро спустил воду в туалете, и запах гари постепенно исчез. Слава богу, взрыва не произошло. Вышел из ванной и отдал Фредди его драгоценный стакан.

— Какой такой запах? — невинно спросил я.

Я потерпел поражение, но утешал себя тем, что это была пробная попытка и в следующий раз мне повезет. И решил отравить Фредди, когда он заснет. Я даже не подозревал, что моя вконец отчаявшаяся мать тоже решила избавиться от него. После очередных побоев она произнесла: «Все, больше этого не повторится». И добавила: если он еще раз пальцем тронет ее или детей, она его убьет.

— Я убью его, когда он заснет, — произнесла мать.

Через три с половиной года после того, как мать забрала нас от дяди Арчи, она снова исчезла. Никто нас не предупредил, и никто не объяснил нам причины ее исчезновения.

Я заметил, что мать обладает удивительной способностью замирать и находиться без движения. Дело было так. Однажды вечером я смотрел телевизор, а мама сидела за столом и читала газету. Фредди начал орать на мать в самых грубых и обидных выражениях, стараясь вывести ее из равновесия.

Перед моими глазами разыгрывалась странная сцена. Фредди истерично орал и вел себя, как маньяк из ужастика, а мать сидела и читала газету, словно ничего не происходило. И чем больше распалялся Фредди, тем больше мама каменела.

Я не видел ничего подобного. Впервые вижу, чтобы человек мог сидеть без малейшего движения. Мать застыла, словно статуя. Она даже перестала моргать. Знала, что если что-нибудь скажет, вздохнет, перевернет страницу или вообще что-либо сделает, то еще сильнее разозлит Фредди и он ее ударит. И ее неподвижность помогла разрядить обстановку. Через некоторое время Фредди перестал орать. Его настроение изменилось, словно кто-то переключил телевизор на другой канал.

— Пойдем трахаться, — заявил он, сменив гнев на милость.

С того самого вечера я начал использовать эту тактику. Стал так поступать в ситуациях, когда надо было или начинать драться, или убегать. Неподвижность матери была своего рода защитным рефлексом. Так, например, замирают животные, когда видят, что на них может напасть кобра или акула. Животное перестает двигаться и надеется, что станет невидимым. Возможно, сидя неподвижно, мать решила, что так она сможет избавиться от хищника Фредди. Вероятно, именно в те минуты мать придумала, что она сделает, когда Фредди придет ночью пьяный и вырубится на кровати.

План матери был прост: она решила сжечь дом вместе со спящим Фредди. Именно так мне потом

объяснили случившееся. Не знаю, как ему удалось потушить пожар. Но точно знаю: Фредди использовал этот повод, чтобы показать, что мать нарушила условия досрочного освобождения из тюрьмы (не будем забывать, что в первый раз она попала в тюрьму исключительно по его наводке), и снова упрятать ее за решетку.

Ни мне, ни моим сестрам никто не рассказал, как все произошло на самом деле. Я извлек для себя единственный урок — надо замирать при наступлении опасности. В последующие годы меня преследовали страхи. Я боялся быть убитым, боялся потерять тех, кого люблю, и все, что имею. И каждый раз при наступлении опасности я замирал. Просто переставал двигаться. Не буду утверждать, что всегда горжусь своим поведением, но тем не менее, когда вокруг меня царит хаос и кажется, что мир летит в тартарары и у меня хотят отнять все то, что мне дорого в этой жизни, я замираю и даже не моргаю.

Просто каменею.

Глава третья
Где мама?

Произошло то, чего я боялся больше всего: мать исчезла. Она всего несколько лет была рядом со мной, и вот ее снова нет. Мне стало ужасно грустно и одиноко. Меня отправили в дом дяди Вилли на пересечении Девятнадцатой улицы и Мейнеке, в котором мне было суждено прожить три года.

Я ощущал себя героем сериала, внезапно попавшим в другой сериал, в котором есть свой сценарий и совершенно другие персонажи.

Дядя Арчи отвечал на многие мои вопросы уклончиво. Мать отделывалась общими фразами. А дядя Вилли и его жена Элла-Мей на них вообще не реагировали, словно я говорил с ними на чужом языке.

Прошло десять месяцев (для восьмилетнего ребенка это почти целая вечность), прежде чем мне сообщили, что случилось с моей матерью и где она находится. Позже, во время похорон, я увижу стоящую в стороне ото всех мать и тюремного охранника за ее спиной. До этой встречи (истинную причину ее исчезновения мне объяснили спустя много лет) я даже не знал, жива она или нет.

Я ощущал себя героем сериала, внезапно попавшим в другой сериал, в котором есть свой сценарий.

Ситуация осложнялась еще и тем, что нас с Офелией разлучили. Сначала исчезла мать, а потом и старшая сестра. Через много лет после описываемых событий я узнал, что дядя Вилли и тетя Элла-Мей отправили двенадцатилетнюю Офелию в приют для девочек, которые плохо себя ведут.

У дяди с тетей было трое своих детей, поэтому они, в особенности тетя, установили и поддерживали очень строгие правила. Сначала я рос у дяди Арчи, в доме которого вообще было мало правил. Потом жил у пьяницы Фредди, у которого мог заниматься чем угодно, но главное — не попадаться ему на глаза,

поэтому строгие правила были для меня в новинку. Офелия попыталась приспособиться к новым условиям и правилам, а вот я начал бунтовать из-за того, что теперь меня заставляли ложиться спать в определенное время и помогать по хозяйству.

Тетя Элла-Мей была темнокожей, высокой и сильной, как амазонка. Она носила очки-кошки, через стекла которых внимательно, словно орлица, следила за поведением детей. Тетя приказала мне помыть посуду. Я буду мыть посуду? Нет уж, это против всех правил. Именно по поводу работы на кухне у меня уже были разногласия с Офелией. Сестра пыталась заставить меня вымыть кухню и посуду. В тот период в отношении кухни я придерживался философии Фредди Триплетта, с которым мы тогда жили.

— Фредди говорит, что мытье посуды — это женское занятие, — ответил я. Сестра хотела задать мне трепку, но я рассмеялся и убежал.

Но от тети Эллы-Мей бежать некуда. Однажды она заметила грязь на стакане и заставила меня целый месяц мыть посуду. Я настаивал, что все тщательно помыл, но она только ухмыльнулась:

— Я даже без очков вижу грязь на этом стакане, — ответила она.

И это были только цветочки.

Тетя была на полголовы выше своего мужа (который нисколько не интересовался вопросами ведения хозяйства). По-моему, она просто решила как можно больше обязанностей переложить на плечи других, чтобы самой делать меньше. Тетя — большая

сторонница экономии. Например, чтобы не тратить слишком много молока, она придумала кормить четверых детей хлопьями по очереди из одной и той же тарелки и выдавала нам не ложку, а вилку. Я раскусил ее план и сказал, что хочу есть последним. Пусть за меня съедали хлопья, зато в тарелке оставалось много молока, которое я мог выпить.

Возможно, нервы Офелии были на пределе из-за свалившихся на нас испытаний, а также от обиды и страха. А может, будучи сильной и независимой девочкой, она стала пререкаться с дядей и тетей. Насколько я знаю, Офелия не сделала ничего плохого. Она была умной, хорошей и доброй, но все равно ее отправили в приют. Видимо, она отказывалась следовать новым порядкам. Шэрон и Ким жили у родственников по линии Фредди. И хотя дядя Вилли и тетя Элла-Мей были членами нашей семьи, я остался совсем один.

После отъезда Офелии я остро почувствовал, как мне не хватает ее помощи и поддержки. Мы с ней почти не ссорились, разве что один раз, когда я прооперировал ее Барби, отрезав кукле голову. Может быть, таким образом я хотел отомстить сестре за то, что обычно на Рождество она получала больше подарков, чем я. Иногда моим единственным подарком на Рождество были носки. Или, может быть, на фоне неприязни Фредди, постоянно напоминавшего, что он не отец мне, я немного завидовал сестре, у которой был настоящий отец. Конечно, Офелия жутко разозлилась на меня за испорченную куклу, но быстро простила. Помню, однажды я подгляды-

вал за ней и ее подружками. Когда они заметили, что я слежу за ними сквозь дырку в стене, одна из ее подружек плеснула мне в глаз мыльной водой. Боль в глазу была жуткой, и потом, когда я стал в ванной промывать его, использовал вату, на которой были остатки косметики, от чего едва не потерял глаз. Тогда я очень сильно разозлился на сестру.

Но, за исключением этих мелких инцидентов, мы были с ней лучшими друзьями. Как-то раз мы с ней праздновали День независимости. Дети Бесси вместе с другими нашими родственниками поехали на какой-то красивый пляж. Но у нас на этот пляж денег не было, и мы решили пойти посмотреть салют на берегу озера Мичиган. Фредди на машине должен был отвезти нас с сестрой на берег, а потом забрать.

У меня не было ни отца, ни матери, ни сестры, но трое моих дядьев делали все возможное для того, чтобы я не чувствовал себя одиноким.

Он отвез нас, и мы вместе со всеми посмотрели салют. Это был прекрасный салют. Но едва он закончился, начался сильный дождь. Спрятаться от дождя было негде, а Фредди за нами не приехал.

Было уже поздно, и тогда мы решили вернуться домой пешком. Шли, словно Ганс и Грета из сказки, пытаясь вспомнить дорогу. Нам было холодно, мы проголодались и боялись заблудиться. Чтобы поднять себе настроение, мы шли и болтали. В то время моя старшая сестра была для меня основным источником информации. Она спросила, почему в нашем квартале почту никогда не приносят вовремя.

— Действительно, почему? — заинтересовался я. Дождь усилился, и нам приходилось говорить громко, чтобы услышать друг друга.

— Потому что, — отвечала она, — наш почтальон сидит в баре Luke's House of Joy.

Этот бар был одним из любимых мест Фредди, и находился он напротив нашего дома на пересечении Восьмой улицы и Райт. Уверен, что и сейчас Фредди сидит именно в этом баре. Наверняка он напился или вообще забыл, что должен нас забрать. Офелия пересказывала разговоры взрослых. Если хочешь побыстрее получить свою почту, надо идти в бар Luke's House of Joy, найти там почтальона и вынуть из его сумки адресованный тебе конверт. А если ждешь чека от социальных служб, говорила Офелия, надо найти в баре почтальона и сказать ему: «Эй, ниггер, отдавай-ка мой чек!»

Мы шли часа полтора под проливным дождем, и разговор скрасил наше путешествие. Когда добрались до дома, там никого не оказалось, поэтому мне пришлось протиснуться в дырку, через которую молочник оставлял молоко.

Мы с Офелией помогали друг другу выживать. Поддерживали друг друга, работали в команде и старались не думать о плохом. Матери рядом не было. А когда уехала Офелия, стало еще хуже.

Но природа не терпит вакуума, и вскоре мне на помощь пришли трое братьев матери, которые сделали все возможное, чтобы я не чувствовал себя брошенным. Каждый из них по-своему стал моим учителем и развлекал меня, как мог. У меня не

было ни отца, ни матери, ни сестры, но трое моих дядьев делали все возможное для того, чтобы я не чувствовал себя одиноким.

Общение с дядей Арчи помогло мне понять важность трудолюбия, целеустремленности и самообразования. Дядя Арчи сделал карьеру, став председателем профсоюзной организации. Кроме того, он видел и понимал проблемы жителей нашего квартала и пытался помочь людям.

Дядя Вилли умел даже самый скучный день превратить в захватывающее приключение. Он участвовал в войне в Корее и, как мне говорили взрослые, вернулся не совсем нормальным. Выражение «не совсем нормальный» означало, что у человека было какое-то психическое расстройство. Позже я понял, что психические расстройства в той или иной степени были свойственны не только некоторым моим родственникам, но и части черных братьев, потому что многие не имели денег на хороших докторов и ходили к знахарям.

Например, у Фредди было то ли биполярное аффективное расстройство[1], то ли форма легкой шизофрении, усиленной алкоголизмом. Фредди, как и многих других, можно было назвать сумасшедшим, что вовсе не уменьшало остроты проблемы, но социально сглаживало ее. Про сумасбродного человека люди говорили: «Да этот черный просто чокнутый». В то время мало кто задумывался над тем, что психические расстройства можно лечить. Мысль о том, что можно

[1] Речь идет о маниакально-депрессивном психозе.

пойти к психоаналитику, многим казалась бредовой. Например, про того же Фредди говорили: «Да с ним все в порядке. Просто пьет слишком много. Надо закусывать, когда пьешь, вот и все».

Что касается дяди Вилли, то ему поставили диагноз: контузия или психическая травма, полученная в ходе боевых действий. Его состояние постепенно ухудшалось, но он не представлял опасности ни для себя, ни для окружающих. Мне в то время никто не говорил о его психических проблемах. Дядя Вилли считал, что работает на ФБР. Он и сейчас уверен, что работает в ФБР, хотя находится в психиатрической лечебнице. Просто санитары и доктора не говорят ему о болезни. Помню, однажды мы с ним «отправились на задание». Мы ехали по каким-то делам в его машине Rambler, сделанной в Милуоки. На дяде Вилли была белая рубашка, пиджак, галстук, небольшая соломенная шляпа и темные очки. Неожиданно дядя Вилли остановился у обочины и, глядя вперед, начал тараторить сквозь стиснутые зубы, словно чревовещатель.

— Вот сейчас они за мной следят, — говорил дядя, — прямо сейчас.

— Да ладно! — удивился я, вспоминая фильмы и книги об агенте 007, которые видел или читал. Вот здорово!

Только я собрался повернуть голову, чтобы посмотреть, кто за ним следит, как он громким шепотом предостерег:

— Не смотри! Не смотри! А то нас засветишь!

Но, к сожалению, я уже повернулся и увидел, что никто за нами не следит. Тогда до меня дошло:

многие истории дяди просто выдумка. Дядя Вилли рассказывал про себя фантастические истории. Например, ходили слухи, что дядя Вилли спрятал где-то картину Пикассо, которую завещал Офелии. Дядя был окружен легендами, которые мне очень нравились, и я был расстроен, узнав, что все это — плоды его воображения.

Тем не менее многие его рассказы казались очень убедительными. Однажды нашим родственникам позвонили из чикагского отеля Palmer House, одного из лучших в городе, наподобие нью-йоркского отеля Waldorf Astoria, и сообщили, что дядя Вилли заселился в отель, показав на ресепшн талоны от сделанной им ставки на ипподроме. Он утверждал, что по этой ставке выиграл. (Дядя любил играть на скачках.) Дядя убедил сотрудников отеля, что заплатит на следующий день, как только получит деньги, и заселился в президентский номер. Но менеджеры отеля быстро поняли, что талоны были старыми и по ним никакого выигрыша не полагалось, поэтому позвонили родственникам, чтобы не вызывать полицию и избежать неприятной огласки.

Мне исполнилось восемь лет, и я уже видел психически больных людей.

Один из наших родственников (а вместе с ним и я) поехал в отель, чтобы забрать дядю. Тогда я впервые попал в дорогой отель и был поражен увиденным. Лобби отеля Palmer House было гораздо роскошнее по сравнению с интерьерами из каталога Spiegel. Войдя в президентский номер и осмотрев несколько спален, ванную комнату,

в которой могла бы жить целая семья, будуар, гостиную, а также плюш, вельвет, сатин и шелк на обивке мебели и портьерах, понял, что никогда в жизни не видел такой роскоши. Не стоит даже мечтать о том, что когда-либо смогу остановиться в таком номере. Но мне было приятно увидеть, что такая роскошь существует.

Спустя много лет я снова оказался в президентском номере отеля Palmer House. Тогда меня пригласили на прием, организованный президентом Национальной ассоциации образования, инвестиционным портфелем которой я занимался. Вошел в номер, и у меня возникло ощущение дежавю. Я помнил расположение комнат в номере и мог легко сказать, как пройти на балкон, в туалет или к бару. И рассказал двум дамам о том, при каких обстоятельствах побывал в этом номере впервые, и мы вместе посмеялись.

— На самом деле в каждой семье есть свой дядя Вилли, — заметила одна из дам. — А если не дядя Вилли, то тетя Вилламена.

Мне исполнилось восемь лет, и я уже видел психически больных людей. Начал понимать, что у некоторых моих родственников с головой не все в порядке, и стал волноваться, нет ли у меня отклонений. Может быть, и у меня со временем появятся такие же расстройства? Именно поэтому я очень мало пью. Хочу держать руку на пульсе и не терять над собой контроля.

Безумные рассказы дяди Вилли пугали меня, но детская любознательность укрепила желание уви-

деть мир и те места, где побывал мой дядя. Дядя Вилли рассказывал мне о местах, увиденных им во время воинской службы, — о Корее, Филиппинах и об Италии, а также о гостеприимстве, доброте и красоте местных женщин.

Однако по-настоящему дверь в большой мир открыл для меня дядя Генри. Он оставил в моей жизни неизгладимый след. Дядя Генри был младшим братом матери и несколько лет служил в армии за границей. Потом он вышел в отставку, переехал в наш город и нанялся на сталелитейный завод, как и остальные мои дяди. Дядя Генри появился в моей жизни в тот период, когда мама исчезла во второй раз.

Каждый раз, когда он приходил посидеть со мной в доме дяди Вилли или забирал меня с собой на прогулку, для меня словно наступали Рождество, Новый год и мой день рождения одновременно. Дядя Генри умел сделать так, чтобы я чувствовал себя особенным. Так же поступала и моя мама, когда она приезжала и угощала меня самодельными конфетами из кленового сиропа. Дядя Генри брал меня под свое крыло. До этого от взрослых мужчин я слышал только фразы типа: «Убирайся из моего дома!» или: «Я не твой чертов отец!».

Иногда дядя Генри оставался на выходные или по вечерам в доме дяди Вилли и тети Эллы-Мей, чтобы присмотреть за мной. У нас была договоренность: я лягу спать вместе со всеми детьми, но потом, когда они заснут, спущусь к нему. Когда спускался вниз, неизменно попадал на вечеринку, душой которой был Генри Гарднер. Как и мать, дядя Генри был невысо-

кого роста. Он был красивым, худым и грациозным в движениях. Он нравился женщинам. На его лице была модная короткая бородка, и, войдя в комнату, он неизменно окидывал взглядом женщин, зная, что они смотрят на него. Он всегда был одет с иголочки, стрелки на его брюках и запонки на манжетах были безупречными.

Однажды во время одной из организованных дядей Генри вечеринок я спустился из спальни вниз и стал рассматривать гостей. Они играли в карты, общались и танцевали. И тут произошло нечто удивительное. Они слушали соул и блюз в исполнении Сэма Кука[1], Джеки Уилсона[2] и Сары Воэн[3]. Звучала музыка, люди громко разговаривали, пили, курили и веселились. Однако их настроение изменилось, когда поставили пластинку, которую я никогда раньше не слышал. Все словно замерло. Голоса смолкли. Это была пластинка Майлса Дэвиса Round Midnight[4]. Позже, когда подрос, я оценил соло Майлса, мастерство его исполнения, а также сложные переходы мелодий и ритма. Но в тот вечер меня поразило то, что музыка Майлса преобразила гостей. Вечеринка

Он старался научить меня тому, что знал сам. Хотел донести до меня простую мысль: «Живи с удовольствием».

[1] Сэм Кук (1931–1964) — вокалист, стоявший у истоков соул-музыки.

[2] Джеки Уилсон (1934–1984) — афроамериканский певец, работавший на стыке ритм-энд-блюза и рок-н-ролла.

[3] Сара Воэн (1924–1990) — известная афроамериканская джазовая певица.

[4] Точное название: Round About Midnight (1955).

продолжалась, но люди как-то потеплели, и атмосфера стала более живой и трепетной. Мне даже показалось, что под эту музыку я сам двигаюсь по-другому. Благодаря Майлсу в ту ночь решил, что начну учиться играть на трубе. Впервые в жизни я задумался о том, какой силой должен обладать человек, чтобы так повлиять на настроение незнакомых ему людей. С того вечера по-настоящему полюбил музыку.

У нас с дядей Генри появилась общая страсть — Майлс Дэвис. Мы вместе слушали музыку, и на время я забывал обо всех своих горестях. Мы могли сидеть ночь напролет. Дядя Генри ставил на проигрыватель пластинки Майлса и рассказывал мне о своих приключениях на Филиппинах, в Корее и Японии.

— Иди сюда, — подозвал он однажды меня к книжной полке и снял с нее энциклопедию. Он показал мне, что в энциклопедии можно найти много полезной информации о жизни и быте людей в других странах и мне стоит пользоваться таким источником знаний. Дядя Генри объяснил мне, что в мире живут люди с разными обычаями, верованиями и другим, отличным от нашего, цветом кожи. С улыбкой он рассказывал о женщинах в тех странах, где ему привелось бывать. Дядя Генри наставлял меня:

— Крис, мир прекрасен. И в нем тебя ждут самые невероятные приключения.

Тогда я, конечно, не знал, что дядя Генри скоро покинет этот мир, однако, когда вспоминаю то время, мне кажется, он предчувствовал это и торопился жить. Именно поэтому он старался научить меня тому, что знал сам. Хотел донести до меня простую

мысль: «Живи с удовольствием». И в этом не было ничего эгоистичного. Он хотел научить меня мечтать и стремиться к поставленной цели, к той цели, которая известна только мне.

Дядя Генри водил меня на реку Миссисипи. Он научил меня плавать, и часто, когда погода была хорошей, мы катались на лодке. В один из таких погожих солнечных деньков я почувствовал себя таким счастливым, каким еще никогда не был. Мне хотелось, чтобы день длился вечно! На небе не было ни облачка, а мотор на нашей лодке тарахтел и пах бензином. Мы были в лодке вдвоем. Дядя Генри сидел у мотора, а я на носу лодки, свесив в воду ноги. Лодка подпрыгивала на волнах, и я ощущал себя на вершине блаженства. Брызги летели мне в лицо и нежно ласкали кожу, а звуки волн убаюкивали.

На самом деле сидеть на носу небольшой лодки, свесив ноги, довольно опасно, но именно острота чувств сделала это путешествие незабываемым. Через много лет я посмотрел картину «Титаник», в которой герой, роль которого исполнил Леонардо Ди Каприо, кричал: «Я — король мира!» Эта сцена оживила в моей памяти день, когда мы с дядей Генри катались на лодке по Миссисипи. Помню, в тот день каждая клеточка моего тела была наполнена жизнью. Дядя Генри видел мое блаженство, и на его лице сияла улыбка. Он разделял со мной нашу общую радость. Именно таким мне заполнился тот радостный день.

Лето кончалось. Однажды я уже лег спать, когда услышал громкий крик тети: «О нет!» Послышался плач. Я вскочил. Меня одолевали дурные предчувствия:

что-то случилось с дядей Генри. Я начал молиться так искренне, как никогда не молился прежде:

— Господи, сделай так, чтобы дядя Генри остался жив!

Я долго молился, чувствуя полное бессилие изменить ход событий.

Наутро глаза тети Эллы-Мей опухли от слез.

— Вчера с Генри произошел несчастный случай. Он утонул, — сообщила она подавленным, убитым горем голосом.

Я ощутил горечь утраты. Не могу поверить, что с дядей Генри произошел несчастный случай, потому что он всегда был собранным и аккуратным. Мой ум просто отказывался верить, что его больше нет. Тетя рассказала о том, как он утонул (главным образом для меня, потому что ее дети были гораздо младше и вряд ли поняли ее рассказ). Заглушая боль и горе, я пытался представить, что произошло с моим дядей, который отправился ловить рыбу на небольшой остров. По каким-то причинам его пришвартованная к берегу лодка отвязалась; он, видимо, поплыл за ней, и его унесло сильным течением.

Только тогда до меня дошло: моя мама находится в тюрьме.

Дядя Генри не раз предупреждал меня об опасности подводных течений, потому что, глядя на поверхность воды, невозможно оценить их силу. Как он мог попасть в ловушку? Это просто не укладывалось в голове. Мое сердце разрывалось, и меня душили слезы, но я не позволял себе расплакаться. Мне казалось, что если не сдержусь, то уже никогда не смогу остано-

виться. Я собрал в кулак все свои чувства и спрятал их в самых дальних и потаенных уголках души.

Когда жил у дяди Арчи, мы часто ходили на похороны, но я оказался совершенно неготовым к тому, что увидел и пережил на похоронах дяди Генри. Дядя Генри умер молодым, а я видел похороны стариков. Жизнь дяди Генри оборвалась так внезапно, что казалось, все это какая-то злая шутка, которую он сыграл для того, чтобы тайно уехать в какое-нибудь заграничное путешествие. Кроме того, я был совершенно не готов встретить на похоронах собственную мать, которую не видел почти год.

Каждый раз, когда я пытался приблизиться к ней, кто-нибудь из родственников преграждал мне дорогу. Нам не удалось обняться. Она не смогла объяснить мне, что произошло, где она находится и когда вернется. Все было очень странно. Кругом многие плакали, а я смотрел на маму и не мог к ней приблизиться, от чего чувствовал себя так, словно вот-вот лягу в могилу рядом с дядей Генри. Может быть, потому, что мать не хотела слишком сильно меня ранить, она даже не смотрела в мою сторону и не пыталась со мной заговорить. Я утешал себя тем, что она смотрит на меня, когда я отвожу взгляд. Мне хотелось, чтобы мама увидела, как я вырос, веду себя сдержанно и прилично, становлюсь сильным и вообще становлюсь хорошим мальчиком. Но всякий раз, когда оборачивался в ее сторону, на ее лице видел только боль — боль потери младшего брата, а также невозможность пообщаться со своими детьми. Мать главным образом смотрела на гроб дяди Генри.

Я заметил позади мамы женщину в синей униформе. Она была единственной белой на похоронах, и тут я осознал, что она охранник тюрьмы, сопровождавший мать. Только тогда до меня дошло: моя мама находится в тюрьме. За что ее посадили в тюрьму? Когда ее выпустят? И выпустят ли?

Лишь гораздо позднее я понял, что мать во второй раз оказалась в тюрьме. Внутреннее чутье подсказывало: Фредди имеет прямое отношение к ее заключению. По справедливости в тюрьму надо было посадить самого Фредди за его издевательства над матерью. Ему удалось убедить власти, что мать пыталась сжечь его вместе с домом и нарушила правила досрочного освобождения. Фредди даже не подумал о том, что у матери есть маленькие дети.

На похоронах я увидел Офелию, Шэрон и Ким. В «добрых» традициях нашей семьи никто ни о чем не спрашивал и не задавал вопросов. Меня терзали противоречивые чувства. Мне необходимо что-то предпринять и разработать план действий. Теперь я редко виделся с Фредди, но решил довести задуманное до конца и убить его. Я лишь на время отложил его уничтожение после того, как изготовленный мною яд вспыхнул. Никто не отнимет у меня детства. Буду тусоваться с приятелями, жить рискованно, слегка бедокурить, кататься на самодельных скейтбордах, которые мы мастерили из досок и старых колес, и попытаюсь найти способ заработать на велосипед. Потом мы с парнями будем колесить по городу, поедем на озеро и поднимемся на самую высокую точку в нашей части штата, расположенную

рядом со станцией водозабора. Будем стоять на холме и смотреть вниз с величием королей. А потом, словно ветер, понесемся вниз по Снейк-хилл, расставив ноги, чтобы мчаться еще быстрее, ощущая прилив адреналина и азарта, замешанный на риске.

На похоронах дяди Генри решил не плакать. Пусть мама увидит, что я становлюсь мужчиной и ей не надо за меня волноваться.

Следующие два года жизни ушли в основном на то, чтобы держаться и не расклеиться. Однажды моя решимость сильно пошатнулась. Как-то я навещал своих младших сестер, которые жили у Бейби. Должен сказать, что, в отличие от Фредди, его сестры Бейби и Бесси относились ко мне очень хорошо. Бейби видела отношение Фредди ко мне и пыталась это компенсировать. Она говорила мне приятные вещи и даже иногда подкидывала немного денег.

— Крис, есть будешь? — спросила она и, не дожидаясь ответа, полезла в холодильник, чтобы достать все необходимое для сэндвичей. Она делала мне сэндвичи и вдруг вспомнила, что у нее в подвале закончился цикл стирки. Она попросила меня переложить белье в сушилку.

Я спустился в подвал и начал вынимать мокрое белье из стиральной машины. Неожиданно почувствовал знакомый запах. Я помнил этот замечательный запах со времен, когда жил у приемных родителей. Это вовсе не запах духов — тяжелый или приторно-сладкий, а запах свежести, доброты и тепла, который обволакивал, как в детстве, словно меня окутали плащом Супермена. Чувство тревоги

отступило, и я почувствовал себя особенным и сильным. Ощутил присутствие матери и ее любовь.

Стоя в подвале, подумал: откуда взялся мамин запах? Я не знал, что Бейби хранит здесь некоторые мамины вещи, и не подозревал, что всего через несколько недель, словно кто-то переключит канал телевизора, мама вернется и мы заживем как прежде.

И начнем мы жить так, словно читаешь книгу, делаешь закладку, а потом через некоторое время снова читаешь с того места, на котором остановился. Наша совместная жизнь начнется без всяких объяснений. И в этой жизни снова возникнет Фредди.

Стою в подвале и чувствую, что вот-вот разрыдаюсь, и тогда невыплаканные слезы прорвут плотину моих страданий потоком сильнее реки Миссисипи.

На всякий случай спрашиваю:

— Мама?

Глава четвертая
Bitches Brew[1]
(сторона А)

— Крисси Пол! — постоянно раздавались голоса в Большом доме на пересечении Восьмой улицы и Райт, в котором мы временно жили у Бесси. Моя мать уже вышла из тюрьмы, и она, а вместе с ней

[1] Bitches Brew (в переводе дословно: «Сучье варево») — альбом американского джазового музыканта Майлса Дэвиса и его студийной группы (1969).

мои сестры и кузины хотели, чтобы я сбегал за покупками или выполнил какое-либо их поручение.

Так уж сложилось, что в возрасте с десяти до четырнадцати лет, без особого желания с моей стороны, стал мальчиком на побегушках. С того дня, как дядя Генри познакомил меня с музыкой Майлса Дэвиса, мечтал стать таким же блистательным музыкантом и в минуты уединения грезил вовсе не о том, чтобы превратиться в мальчика на побегушках.

Я очень признателен матери за то, что она поняла силу моего желания стать музыкантом, купила мне подержанную трубу и даже изыскала средства, чтобы я брал уроки игры на этом музыкальном инструменте. Поэтому у меня не было морального права отказывать ей, когда она просила сбегать куда-нибудь по ее делам. Некоторые ее поручения были даже по-своему приятными. Например, мне приходилось много бегать по городу в те дни, когда наступало время платить по кредитам, которые нам давали в продуктовых магазинах. В такие дни мать обычно говорила:

— Крисси Пол, сбегай к Бейби и принеси небольшой пакет.

После этих слов понимал: нам дают в долг, чтобы мы могли вернуть другой долг. Впрочем, я не знал всех деталей и тонкостей финансовых операций, потому что эти вопросы в нашей семье не обсуждались. У нас не было принято рассуждать на тему безденежья, словно бедность — это признак дурного тона. Я приходил к Бейби, и она без всяких объяснений передавала конверт, в котором (прекрасно понимал это)

лежало два или три доллара. Выступал в роли курьера и не знал, о каких суммах идет речь, но был приятно поражен умением матери сводить концы с концами. Порой тех денег, которые через меня передавали, хватало лишь на то, чтобы накормить нас ужином.

Денежный вопрос был для меня тогда очень важным. У меня не было отца, который подкинул бы денег, поэтому мне приходилось на всем экономить и заниматься разной халтурой ради подработки. В те годы я научился экономить, и это умение мне очень пригодилось позже, когда копил деньги на машину. Ну а тогда, в детстве, мой опыт мальчика на побегушках помог мне понять основные принципы составления бюджета и финансирования: доходы и расходы, кредит и выплата процентов по нему, а также то, как из минимального количества денег выжать максимальную ценность.

Нам дают в долг, чтобы мы могли вернуть другой долг.

Я бегал и отдавал долги в магазин Сю и другие продуктовые магазины, например в магазин Uncle Ben's, расположенный на пересечении Девятой улицы и Мейнеке. В магазине Uncle Ben's мать иногда покупала нарезку на доллар: на пятьдесят центов салями и на пятьдесят центов сыра. Зачастую этой нарезки хватало на ужин для целой семьи из семи человек: матери, Фредди, меня, Шэрон, Ким, Офелии, а также ДеШанны — дочки Офелии, которая появилась на свет, когда моя сестра находилась в приюте.

Я отказывался есть нарезку из магазина Uncle Ben's, если только, в буквальном смысле слова, не уми-

рал с голоду. Я ничего не имел против Бена, но у него была кошка, которая периодически запускала лапы в его нарезку. Видел, как животное бродит по прилавку, где была разложена нарезка, и это зрелище приводило меня в ужас — какая уж тут гигиена! Мне тогда было двенадцать лет, я мало чего понимал в вопросах медицины, но здравый смысл мне подсказывал: кошке, которая ходит по земле и копается в своем лотке, куда она писает и какает, нельзя позволять близко подходить к продуктам питания вообще и к салями, которую я покупаю, в частности. Но я помалкивал и никому не высказывал своих опасений.

Кроме походов в магазин, а также визитов к родственникам и друзьям, чтобы занять денег, у меня была еще одна обязанность, которая, честно говоря, мне не очень нравилась. В то время мы стали жить вместе, но ДеШанна должна была оставаться в приемной семье до тех пор, пока Офелия не найдет работу, чтобы обеспечивать ребенка. Мое самое нелюбимое задание было следующим: я должен был забирать ДеШанну из дома ее приемной семьи, расположенного в десяти улицах от нас, приводить домой для встречи с ее матерью и после этого снова отводить малышку к приемным родителям.

В то время бедная ДеШанна меня почти не знала, да и свою мать Офелию она знала очень плохо и каждый раз при виде меня начинала громко плакать. Приемная мать ДеШанны не умела разрядить ситуацию. Как только девочка начинала закатывать истерику, падала на пол, вопила и колотила ногами и кулаками по полу, ее приемная мать заливалась

слезами и неодобрительно смотрела на меня, будто я был виновником происходящего. Глядя на эту картину, сам был готов расплакаться. Но я не мог изменить эту ситуацию: ДеШанна не была моим ребенком, и я всего лишь выполнял поручение. Тогда я понял смысл расхожего английского выражения: «Убить гонца, который принес плохие вести».

ДеШанна не переставала громко плакать даже тогда, когда мы выходили на улицу. Чтобы побыстрее добраться до нашего дома, я брал ее на руки. Со временем ДеШанна не перестала голосить, а орала только громче, при этом она росла и становилась все тяжелее. Мне приходилось ставить ее на землю и уговаривать идти ножками. Опустившись на тротуар, ДеШанна начинала истошно плакать и отказывалась держать меня за палец, как обычно это делают малыши. Тогда мне приходилось брать ее за руку, которую она постоянно пыталась вырвать из моей ладони и продолжала кричать во все горло.

Обстоятельства, при которых Офелия забеременела, в нашей семье не обсуждались, как, впрочем, не обсуждалось и многое другое.

«Что происходит? Что он делает с этим ребенком?» — наверняка думали прохожие, глядя на нас.

Впрочем, обычно возвращение ДеШанны в дом ее приемной семьи происходило спокойнее, потому что ребенок успевал ко мне привыкнуть и встреча с матерью успокаивала девочку. Однако, когда через некоторое время я снова появлялся на пороге ее приемной семьи, все начиналось сначала.

Когда социальные службы разрешили наконец Де-Шанне жить вместе с ее матерью Офелией в нашей семье, все мы очень обрадовались. (Замечу, что обстоятельства, при которых Офелия забеременела, в нашей семье не обсуждались, как, впрочем, не обсуждалось и многое другое.) Никто не задавал никаких вопросов, и никто ничего не рассказывал. Я с грустью думал о судьбе своей племянницы Де-Шанны и о том, что и у нее нет отца. Эти мысли только укрепили мою убежденность: никогда не брошу своих детей, если они у меня появятся.

— Крисси Пол! — периодически раздавались три женских голоса, громко звавшие меня. Каждый из этих голосов чего-то от меня хотел. Мать просила сходить в «магазин для ниггеров» и купить ей Kotex. Офелия и моя кузина Линда тоже хотели Kotex. Бегать за Kotex для них мне совершенно не улыбалось. Почему бы им не воспользоваться одной пачкой? Но матери нужна была ярко-красная упаковка, Офелии — небесно-голубая, а Линде — фиолетовая. Да что же это такое, почему у одной вещи столько разновидностей? У Терри было три сестры, которые его тоже постоянно дергали просьбами принести Kotex, на что он неизменно отвечал, чтобы они попросили об этом меня.

Потом Офелия, чтобы лишний раз не смущать меня, начала писать свою просьбу на бумажке и выдавала мне пакет, чтобы я мог принести Kotex. Однажды я возвращался домой и нес три разных вида Kotex. Эти гигиенические средства не влез-

ли в большой пакет, и мне пришлось нести их под мышкой. Завидев меня, мальчишки кричали: «Бабий прихвостень! Подкаблучник! Мужчина-м*да!»

Мог ли я реагировать на эти унизительные оскорбления? Не бросать же покупки в грязь и не гнаться за обидчиками! Оставалось только игнорировать эти крики и надеяться на то, что меня не будут третировать по этому поводу в школе. Впрочем, прекрасно знал, что утаить что-либо в нашем квартале сложно. Фредди, сидя в баре Luke's House of Joy, будет всем рассказывать о том, что этот урод без отца стал еще и мужчиной-м*дой. Как мне пережить такой позор?

Фредди открыл дверь такси, вытащил мать и избил ее на улице на глазах прохожих. Люди смотрели на происходящее, но никто не заступился за мать.

Я шел к нашему дому и нес Kotex трем женщинам из моей семьи, у которых одновременно начались месячные. Тогда я не знал, что мое доброе отношение к женщинам в будущем очень поможет мне в жизни. Конечно, мне не нравилось, что меня обзывали, но в данном случае решил не затевать драки со своими сверстниками. Мне вполне хватало того, что у меня дома была накаленная обстановка, поэтому со сверстниками надо разобраться при помощи дипломатии.

Я был рослым мальчиком, на голову выше приятелей, поэтому в случае любого столкновения противник бросался на меня первым. Я прекрасно понимал, почему так происходит. Все знали: побить самого большого и сильного члена группы — значит расположить к себе всех его приятелей и всю груп-

пу в целом. Я устал от бесконечных вынужденных драк и думал: «Бог ты мой, мне надо начать дружить с ребятами высокого роста». Для того чтобы ввязаться в драку, мне нужен был серьезный повод.

Однажды один из моих приятелей по имени Норман узнал, как Фредди с оружием в руках искал мою мать, прятавшуюся в магазине. Лично я не был свидетелем той сцены, но мне не доставляло удовольствия выслушивать от разных людей россказни о том, как Фредди терроризировал мою мать и покупателей магазина, угрожая им оружием. «Где она?» — орал Фредди. Мать прокралась на улицу, села в такси, но водитель не тронулся с места. Фредди открыл дверь такси, вытащил мать и избил ее на улице на глазах прохожих. Люди смотрели на происходящее, но никто не заступился за мать. Не понимаю, почему полиция и прохожие не вмешались. Даже мои дяди не пытались остановить Фредди, который избивал их сестру. Они вовсе не боялись Фредди, просто считали, что это не их дело, а семейные разборки матери. В то время в обществе только начинали открыто говорить о бытовом насилии. Мне же бытовое насилие не нравилось ни тогда, ни сейчас.

Норман изображал, как моя мать убегала от моего отчима.

— Крис, помнишь, как это было? — Норман изображал Фредди с ружьем. — Помнишь, как он наставлял на всех пушку и спрашивал: «Где она?»

Это окончательно вывело меня из себя, я набросился на Нормана и избил его, вымещая на нем злость, которую испытывал к Фредди.

После этого никто уже не вспоминал, как Фредди терроризировал мою мать. Только один человек все еще позволял себе это делать. Это был один из родственников Фредди, которому перевалило за двадцать. Этот парень стал часто наведываться к нам домой и проявлял неуважение к матери. Как-то раз, когда я был еще подростком, мать сказала этому парню, чтобы он завязывал с грубостями, на что тот ответил: «Не смей со мной так разговаривать, а то я тебе мозги вышибу».

Тогда мне хотелось ударить парня, но я сдержался, однако не забыл его слов и поведения. И не простил его. Прошло почти сорок лет, и однажды один из членов моей семьи пригласил этого парня ко мне домой в Чикаго на празднование Дня благодарения. Он сидел в моем доме и ел мое угощение, но я не смог проглотить даже крошки, сдерживая себя, чтобы не наброситься на гостя. У него тогда была одна почка. Хватило бы и случайного удара в живот, чтобы убить его. Я ничего не забыл и ничего не простил!

Однако, когда приятели подшучивали надо мной, не задевая мою мать, я был готов простить им многое. Мне хотелось нравиться людям, не всем, конечно, но определенному кругу людей, в который не входили учителя и директор школы. Хотел, чтобы меня уважали и считали крутым.

Однажды в погоне за этой призрачной крутизной я решил принести в класс стеклянный глаз сестры Фредди. Я учился в пятом классе, когда учительница попросила принести какой-нибудь предмет, показать его ученикам, попросить угадать,

что это такое, и потом рассказать о нем. Когда я решаю что-то сделать, то концентрируюсь на задаче и нахожу способ ее решения. Даже не знаю, почему втемяшил себе в голову, что мне надо принести в школу стеклянный глаз сестры Фредди. Но решил это сделать и ни перед чем не останавливался.

Этой сестре Фредди было около пятидесяти лет. Она постоянно ходила в халате, в одном кармане которого у нее лежала небольшая бутылка виски, а в другом — пачка сигарет Lucky Strike. В середине 1960-х годов в Милуоки многие женщины взяли моду ходить в халатах даже на улице, словно это не халаты, а дорогие шубы. У меня была дальняя родственница по имени мисс Альберта. Так та надевала под халат пять фуфаек и своим видом напоминала капусту. Сестра Фредди в смысле моды не очень далеко ушла от мисс Альберты.

Я несколько раз просил сестру Фредди одолжить мне на время ее стеклянный глаз, чтобы показать его в школе. Она делала глоток виски и всегда отвечала так:

— Нет, ублюдок. Ни за что. Взять мой стеклянный глаз — ни за что.

Но мне очень хотелось принести стеклянный глаз в школу, чтобы всех удивить, и я разработал план действий. Я знал, что сестра Фредди хранит свой глаз в банке с водой рядом с кроватью. И решил утром перед школой стащить ее глаз, а потом в обед вернуть его на место. Сестра Фредди обычно просыпалась к обеду, поэтому вряд ли она успеет заметить пропажу.

Рано утром я выкрал стеклянный глаз и пришел в школу. С нетерпением ждал начала урока, на котором учитель предложит ученикам показать принесенные предметы. Никто раньше не приносил в класс настоящий стеклянный глаз. В ожидании своей очереди я сидел и широко улыбался.

Неожиданно в коридоре раздались крики и шум:

— Крис! Отдай мне глаз! Верни мой глаз, ублюдок! Я тебе сейчас такую трепку закачу! Отдай мой глаз!

Одноклассники обернулись и уставились на меня.

Крики из коридора доносились все громче:

— Крис, поганый ты урод! Отдай глаз, говорю! Вор — вот ты кто!

Дверь класса распахнулась — и на пороге появилась сестра Фредди. Волосы ее были взъерошены, и все ее тело тряслось от гнева. Она смотрела на окружающих одним глазом, а на месте второго зияла дыра. Как обычно, она была в халате и домашних шлепанцах.

Сколько бы раз она от него ни уходила, обещая нам: «Все, это последний раз», она неизменно к нему возвращалась.

— Отдай глаз! — орала она. Учитель и мои одноклассники онемели.

Я встал и на глазах у всех послушно подошел к сестре Фредди. Казалось, что каждый ботинок весил килограммов сто. Вынул из кармана стеклянный глаз и передал его родственнице. Та сощурила свой единственный глаз, выхватила у меня свой стеклянный и вставила его на место. Потом она развернулась и, продолжая громко меня материть, вышла из класса.

Мне показалось, что наша учительница теряет сознание. Одну из одноклассниц вырвало. По-своему мне все-таки удалось всех удивить, потому что никто в моем классе никогда не видел что-либо подобное.

Дома меня ждали угрозы Фредди.

— Если ты еще раз возьмешь глаз моей сестры, я отделаю тебя так, что ты неделю сидеть не сможешь! — орал Фредди. Этим он меня совершенно не мог удивить, потому что и без этого регулярно порол.

В школе меня начали дразнить и смеяться надо мной. Ребята еще несколько недель пересказывали друг другу историю про стеклянный глаз. Однако, за исключением этого и некоторых других досадных случаев, школьная жизнь протекала нормально, и у меня были хорошие оценки. Я много читал. В то время мне нравились Марк Твен и Чарльз Диккенс. Любил историю и математику.

Но дома меня волновали совершенно другие вопросы.

После возвращения матери из тюрьмы я пытался понять, как повлияло на нее время, проведенное за решеткой, и что было у нее на сердце. Фредди был источником наших бед. Наверное, он был проклятием матери, потому что, сколько бы раз она от него ни уходила, обещая нам: «Все, это последний раз», она неизменно к нему возвращалась. Я даже начал сомневаться, боится ли мать Фредди. Может быть, она оставалась с ним наперекор всему, чтобы доказать, что он не сломит ее. Даже после того, как он дважды упекал ее в тюрьму, она все равно возвращалась к нему. Что

мать на самом деле думала по этому поводу, оставалось тайной, которой она не собиралась делиться.

Мать очень редко проявляла недовольство или раздражение, даже в тех случаях, когда я того заслуживал. Однако она умела воздействовать без наказания.

Помню, однажды она пришла домой и подарила мне купленные в Gimbels штаны. Я осмотрел подарок и заметил на нем ярлык с ценой — восемь долларов. Мне надо было поблагодарить мать, а я не сдержался и произнес:

— Бог ты мой, восемь долларов! В дисконтном центре за такие деньги можно купить штаны, ботинки и рубашку. Да и еще на кино осталось бы!

Мать посмотрела на меня с укоризной, взяла штаны и произнесла:

— Мальчик, видимо, тебе еще рано носить штаны за восемь долларов.

Я понял, что больше мне этих штанов не видать. Извиняться было уже поздно. После этого случая начал следить за своими словами. На самом деле грубостям и спонтанным высказываниям я научился у Фредди. Да не только я — все мои сестры. В стрессовой ситуации мы могли быть грубыми. Даже сейчас, через много лет, мне по-прежнему надо быть внимательным и следить за тем, чтобы не сказать лишнего. Не стану утверждать, что мне это всегда удается.

Мать учила меня тому, что и слова, и молчание имеют огромное значение. После того как она отлупила меня телефонным шнуром за украденный из магазина попкорн, ей достаточно было взглянуть на меня с укоризной, чтобы я все понял.

В тринадцатилетнем возрасте мне очень хотелось красиво одеваться. Денег у меня не было, и я решил украсть штаны в дисконтном центре. Думал, никто этого не заметит, если в примерочной надену на себя штаны из магазина, а сверху — свои старые. Кто заподозрит в воровстве мальчика с книжками под мышкой?

Но на выходе из магазина меня остановил менеджер. Он не стал читать мне нотаций, а тут же вызвал полицию. Два белых полицейских затолкнули меня в машину и отвезли в участок. Я стоял перед сидевшим за столом полицейским и видел, как он набирает наш телефонный номер. Жду, что вскоре в участке появится пьяный Фредди в сопровождении матери. Однако, узнав, что я в участке, Фредди только громко рассмеялся. Он сказал, что не собирается меня забирать, и предложил полицейским посадить меня в камеру.

Меня отвели в камеру. Один из полицейских со смехом передал мне слова отчима:

— Забрать этого разгильдяя? Не-е, заприте его черную задницу в камере!

Бормоча про себя проклятия, я вынул из стопки книг «Моби Дик» и начал читать.

Полицейские смотрели на меня и потешались.

— Если ты умеешь читать и вообще такой умный, как оказался в тюрьме? — со смехом спросил меня один из них.

— Заприте его черную задницу в камере! Насрать на него! — в очередной раз процитировал моего отчима второй полицейский.

Потом Фредди вместе с матерью все-таки приехал. Они не проронили ни слова, но я понял, что значит оказаться в камере. Фредди злорадствовал, а на лице матери была глубокая печаль.

Больше всего на свете мне хотелось, чтобы мать мною гордилась, поэтому, когда подводил ее и не оправдывал доверия, чувствовал себя скверно.

Я надеялся, что научусь играть на трубе и порадую мать. Часами репетировал, чтобы подготовиться к выступлению на школьных концертах, как с сольными номерами, так и в составе школьного биг-бэнда. Однажды перед обедом мать попросила меня присмотреть за варящимися на плите бобами, пока она отлучится в магазин. Мать видела, что я играл на трубе, и решила меня не отвлекать, хотя покупки были моей прямой обязанностью.

Собственная мать оставалась для меня загадкой. Очень редко я мог понять, что она действительно думает и чувствует.

— Конечно, посмотрю! — заверил я мать, довольный тем, что мне никуда не надо бежать и я могу больше времени посвятить музыке. В тот момент я разучивал песню «Для моего отца» Хораса Сильвера[1]. И продолжал играть, совершенно забыв о просьбе матери. Вспомнил о ней только тогда, когда почувствовал запах гари на кухне.

[1] Хорас Сильвер (1928–2014) — американский джазовый пианист и композитор; делал акцент на «фанковое» звучание и мелодичность импровизации. Существует мнение, что именно он ввел в музыкальную терминологию слово «фанк», написав пьесу Funky Hotel (1952).

Я бросился на кухню и посмотрел в кастрюлю: бобы пригорели.

Тогда я почему-то решил, что мне стоит продолжать трубить и сделать вид, что присматривал за бобами.

— Мам, — прокричал я ей, когда она вернулась, — проверь свои бобы, они, кажется, пригорели.

Послышалось звяканье крышки. Внутри у меня все сжалось от стыда. Мать старалась нас вкусно накормить и при этом уложиться в минимум расходов, а по моей вине подгорели бобы. Мать медленно подошла к двери моей комнаты.

— Крис, — спокойным тоном сказала она, — ты же знаешь, что мы с Фредди спорим главным образом из-за тебя. А ты даже не можешь последить за бобами на плите.

Мне стало ужасно стыдно. Я оказался законченным эгоистом, который думает только о себе и трубе. А моя мать была готова пойти ради меня на все. Она была готова заступиться за меня, навлекая на себя гнев Фредди. Интересно, действительно ли они с Фредди ругались исключительно из-за меня? Если это так, то это полный идиотизм. От этих мыслей я возненавидел Фредди еще больше.

Мама произнесла эти слова и больше не возвращалась к этой теме. Она вернулась на кухню, открыла банку томатного соуса, добавила специй и спасла подгоревшие бобы, которые мы съели в тот вечер на ужин.

Собственная мать оставалась для меня загадкой. Очень редко я мог понять, что она действительно думает и чувствует. Помню, однажды вечером мы

с Фредди смотрели по телевизору фильм с участием Бетт Дэвис. Мама очень любила эту актрису. Я думал, она нравилась матери, потому что у них были одинаковые имена, и сказал ей об этом. Но мать не согласилась. Философским тоном она ответила мне, что любит Бетт Дэвис за то, что та сильная женщина и убедительно играет.

— Она так хорошо играет, что можно на нее за это разозлиться, — добавила мать.

Что делало мою мать счастливой? Думаю, она была счастлива тогда, когда чувствовала, что следует своему призванию. Моя мать хотела стать учительницей. Для меня с сестрами она действительно была учителем с большой буквы, нашим личным Сократом. Она была счастлива, когда под ее влиянием и наставлениями я начал читать и писать. Мама говорила нам, что если мы не научимся читать и писать, то навсегда останемся рабами. Однажды я отправился в библиотеку, расположенную на пересечении Седьмой улицы и Норд-авеню. У меня возник вопрос по поводу одной книги. Но в библиотеке я начал рассматривать книги, взял несколько домой и стал читать не отрываясь. Глядя на меня, мама была счастлива. Мама любила книги. Ей очень нравился Reader's Digest, и любовь к этому журналу она передала мне. Мы прочитывали очередной номер журнала от корки до корки, а потом обсуждали прочитанное. В одном из старых номеров я нашел стихотворение Элизабет Браунинг[1]

[1] Элизабет Браунинг (1806–1861) — известная английская поэтесса Викторианской эпохи.

и переписал его. Вообще матери не очень нравилась поэзия, но стихотворение ее тронуло. Она слушала его, не шевелясь.

Как я тебя люблю? Люблю без меры.
До глубины души, до всех ее высот,
До запредельных чувственных красот,
До недр бытия, до идеальной сферы[1].

Когда закончил читать, в глазах матери стояли слезы. Она сказала, что это ее любимое стихотворение и она счастлива, что я его нашел.

Наступил 1968 год, ставший годом моего пробуждения. В стране происходили серьезные изменения, развивалось и укреплялось самосознание чернокожих американцев. В тот год я понял, что афроамериканцы — далеко не единственные жители этой страны. Пять лет назад убили президента Кеннеди, и уже тогда стало понятно, как будут относиться к черному меньшинству, которое потеряло своего защитника и покровителя.

Почувствовал, что из-за моего цвета кожи на меня смотрят свысока или вообще делают вид, будто не замечают.

На следующий год после убийства Кеннеди меня и некоторых других учеников моей школы возили на экскурсию в школу для белых в восточной части города. Эта экскурсия поразила меня до глубины души. Во время экскурсии я увидел то, что мама наблюдала

[1] Перевод В. Савина.

каждый день, когда ходила в этот квартал на работу. За исключением уборщиков и нескольких черных ребят, все ученики были белыми. Я попал в полную противоположность нашему гетто, в котором белыми были только некоторые владельцы магазинов и полицейские. И почувствовал, что из-за моего цвета кожи на меня смотрят свысока или вообще делают вид, будто не замечают. После этой экскурсии произошла настоящая трагедия — в Бирмингеме, штат Алабама, взорвали четырех чернокожих девочек.

Я увидел, как мама плачет перед включенным телевизором, по которому только что сообщили эту новость, и в моей голове словно загорелась лампочка: на месте убитых девочек могли оказаться мои сестры. С позиции братства всех чернокожих эти девочки по праву должны считаться моими сестрами. Я был возмущен до глубины души унижениями, которые мои братья и сестры испытывали в разных уголках страны, и стал интересоваться новостями и событиями, происходящими за пределами нашего города и штата.

В 1965 году произошли беспорядки в Уоттсе, Лос-Анджелес[1]. В том же году Мартин Лютер Кинг организовал марш за гражданские права афроамериканцев в местечке Сельма, штат Алабама, а Малкольма Икса[2] убили в Гарлеме. На сле-

---

[1] Беспорядки в Уоттсе, пригороде Лос-Анджелеса, имевшие место с 11 по 17 августа 1965 г., в результате которых погибло 34 человека.

[2] Малкольм Икс (1925–1965) — афроамериканский исламский духовный лидер и борец за права человека. Был убит одним из членов организации «Нация ислама».

дующий год в Милуоки объединились различные группы национальных меньшинств и активистов, которые под руководством католического священника Джеймса Гроппи вышли на улицы с маршем протеста. Вместе со своими приятелями Гарвином, трубачом из школьного биг-бэнда, и Кеном по прозвищу Зулу я участвовал в этом марше. Я бы не назвал Зулу самым красивым парнем на свете, но у него явно были актерские способности. Он убедил меня, что у меня тоже есть талант и я могу стать актером.

Однажды за завтраком я сообщил матери, что после окончания школы собираюсь стать актером.

Мать спокойно кивнула:

— Хорошо, Крис, сходи и принеси мне газету. И скажи, много ли работы для актеров ты видишь вокруг себя?

Ее ирония нисколько не охладила мой пыл. Я считал, что у меня звучный голос и приятная внешность. Разве этого мало, чтобы стать популярным актером?

Через некоторое время попросил у матери пять долларов.

Она читала газету. Мать могла бы сказать, что сам в состоянии подработать после школы, но, не отрывая глаз от газеты, спросила:

— Может быть, ты как актер сыграешь и сделаешь вид, что у тебя уже есть пять долларов?

Как сделать вид, что у меня есть пять долларов? Я прекрасно понял, что она имела в виду: не надо витать мыслям в облаках.

Я передумал становиться актером и сосредоточился на трубе. Пусть лучше Зулу пробивается на актерском поприще — он умеет красиво двигаться и громко распевать песню «Все преодолеем». При этом Зулу умудрялся щипать за попы и лапать белых девчонок, а когда они оборачивались, делал невинное лицо.

Я увивался за одной черной девушкой, которая, гордо подняв носик, сказала мне, что я — здоровенный урод с цветом кожи, как у армейского сапога.

Мы с Гарвином были поражены таким актерским мастерством Зулу.

— Прикинь, — сказал мне Гарвин, — если бы он ущипнул за задницу черную девчонку, она бы ему съездила по роже.

— Это точно, — согласился я. — Да еще и его родителям пожаловалась бы.

Отец Гроппи служил в католической церкви Св. Бонифация, ставшей центром оппозиции. Здесь шла подготовка к маршам протеста за улучшение условий жизни, а также против сегрегации клубов, в которые не пускали чернокожих, евреев и католиков. В этой церкви нас кормили самой разной едой, начиная с донатов и сэндвичей и заканчивая блюдами традиционной кухни разных народов мира. Мне нравилось быть активистом; это было весело, и мы боролись за то, чтобы мир стал лучше. В то время все мои мысли были заняты девушками, а борьба за правое дело и великие идеалы укрепляла самооценку.

Из-за постоянных унижений со стороны Фредди у меня была заниженная самооценка. Была и еще

одна причина: среди афроамериканцев эталоном красоты считался не темный, а коричневый или максимально светлый цвет кожи. Именно поэтому возненавидел Смоки Робинсона[1], который был идеалом мужской красоты для каждой чернокожей девушки, за которой я ухаживал. У Смоки были зеленые глаза, довольно светлый цвет кожи, высокий голос и не мелкие кудряшки, а волнистые волосы. Смоки даже и представить себе не мог, насколько он испортил жизнь многим темнокожим парням с баритоном вроде меня. Даже сейчас мне кажется, если бы встретился с ним, то откровенно сказал бы все, что о нем думаю. Я увивался за одной черной девушкой, которая, гордо подняв носик, сказала мне, что я — здоровенный урод с цветом кожи, как у армейского сапога.

Слава богу, Смоки Робинсон не единственный цветной певец. Да, Смоки был талантливым автором текстов и великолепным исполнителем, но на сцене, кроме него, были и другие популярные певцы с более темным цветом кожи. Один из них — крестный отец музыки соул Джеймс Браун[2], которому принадлежат слова песни «Скажи громко: я черный и этим горжусь». Для меня в то время текст его песни был словно драгоценный подарок от Господа Бога.

---

[1] Смоки Робинсон (род. в 1940 г.) — американский продюсер и автор-исполнитель; его группа The Miracles в 1960-х гг. обеспечила коммерческий успех лейбла Motown Records.

[2] Джеймс Браун (1933–2006) — американский певец, одна из самых влиятельных фигур в поп-музыке XX в.

Как бы я ни старался, мне так ни разу и не удалось нормально выпрямить свои волосы. Наконец-то дождался, когда прическа афро стала популярной. В моду вошли дашики[1] и бусы. Я всем сердцем приветствовал новый хиппи-лук и, кто знает, может, был одним из первых и самым молодым черным хиппи в Америке. Рубашки-дашики не были в чести среди местных братанов, но мне удалось создать нечто среднее между хиппи-лук и более строгим внешним видом политического чернокожего активиста. Шмотки я покупал в секонд-хендах Армии Спасения[2], где можно было найти клевые бусы, клеши и яркие психоделические майки-«варенки». На моей голове красовалось огромное афро. Смоки Робинсон может поцеловать меня в задницу.

Моим кумиром был Джеймс Браун. Когда мы с Гарвином начали тусить в церкви Св. Бонифация, то решили отовариваться в магазинах, где за покупки давали «марки для черных и коричневых», некое подобие обычных зеленых марок, которые продвигал Джеймс Браун в благотворительных целях. Однажды мы пришли в магазин A&P в белом квартале, нагрузили две тележки товарами, отстояли

---

[1] Дашики — мужская рубашка в африканском стиле с круглым вырезом и короткими рукавами.

[2] Армия Спасения (англ. The Salvation Army) — международная религиозная и благотворительная организация, возникшая в середине XIX в. Организована по военному образцу и использует в своей деятельности аналогичные воинским звания и форменную одежду. Штаб-квартира находится в Лондоне.

очередь в кассу и заявили, что купим все это добро, если они предоставят нам «марки для черных и коричневых». Вот такие мы были крутые борцы за гражданские права чернокожих! Но мы и моргнуть не успели, как рядом оказался наряд полиции. Два полицейских стояли позади менеджера магазина, словно два хориста на подпевках. Менеджер смерил нас холодным взглядом и заявил:

— Расставьте все по местам и уходите. Если этого не сделаете, оба окажетесь в тюрьме.

Поджав хвост, мы поплелись возвращать товары на полки под громкий смех сотрудников магазина.

Все мы выбежали на улицу и начали крушить все вокруг. Безумие. Ярость. Злость.

Тем не менее мы были очень горды своими успехами. Мы пришли в церковь Св. Бонифация, где был сбор участников марша молодежного комитета Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (NAACP). Там мы узнали, что около местного отделения организации произошел взрыв. Это сразу добавило нам очков и популярности.

30 июля 1968 года, после волны выступлений в Детройте, Ньюарке, Гарлеме и Вашингтоне, в Милуоки начались волнения, вызванные грубым обращением белых полицейских, которые пресекли драку в одном из черных клубов. К моему большому огорчению, под шумок ограбили магазин Сю. Впрочем, меня это нисколько не остановило, потому что я ломанулся на Третью улицу в надежде успеть в дисконтный центр, пока его полки окон-

чательно не опустели. Увы, пока я добирался, там вообще ничего не осталось моего размера, поэтому прихватил то, что ни разу потом не надел. Мне повезло: в отличие от двух тысяч людей, меня не арестовали. Терри взяли в магазине, когда он осматривал себя в новых ботинках. Волнения оказались довольно сильными, поэтому в город ввели национальную гвардию и трое суток действовал комендантский час. Пострадало около сотни человек, трое были убиты.

Шла война во Вьетнаме. Туда отправляли молодых ребят, и белых, и черных, а домой они возвращались или в гробах, или наркоманами, или искалеченными. Мохаммед Али[1] был моим героем еще с тех времен, когда его звали Кассиусом Клеем. Помню, он был совсем молодой, когда побил Сонни Листона. Потом он отказался воевать во Вьетнаме, потому «не ругался и не имел никаких проблем с Вьетконгом», который не называл его «ниггером» и не линчевал его братьев. Али на всю жизнь стал моим кумиром, в некотором роде суррогатом несуществовавшего отца.

Важным моментом в развитии моего сознания (да и миллионов чернокожих американцев) стало 4 апреля 1968 года. После марша мы с Гарвином и Зулу вернулись в церковь. Мы сидели и ели чипсы, нарезку, донаты, как вдруг появился брат из

[1] Мохаммед Али (род. в 1942 г.) — американский боксер-профессионал, выступавший в тяжелом весе; один из самых известных и узнаваемых боксеров в истории мирового бокса.

Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения и закричал: «Доктора Кинга[1] застрелили!»

Началась паника, люди кричали. Кто-то включил радио, кто-то побежал смотреть новости. Мы услышали, что доктор Кинг приехал поддержать забастовку рабочих-мусорщиков в Мемфисе, штат Теннесси, где его и застрелили на балконе мотеля, в котором он остановился. Потом кто-то заорал: «Его убили! Они убили доктора Кинга!»

Наступила тишина. У всех был шок. Мозг отказывался верить. В такие секунды пролетает целая жизнь. А потом в помещении взорвалась волна ярости. Все мы выбежали на улицу и начали крушить все вокруг. Безумие. Ярость. Злость. Мы почувствовали собственную силу, но, несмотря на это, грабежи в белых кварталах быстро прекратились.

Через несколько месяцев в том же 1968 году убили Роберта Кеннеди. Думаю, это событие стало высшей точкой движения за гражданские права, антивоенных манифестаций, движения за права женщин, сексуальной революции, а также пиком в развитии поп-музыки и культуры в целом. Тогда нашему «идеализму» слегка пообломали рога, но это был период претворения в жизнь лозунга «Власть — народу!». Обещание того, что «все преодолеем» и пойдем до конца, мы не сдержали,

[1] Доктор Кинг — Мартин Лютер Кинг (1929–1968), самый известный афроамериканский баптистский проповедник, лидер Движения за гражданские права чернокожих в США.

и борьба оказалась более тяжелой и длительной, чем нам это представлялось.

Я искал ответы на вопросы, и в этом мне помогали книги. В то время я прочитал все, что мог найти, по истории чернокожих в Америке. Мама никогда не отсоветовала бы мне читать книгу, но ее немного насторожило, что однажды я пришел домой с книгами «Умри, ниггер, умри!» Рэпа Брауна[1] и «Душа во льду» Элдриджа Кливера[2].

Я напоминал подростка, который забрался на ящики из-под молока под окном девушки, чтобы привлечь ее внимание, но упал и расшиб себе коленки.

Она сочувственно отнеслась к антивоенному движению, и ее не тревожило, что мы продавали толстовки с девизами движения чернокожих «Братишка», «Власть — черным!», «Не теряй веры» и местного креатива «Дай пять!». Мать даже носила свою толстовку с надписью «Сестра», когда стирала. Однако она не хотела, чтобы я стал радикалом, и периодически предостерегала меня:

— Мальчик, если собираешься стать Рэпом Брауном, переезжай отсюда.

Я продолжал читать, но не потому, что хотел стать радикалом. Однажды у нас завязался спор, и она спросила меня:

[1] Рэп Браун (род. в 1943 г.) — революционер и борец за идею «Власть Черным!». Его книга «Умри, ниггер, умри!» (англ. Die, Nigger, Die) выдержала много переизданий.

[2] Элдридж Кливер (1935–1998) — автор знаменитой книги «Душа во льду» (англ. Soul on Ice), а также один из лидеров группировки «Черные пантеры».

— Ты что, действительно в это веришь?

Я заверил ее, что, конечно, не верю и не собираюсь хвататься за оружие.

Мама знала, что в то время на мое формирование влияло много факторов, но самым сильным была музыка. Лишь позднее осознал, как мне повезло, что моя юность пришлась на конец 1960-х годов и прошла на фоне музыкантов, которым было что сказать: Боб Дилан, Beatles, Rolling Stones, Марвин Гэй, Стиви Уандер, Temptations, Джими Хендрикс, Sly Stone и, конечно, Майлс Дэвис, который воплотил дух шестидесятых в потрясающей пластинке Bitches Brew. Одни считают эту пластинку музыкальным шедевром прошлого столетия, другие — началом современного джаза. Мне кажется, что Майлс соединил в ней все, что происходило в истории, политике, обществе, межнациональных отношениях, смешал все это в одном котле с высоким и низменным, надеждой и страхом, всевозможными удовольствиями, горечью, злобой и экстазом, создав в итоге нечто невыразимое, находящееся вне времени и пространства.

Музыку я воспринимал как выражение моих переживаний, а собственная жизнь напоминала мешанину старых и новых увлечений. Из нового было то, что я достиг половой зрелости и был постоянно озабочен сексом. Все мои мысли кружили вокруг девушек.

Меня переполняли новые чувства и ощущения: будто проснулся, и мне вручили подарок, что-то вроде дорогой спортивной машины, о которой даже не мечтал. Но я был простой парень из гетто, и мне казалось, что мощная спортивная машина

есть, а водительских прав у меня нет. Мне представилась пара возможностей съездить на тест-драйв, но не буду утверждать, что до появления постоянной девушки у меня все вопросы были сняты. Пока не появилась в моей жизни постоянная девушка, я напоминал подростка, который забрался на ящики из-под молока под окном девушки, чтобы привлечь ее внимание, но упал и расшиб себе коленки.

Единственным человеком, с которым я мог бы поделиться своими проблемами, была Офелия, но она и ДеШанна уже съехали и не жили с нами. Мы с сестрами по ним очень скучали. Конечно, у нас были разные отцы, но мы росли с пониманием того, что я — их брат, а они — мои сестры. На этом настаивала мать, и всех нас объединяло отношение к Фредди. Позже моя младшая сестра Ким взяла фамилию Гарднер, хотя по рождению она Триплетт. Думаю, что и Ким, и Шэрон хотелось бы, чтобы их отцом был Сэм Солтер. Фредди не только на меня наезжал за то, что у меня нет отца, но и им перепадало.

Когда увиделся с Офелией, я признался ей, что хочу убить Фредди и меня не остановит даже то, что могу попасть в тюрьму. Офелия съехала из нашего дома под давлением Фредди, поэтому она прекрасно понимала, как мне тяжело. Когда какой-нибудь парень заходил за Офелией, чтобы пойти на свидание, Фредди делал все, чтобы вызвать его неприязнь: он критиковал его одежду, пердел, чесался, рыгал и вообще вел себя так, что

Офелии хотелось провалиться сквозь землю от стыда. Через некоторое время за Офелией в дом уже не заходили. Ей просто сигналили из машины, чтобы она выходила и побыстрее садилась в автомобиль.

Потом Фредди начал доставать Офелию своими придирками по поводу домашнего хозяйства. Один раз он на нее накричал и пообещал побить, а когда она собралась уходить, то преградил ей дорогу и предъявил ультиматум:

— Или ты съедешь из дома сама, или я тебя вышвырну! Одно из двух. Решай!

Потом Фредди начал по ночам прокрадываться в спальню, где спали Офелия, маленькая ДеШанна, Шэрон и Ким, и устраивать скандал там.

Однажды ночью Фредди так достал Офелию, что она схватила большой циркуль, которым я пользовался на уроках геометрии, и наставила его на Фредди.

— Если еще раз зайдешь в комнату и тронешь меня, я тебя убью, — пообещала она.

Через два дня после ночного инцидента сестра вместе с моей маленькой племянницей переехала к родственнице Элейн, которая жила рядом с домом Сэма Солтера на Восьмой улице. Офелия устроилась по соседству со своим отцом, прекрасно знала его семью, жену и детей. Солтер всегда помогал Офелии, хотя неизменно говорил, что те деньги, которые ей дает, у него последние.

Я часто навещал Офелию и делился с ней своими проблемами. Но не всеми.

Глава пятая
Bitches Brew
(сторона B)

— Чем займемся? — спросил я Гарвина. Вечер пятницы. Мы с Гарвином и приятелем-гитаристом по кличке Толстый Сэм проходили мимо концертного зала Auditorium. Гарвин неожиданно подошел к входным дверям.

На улице весна, погода прекрасная. Дело происходило сразу после моего дня рождения, когда мне исполнилось тринадцать лет. Как оказалось, в тот день проходила выставка товаров для дома и сада. Гарвин предложил нам пробраться в здание и посмотреть, что внутри. Двери открылись — и из них начали выходить толпы людей. Мы незаметно прокрались внутрь.

— Надо спрятаться, — предложил Толстый Сэм. Я сказал, что можно спрятаться на галерке. Мы поднялись и легли между рядами.

Вскоре народ покинул здание. В зале погас свет и горели только таблички с надписью «Выход». Мы, затаив дыхание, ждали, пока охранник с фонариком осматривал помещение. Потом охранник ушел, и мы остались одни. Сразу рванули в буфет. Там под стеклом была разложена вкуснятина: свадебные торты, донаты, выпечка и свежий хлеб. Все выглядело аппетитно. Наелись до отвала, рассовали по карманам все, что можно унести, и начали бросаться друг в друга посыпанными сахарной пудрой донатами. Нам было весело, и наши лица покрылись белым налетом сахарной пудры.

Гарвин увидел стенд с аудиотехникой. При виде всех этих богатств на стенде у нас с Толстым Сэмом челюсти отвисли от изумления. Здесь было все необходимое для начинающего музыканта: усилители, микрофоны, транзисторные радиоприемники, бабинные деки. Мы понимали: если возьмем себе что-нибудь, то станем ворами. Но объелись сладостями и чувствовали себя на седьмом небе. В общем, решили, что жить не можем без этого музыкального оборудования. Выбросили из карманов сладости и стали запихивать в них все то, что можно взять со стенда. Сэм взял себе усилители Vox на колесиках, а я, кроме прочего, бабинную деку для записи и прослушивания музыки. Мне казалось, будто выбираю себе подарки из каталога, только на сей раз это не игра с Офелией, а возможность получить настоящие вещи.

Мне казалось, будто выбираю себе подарки из каталога, только на сей раз это не игра с Офелией, а возможность получить настоящие вещи.

Теперь все добро надо дотащить до дома. Сэму это сделать проще, потому что он жил рядом, а нам с Гарвином идти гораздо дальше. Мы шли переулками, чтобы не столкнуться с полицией. Иногда меня мучали сомнения, стоит ли нам все это нести домой, но Гарвин не разделял моих опасений:

— Чувак, перестань! Нам так сильно повезло, а ты все обламываешь!

Мы жили на втором этаже, и ключа от двери у меня не было. Я приставил к окну лестницу и за-

брался в нашу квартиру. Украденные вещи спрятал в своей комнате, расположенной в дальней части квартиры. Ко мне никто не заходит, поэтому я спокоен. Я устал, но был очень доволен собой и стал мечтать о том, как запишу свой первый альбом, а лишние вещи продам. Кому можно сбагрить ненужное?

На следующий день все разошлись по делам. Я подметал лестницу в подъезде: «подписался» на эту работу за пять долларов в месяц. По лестнице поднимались люди. Это наши соседи с других этажей. Я их не знал. Они громко переговаривались. Вполне возможно, что это не одна семья, а просто взрослые, которые жили в одной большой квартире. Среди этих людей заметил трех парней, которых никогда раньше не видел. Вид у них приблатненный, и мне показалось, что эти парни не будут сообщать в полицию, что подозревают меня в продаже краденой аппаратуры. Я поднял голову и обратился к одному из парней, который, судя по всему, был их вожаком:

— Хочешь прикупить аудиосистему? Радио не нужно?

Тот бросил взгляд на своих приятелей.

— Ну, что у тебя там, покажи.

Отлично. Да у меня прямо талант продавца! Вместе с парнями мы зашли в квартиру, и я проводил их в свою комнату. Парни рассмотрели аппаратуру и стали переговариваться, делая вид, будто это их мало интересует. Однако я начал тревожиться. Здесь что-то не так! Похоже, я сильно ошибся в этих парнях и начал бочком передвигаться в сторону кла-

довки, где Фредди хранил свое ружье. Открыл дверь кладовки, но в этот момент один из парней схватил меня за руку. Двое других набросились на меня и повалили на пол. Они не били меня, а просто держали. Потом забрали всю аппаратуру и ушли.

Я страшно разозлился. Понимал, что не могу обратиться в полицию или рассказать обо всем Фредди. Я попытался запомнить лица этих парней, чтобы описать их Толстому Сэму и Гарвину и предупредить, чтобы те их остерегались. Парням было около тридцати. Их вожак — среднего роста, без особых примет. Второй, худой и высокий, тоже не имел особых примет. А вот третий парень хромал. Мне кажется, что с ногой у него что-то врожденное и его хромота не была связана с несчастным случаем.

Я вернулся на лестницу и продолжил уборку. Подметал и старался не думать о случившемся.

Прошло, наверное, минут двадцать.

— Эй! — услышал я голос и увидел хромого парня. В руках он держал бумажный пакет из магазина. — Чувак, я тебе принес кое-что из твоих вещей. И немного денег.

Отлично. Мы вернулись в квартиру. Я осмотрел содержимое пакета и нашел внутри транзисторные радиоприемники. Это была где-то треть того, что они у меня взяли. Похоже, он просто принес мне свою долю.

Могу ли я сказать что-нибудь хорошее о Фредди? Он как-никак был мужем матери и моим отчимом. Добавил ли он нашей жизни хоть крупицу позитива?

Мне сложно сказать о нем что-либо хорошее, за исключением того, что среди его многочисленной родни есть приличные и милые люди. Это работящая Бесси — владелица Большого дома и салона Bessie's Hair Factory, поддерживавшая деньгами многих родственников. Сестра Фредди Бейби, которая всегда становилась на сторону матери, когда та спорила с мужем, и предупреждала меня, чтобы я помалкивал, когда говорил о том, что готов убить ее брата.

Бейби не отговаривала меня от планов убить Фредди, но убеждала, что я должен все сделать правильно.

— Крис, — говорила она мне, — если он узнает, что ты хочешь его убить, то он сам убьет тебя. Просто поверь мне. Понимаешь меня?

Она права. Ничего не надо планировать, просто воспользуюсь удобным случаем, если таковой представится. Мы с приятелями ходили смотреть любительские схватки рестлеров. Я очень расстроился, когда узнал, что все это лишь показуха, но все равно представлял себе, как я, подобно рестлеру, набрасываюсь на Фредди и побеждаю его. Я осознавал, что должен не покалечить его, а именно убить. У меня не было другого выхода.

Вскоре после разговора с Бейби удобный случай представился. Фредди позвал меня помочь втащить по лестнице огромный холодильник. Сам Фредди стоял снизу и принимал на себя всю тяжесть стоявшего на тележке с двумя колесами холодильника, а я был с другой стороны холодильника, выше. Я сознательно оступился, отпустил холодильник и увидел удивление на лице Фредди. Это был просто бесценный момент.

Фредди выдохнул слово «проклятье» и стал крениться под тяжестью холодильника. В голове мелькнула мысль: настали его последние мгновения. Однако он собрался с силами, твердо встал на ноги и снова поставил тяжеленный холодильник на тележку.

Фредди был настоящим Годзиллой. Он со злостью покосился на меня, но не догадался о том, что я нарочно отпустил холодильник. Если бы он это заметил, то на месте убил бы меня тем же холодильником. Думаю, только Бейби все поняла по разочарованному выражению на моем лице.

Дядя Дудабаг обладал одной интересной способностью: он вызывал во Фредди лучшие чувства и тот в его компании становился паинькой.

Кроме многочисленных сестер Фредди, мне нравился один человек, который не был связан с его или моей семьей родственными узами. У него была кличка Дудабаг, которая, возможно, происходила от названия танца, а может, и от чего-то другого. Этот человек был мне как родной дядя. Все говорили, что он страшен как смертный грех и у него такое лицо, словно Господь ударил по нему лопатой. Дудабаг был худым, даже тощим, беззубым и постоянно пьяным. Тем не менее все его любили, хотя он не был нашим родственником. Раньше он был музыкантом, у него водились деньги, были машины и женщины, но потом потерял работу и запил. Глядя на него, я видел, к чему может привести алкоголь. Однажды он подарил мне первые в моей жизни шелковые штаны и шелковую черную майку, которую я носил, пока она не превратилась в тряпье.

Дядя Дудабаг обладал одной интересной способностью: он вызывал во Фредди лучшие чувства, и тот в его компании становился паинькой. Если в баре Luke's House of Joy, в котором Фредди был королем, кто-то косо смотрел на дядю Дудабага, Фредди неизменно говорил:

— Еще один такой взгляд, и ты будешь иметь дело со мной.

Но любовь Фредди к дяде Дудабагу не была безграничной. Однажды дядя чуть не сжег любимую машину Фредди — синий кадиллак Coupe de Ville 1964 года выпуска. Верх крыши машины был из темно-синего винила, сзади красовались два огромных «рыбьих хвоста», а внутри была синяя обивка. Фредди говорил, что у Элвиса был точно такой же автомобиль. Никто из нас не осмеливался даже пальцем дотронуться до этой машины. Однажды дядя Дудабаг заснул на заднем сиденье с зажженной сигаретой. Фредди был за рулем, а я сидел на переднем пассажирском сиденье. Мы почувствовали запах паленого, оглянулись и увидели, что загорелась обивка салона. Фредди потушил пожар, вылив на заднее сиденье свой газированный напиток, и заорал во все горло:

— Дудабаг, чертов ублюдок, проваливай из моего автомобиля!

Никто не пострадал, хотя мне очень хотелось, чтобы мы с Дудабагом успели выскочить из машины, а Фредди сгорел бы в ней синим пламенем.

Дудабаг положительно влиял на Фредди. Так благотворно на него действовала только природа. Когда мой отчим сидел в лодке и забрасывал удочку, потя-

гивая Old Taylor, он был тихим и спокойным. Думаю, если бы он занимался рыбной ловлей и охотой, то вполне мог бы быть приличным человеком. Он вырос в сельской местности в Миссисипи, и, скорее всего, ему надо было там и остаться, а не переезжать в город. Ему нравилось быть на природе, где он чувствовал себя умиротворенно. Я ездил на рыбалку с ним или с другими родственниками со стороны Гарднеров и Трипеттов. Мне нравились эти сборища. Тогда люди начинали рассказывать истории про рыбалку. Мы ездили в разные места на реках и озерах в Миннесоте и Висконсине. Я учился у старших, вытирал пот со лба и жарким днем пытался найти местечко, где сильнее дул ветер, чтобы было прохладнее.

Когда я рыбачил вдвоем с Фредди, мне надо было быть начеку. Я рос и становился все сильнее, и Фредди выбрал новую тактику: он старался сделать из меня своего сообщника и ученика, вроде черного Гекльберри Финна[1]. Не стану утверждать, что от этого проникся к нему доверием и всей душой полюбил; скажу только, что мне было спокойнее, когда он не брал с собой ружье.

Во время рыбалки Фредди пил, но не до бесчувствия. Иногда между нами даже возникало некое подобие дружеской связи, как, например, в тот день, когда он пожарил на сковородке рыбу и мы съели ее тут же на берегу. Иногда, когда небо было безоблачным, а солнце еще не поднялось высоко,

[1] Герой романа Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна».

мы вдвоем сидели и ждали клева; в такие моменты царили спокойствие и умиротворение.

Однако, когда возвращались домой, все становилось по-прежнему. Он избивал мать, меня и моих сестер, размахивал ружьем и будил нас по ночам криками и приказами убираться из его дома. По понятным причинам я не ходил с ним на охоту, хотя должен признать, что он привозил с охоты много мяса. Он называл себя «великим белым охотником из гетто», потому что мог поймать и убить любую живность, которая водилась в лесу. И его слова не были преувеличением, разве что слово «белый» было явно лишним. Он приносил домой самую разную добычу: енотов, белок, зайцев, черепах, уток, гусей и множество других птиц. К его величайшему сожалению, он ни разу не подстрелил ни одного оленя, хотя однажды вернулся домой с оленем, привязанным к багажнику его Элвис-мобиля. Но даже местные алкоголики не спросили его, где он подстрелил олененка, потому что всем было видно, что Бэмби попал под колеса машины.

Когда мы привозили с рыбалки улов или он сам возвращался с охоты с добычей, я должен был помогать Фредди чистить, вынимать кости, потрошить добычу, снимать кожу и удалять когти. Для выполнения такой задачи нам требовались ножи. Причем очень острые.

С рыбой все было понятно: плавательный пузырь, кишки, жабры. Я не возражал против того, чтобы заниматься разделкой рыбы, потому что понимал: чем лучше ее почищу, тем вкуснее она бу-

дет, когда мама ее пожарит и подаст на стол с белым хлебом и горячим соусом. Но с отвращением занимался разделкой туш животных, хотя поначалу мне был любопытен урок анатомии, который преподал мне Фредди. Для человека, который не умел читать и писать, он прекрасно разбирался в строении животных и великолепно различал печень, мочевой и желчный пузырь, а также другие внутренние органы разных животных. Мать очень вкусно готовила все, что он приносил домой, с жареным рисом, подливкой, с вареными овощами, кукурузным хлебом. Тем не менее ужасно не любила заниматься разделкой тушек в шерсти или в перьях. Я уже учился в старших классах школы, когда наша семья переселилась в дом 3951 на Четырнадцатой улице. Мы переехали в более благополучный и престижный квартал и уже не жили в гетто. Все это благодаря тому, что снимали квартиру в доме, который купил дядя Арчи. По всему дому валялись рыболовные снасти и охотничьи принадлежности Фредди. Рыбу мы клали в ванну, мясо опоссумов — в морозилку. Открывая холодильник, я никогда наверняка не знал, какую добычу Фредди там найду.

Вот такой странный был у меня отчим. Никогда заранее невозможно предугадать, в каком «амплуа» он вернется домой — охотником-добытчиком или настоящим психопатом.

Вот такой странный был у меня отчим. Никогда заранее невозможно предугадать, в каком «амплуа» он вернется домой — охотником-добытчиком или настоящим психопатом. Только я начи-

нал думать о нем миролюбиво, как полицейские в очередной раз забирали его в участок. Все в нашей семье с большой опаской относились к целому арсеналу оружия, который Фредди хранил дома. Больше всех волновалась по поводу оружия Дайси Белл, мамина сводная сестра, жившая в Чикаго. (Похоже, у всех наших родственниц с Юга были двойные имена вроде Бетти Джин, Дайси Белл, Лили-Мей и Эдди Ли.) Наши родственники, приезжая погостить, не оставляли своих дочерей наедине с Фредди.

Однажды вечером мы с мамой остались дома одни и ждали возвращения Фредди. Было предчувствие, что он заявится в плохом настроении. Как только дверь открылась, мама, не говоря ни слова, одними глазами дала мне понять, что нужно вызвать полицию. В панике я побежал к ближайшему телефону-автомату, опасаясь, что не успею до него добежать и услышу выстрелы. А на обратном пути мне мерещились лужи крови в квартире. Это состояние позже очень хорошо изобразил режиссер Спайк Ли. В некоторых своих фильмах он использовал прием съемки, когда актер оставался на месте, а двигалась камера, тем самым показывая, что чувствует персонаж в критической или стрессовой ситуации. Подбежав к дому, я увидел полицейскую машину и полицейских, которые отобрали у Фредди заряженный пистолет и вывели его на улицу. По крайней мере ту ночь он провел не дома, а в участке.

В 1970 году мне стукнуло шестнадцать. Мне осточертели домашние передряги. Мать отлично

видела мое состояние и уговаривала потерпеть и не срываться. Я экстерном перешел в следующий класс, и до окончания школы оставался всего лишь год. К тому времени у меня появились подружки, много друзей, я играл на трубе, и школа перестала быть для меня единственной отдушиной в жизни, как раньше. Былой интерес к учебе пропал, а я заразился вирусом непослушания и противоречия. У моих черных братьев и сестер было немного шансов преуспеть в этой жизни.

Настоящим ударом для меня стало решение тренера моей футбольной команды убрать меня из квотербеков. Я был просто вне себя от злости, потому что всегда играл квотербеком во всех командах, начиная со средней школы. Мама убедила меня, что Майлса Дэвиса из меня не получится, поскольку такой музыкант уже есть, поэтому я возлагал надежды на карьеру в спорте. В шестнадцать лет Майлс уже записывал альбом в Нью-Йорке с Чарли Паркером[1] и Диззи Гиллеспи[2]. Я играл в группе, но понимал, что в ближайшее время вряд ли напишу что-то похожее на Bitches Brew. И решил сделать ставку на профессиональный спорт.

---

[1] Чарли Паркер (1920–1955) — американский джазовый саксофонист и композитор, один из основателей стиля бибоп; оказал огромное влияние на развитие джаза.

[2] Диззи Гиллеспи (1017–1993) — выдающийся джазовый трубач-виртуоз, вокалист, композитор, аранжировщик, руководитель ансамблей и оркестров, заложил основы современного импровизационного джаза.

Однако тренер нашей с недавнего времени общей для черных и белых школе не разделял моей уверенности, что из меня получится хороший спортсмен. Мой рост уже тогда был сто восемьдесят пять сантиметров, и тренер захотел сделать из меня оффенсив тэкла[1]. Я не имею ничего против таких игроков, они, бесспорно, очень важны, но хотел быть только квотербеком: умел делать точный пас, понимал стратегию игры и обладал необходимыми лидерскими качествами. Я перешел в тэклы, но надеялся, что меня вернут в квотербеки, и периодически поднимал перед тренером этот вопрос. Это надоело тренеру, и я чувствовал, что он ждет подходящего момента, чтобы выгнать меня из команды и не выглядеть при этом расистом.

Тренер сказал, что меня исключают из состава команды, потому что я — «подрывной элемент».

Причиной, по которой меня вышибли из команды, стала контрабанда, обнаруженная в личном ящике для вещей. Тренер сказал, что меня исключают из состава команды, потому что я — «подрывной элемент».

Какая еще контрабанда? Оказывается, это книги: «Умри, ниггер, умри!», «Душа во льду» и «Биография Малкольма Икса».

[1] Позиция игрока в американском футболе (англ. offensive tackle). Различают оффенсив тэклов в случае, когда команда играет в нападении, и дефенсив тэклов, когда команда играет в защите. На эти позиции берут самых сильных и крупных игроков команды. — *Примеч. пер.*

Вот так закончилось мое увлечение спортом. В то время я все больше втягивался в политику, все чаще задумывался о противоречиях богатых и бедных и прислушивался к рассказам парней, вернувшихся из Вьетнама. Во мне бушевал бунт. Но мой протест вылился не в желание взяться за оружие, а в стремление продемонстрировать его в одежде: прически афро, бусы и брюки-клеш, а также в той самоотдаче, с которой тогда играл в нашей группе.

Группа называлась Realistic Band. Мы исполняли фанк и музыку в стиле Джеймса Брауна, в которую я стремился добавить нотки Sly Stone и Бадди Майлза[1]. Мне очень нравился Джеймс Браун. На протяжении многих лет, когда он давал концерты в нашем городе, я всякий раз приходил послушать и зарядиться его энергией.

Стадион Milwaukee County Stadium вмещал шестнадцать тысяч человек. Я всегда покупал место на галерке, но как только мистер Браун появлялся на сцене, оказывался в первых рядах у сцены. На его концерты собиралась в основном чернокожая публика. Зрители начинали неистовствовать еще до того, как певец открывал рот. Каждая его песня была хитом и воспринималась как религиозное переживание. Его утробное, умоляющее, замедленно-фанковое исполнение «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста» было незабываемым. Каждый его концерт был настоящей бомбой.

---

[1] Бади Майлз (1947–2008) — американский рок-, фанк- и соул-музыкант.

Однажды во время одного из концертов черная девушка выскочила на сцену, сорвала с Джеймса Брауна его розовую накидку и бросила ее в зал. Народ принялся рвать накидку на части. Мне достался кусочек размером с салфетку, который долгое время был самой дорогой для меня вещью. Матери тоже нравились многие песни Джеймса Брауна, и она была рада, что я принес домой розовый обрывок бессмертия.

Я понимал, что мне не под силу воссоздать звук и ритм Джеймса Брауна. Это было просто невозможно. Тем не менее группа, в которой я играл, была не самой последней. Ее организовал певец Большой Эд. Ему было уже за двадцать. Этот парень ушел служить во Вьетнаме, и мы продолжали играть без него. Потом он вернулся и снова взял в руки микрофон, словно никуда и не уезжал. По меркам провинции, он давал вполне приличное шоу: орал и катался по сцене, броско, хотя странновато, одевался (он был верзила под метр девяносто, но штаны у него были короткими, а шелковые халаты сидели на нем как-то чудно). В глубине души я осознавал, что с этой группой вряд ли стану богатым и знаменитым. Это побудило меня подыскать работу на время каникул и на выходные.

— Чувак, запах не вещдок, с ним в суд не пойдешь.

После возвращения из Вьетнама у Большого Эда случались причуды. Однажды мы с Гарвином зашли к нему домой, чтобы обсудить песни, которые собирались исполнить в тот вечер на концерте. В его

комнате работал телевизор. Мы спокойно разговаривали, как вдруг Эд достал пистолет, прицелился прямо над моей головой и выстрелил в экран. Бум! Телевизор исчез в дымке битого стекла. Большой Эд отложил пистолет в сторону и как ни в чем не бывало продолжил беседу:

— Крис, так какие песни мы сегодня будем исполнять?

Мы с Гарвином поспешили покинуть квартиру.

— Ну и ну, — сказал я, — можно было, как все нормальные люди, просто канал переключить.

Оказывается, он уже расстрелял не один телевизор, и его мать прикрывала собой свой телевизор, когда сын заходил в ее комнату.

Мы баловались травкой, чтобы успокоить нервы. Пару дней спустя мы с Гарвином сидели в припаркованной машине Большого Эда и курили «косяк». К нам подъехала полиция, но мы успели выкинуть окурки в окно.

Полицейские приказали нам выйти из машины и обыскали салон, в котором стоял дым коромыслом. Полицейские не нашли марихуаны, но один из них заявил:

— Чувствую запах марихуаны — значит, вы ее курили. Я должен вас арестовать.

— Чувак, запах не вещдок, с ним в суд не пойдешь. У нас ничего нет, — спокойно ответил ему Большой Эд.

Полицейский очень удивился, и ему не оставалось другого выхода, как ограничиться предупреждением.

После этого случая я стал еще больше уважать Большого Эда. Он, конечно, расстреливал телевизоры, но при этом в критических ситуациях вел себя собранно и спокойно.

Марихуана в конце 1960-х — начале 1970-х годов была не такая сильная, как сейчас. Я в то время больше курил, чем пил. Но я старался не обкуриваться, потому что должен был быть готов к любым неожиданностям Фредди.

Однажды после концерта мы с братанами сильно курнули, и я пошел домой. На меня напал жор, и я спустился в подвал к холодильнику. Открывая дверцу холодильника, неожиданно услышал странные звуки. Обернулся и увидел, что на меня смотрит живой гусь. Я не знал, что и думать: то ли слишком обкурился, то ли Фредди решил открыть в подвале зоопарк.

Проклятье! Когда судьба дала мне шанс, оказалось, что у меня кишка тонка.

Как выяснилось, Фредди купил живого гуся для того, чтобы мы съели его на ужин в воскресенье. Так мне он объяснил, когда я проснулся на следующее утро. Фредди попросил меня помочь ему отрубить гусю голову, и я вышел во двор, где он уже приготовил полено, на котором собирался отрубить птице голову.

Был полдень, а от Фредди уже несло перегаром; в руках у него был топор. Похоже, судьба дает мне шанс осуществить то, о чем я мечтал уже много лет, — убить Фредди.

И не спешил браться за топор. Фредди заявил:

— Ладно, если тебе слабо, тогда сам держи гуся, а я отрублю ему голову.

Я понял: если позволю ему взять в руки топор, то рискую остаться без пальцев, и решил сам отрубить голову гусю.

Поднял топор и посмотрел на присевшего у полена Фредди. В какую часть тела Фредди мне направить топор? Я должен прикончить его одним ударом. Полиция не поверит, что я промахнулся, если зарублю его несколькими ударами. Выдохнул и подумал: сколько раз я мечтал об этом... Потом с силой махнул топором и отсек гусю голову.

Проклятье! Когда судьба дала мне шанс, оказалось, что у меня кишка тонка.

— Молодец, — похвалил меня Фредди. — А теперь его надо ощипать, выпотрошить и пожарить.

Только через несколько лет после этих событий я понял, как круто могло изменить мою жизнь убийство Фредди. Но тогда я был очень недоволен собой. И успокаивал себя тем, что в моей жизни оставался еще один человек, которому должен отомстить.

Возможно, прогулки на лодке с дядей Генри, когда мне было восемь лет, его рассказы о далеких странах и женщинах, которых он там видел, повлияли на мой выбор после окончания школы. В общем, я пошел в армейский призывной пункт.

В Милуоки меня больше ничего не удерживало. Весной 1970 года, во время «мартовской лихорадки», когда смотрел матчи по телевизору, мать сказала мне, что если захочу, то смогу заработать мил-

лион долларов. Я не знал, что готовит мне судьба, но понимал: настала пора покинуть свое гнездо.

Оглядываясь в прошлое, могу утверждать, что мне повезло и я родился вовремя. Я помню себя начиная с 1950-х годов. К счастью, когда стал совершеннолетним, обязательная воинская повинность была отменена. Родись я на пару лет раньше, мог бы угодить во Вьетнам.

Летом 1971 года мне было семнадцать лет и я заканчивал школу. Однажды шел по Висконсин-авеню, и мой взгляд остановился на витрине магазина военной одежды. В витрине я увидел девушку, которая приложила к телу майку, пытаясь понять, подходит ли ей размер. Я влюбился в эту девушку с первого взгляда, словно Амур пронзил мое сердце своей стрелой.

К тому времени я понял, что дружить с девушками — накладное дело.

Я вошел в магазин и представился. Ее звали Шерри Дайсон. Она была из Вирджинии и училась в колледже Морган, а в наш город приехала навестить родственников. На ее голове красовалась прическа афро, а грудь была неописуемой красоты. Вообще ее красота была не гламурной, а очень реальной. Она была доброй, умной, с чувством юмора, и мы с ней быстро разговорились. После нашей первой встречи мы два дня просто болтали.

Шерри не знала, что я на четыре года младше, но после того, как мы вместе сходили в кино на фильм «Лето 1942-го», в котором рассказывается о любов-

ной связи мальчика и взрослой женщины, мне пришлось сказать ей, сколько мне лет. Даже сейчас, когда слышу мелодию из этого фильма, чувствую, будто мне снова семнадцать и я влюблен в Шерри Дайсон, красавицу из состоятельной семьи в Ричмонде, штат Вирджиния. У ее отца было агентство ритуальных услуг A. D. Price Funeral Home, а ее мать работала школьной учительницей. Шерри выросла в большом и красивом особняке по адресу Хэйнс-авеню, Ричмонд, Вирджиния. Никогда не забуду этот адрес, потому что отправил по нему множество открыток и писем.

К тому времени я понял, что дружить с девушками — накладное дело. В последнем классе школы я был страшно удивлен, когда телефонная компания прислала счет на девятьсот долларов — столько я наговорил, когда звонил Шерри в Вирджинию. В то время я работал посудомойщиком в стейк-хаусе Nino's и в лучшем случае зарабатывал сотню долларов в неделю.

Я спрятал телефонный счет, но вскоре мать ответила на звонок из телефонной компании, и ей сообщили, что наш телефон отключат на неуплату. Мать сказала представителю компании, что даже не видела телефонного счета, но поняла, кто наговорил на эту астрономическую сумму. Вместе с ней мы отправились в офис телефонной компании, в котором мне пришлось признаться, почему наш телефонный счет такой огромный. Удалось договориться, что до своего совершеннолетия буду перечислять компании все, что заработаю, в счет уплаты долга.

Я сам был виноват в случившемся, но на следующий день на работе закатил скандал по поводу того, что официанты не делятся со мной чаевыми, хотя, по идее, должны были это делать. Менеджер пожал плечами и сказал, что я должен быть благодарен за то, что у меня вообще есть работа. Я обалдевал от жары, которая стояла около «трясущегося старика Hobart»[1], и решил всем отомстить. Потом, после содеянного, чувствовал себя таким же виноватым, как и чуть позже, когда опять же ради телефонных разговоров с Шерри заложил принадлежащий Офелии телевизор. А тот вечер в стейк-хаусе Nino's я опи́сал все чистые тарелки, вымытые в посудомоечной машине. Я пил воду и пи́сал на чистые тарелки, зная, что в этот вечер уволюсь.

Господь явно громко надо мной посмеялся, потому что моей следующей работой стала работа уборщиком, а потом санитаром в доме престарелых, где я выносил «утки» и ночные горшки за стариками. На самом деле это был важный этап моего развития, потому что тогда научился состраданию и смог заработать деньги на оплату долга телефонной компании.

Новую работу в доме престарелых Heartside Nursing Home помогла мне найти Офелия, которая работала там помощницей медсестры. К тому времени я принял твердое решение: чем бы ни занимался, выполнять свою работу лучше, чем все

[1] Hobart — одна из старейших компаний, выпускающих посудомоечные машины.

остальные. Скажу честно, что такой настрой очень помог мне в жизни. Мне надо быстро учиться делать свою работу у того, кто делал ее лучше остальных коллег. Я уперся рогом и начал, как сумасшедший, подавать еду, менять подгузники, заправлять кровати и выносить ночные горшки.

Через некоторое время понял, что могу справляться со своими обязанностями успешнее, чем лучший санитар в доме престарелых. Руководство заметило мой пыл и предоставило мне новый фронт работ в виде целого отделения, в котором находилось тридцать человек. Все они были белыми, часть из них могла о себе позаботиться, а части требовался особый уход. К моему удивлению, я получал удовольствие от работы. Мне нравилось помогать людям и становилось вдвойне приятно, когда они чувствовали благодарность за то, что я для них делаю. Я старался, в отличие от некоторых коллег, никогда не игнорировать звонки вызова стариков, а моментально бросался туда, где требовалась моя помощь. Во всем доме престарелых не было другого санитара, готового выкладываться на работе так же, как я. Моя работа была мне по душе.

В моем отделении лежал старый военный моряк Джон Маккарвилл, который утратил способность говорить. Но он мог отдавать честь, что и делал в мой адрес. Каждый раз, когда я перекладывал его в кровать или помогал ему, он рукой отдавал мне честь. Понимал, что таким образом он говорит «спасибо» и выражает свою благодарность, которую я читал в его глазах. В отделении лежали два умственно от-

сталых человека средних лет. Мы звали их Флинстонами, потому что они были похожи на двух героев этого мультфильма. Однажды я наблюдал, как один из них ел собственные экскременты, и немного от этого обалдел.

— Может, их стоит перевести или разлучить? — спросил я у начальства.

— Нет, — ответили мне, — пусть остаются вместе. Просто старайся решать возникающие вопросы, и все.

Вот я и решал вопросы.

В отделении лежала старушка-итальянка по имени Ида. У нее был золотой зуб, и ходила она только в халате и шлепанцах. Она была милой, но у нее была то ли болезнь Альцгеймера, то ли другая форма серьезного психического расстройства.

— Ты мой маленький мальчик? — спросила меня Ида, когда увидела в первый раз. Я решил ее успокоить и ответил:

— Да, Ида, я твой маленький мальчик.

Но тут она меня очень удивила:

— Странно. Когда я тебя в последний раз видела, ты не был черным и таким высоким.

За все время работы я всего лишь раз сделал то, о чем потом пожалел. У меня была одна пациентка из богатой родовитой семьи, которая постоянно жаловалась. С каждым днем она становилась все более требовательной и жаловалась все громче. Она на всех ругалась и отказывалась есть. Если ей было что-то нужно, подать следовало немедленно. Если ты начинал с ней спорить, она грозила вызвать сво-

его адвоката. Однажды я не выдержал и наговорил ей много неприятного. Я раскладывал по тарелкам пирог с безе и вместо того, чтобы положить ей кусочек, взял и плюнул ей в лицо.

Я тут же понял свою ошибку.

— Ой, простите! — поспешно сказал я и начал полотенцем вытирать ей лицо.

Оказалось, именно это ей и было нужно. Она с благодарностью посмотрела на меня и сказала:

— Спасибо, сынок, наконец-то меня умыли.

Примерно через год после окончания школы я пошел служить во флот. Мои сестры, видимо, известили об этом мать раньше меня. Последние годы учебы в школе были не слишком успешными, потому что учителя считали меня кандидатом в «Черные пантеры». Если бы не это, возможно, я продолжил бы обучение в колледже. Когда рассказал матери о своих планах, она широко улыбнулась и сказала, что до моего отъезда мы успеем устроить прощальную вечеринку.

Я пошел во флот только потому, что у ВМФ был прекрасный и короткий слоган: «Вступай в ВМФ и посмотри мир».

Последние несколько месяцев перед уходом в армию я с подачи дяди Арчи работал в Inland Steel, где мне платили гораздо больше, чем в доме престарелых. Но в то время я усвоил простой принцип: чем больше зарабатываешь, тем больше тратишь. Впрочем, чтобы это понять, необязательно было уезжать из Милуоки. Но мир был большим, мне не терпелось его увидеть, и я устал сидеть на одном месте.

Я пошел во флот только потому, что у ВМФ был прекрасный и короткий слоган: «Вступай в ВМФ и посмотри мир». Возможно, на мое решение повлиял фильм с Джеком Николсоном «Последний наряд», который я посмотрел незадолго до принятия решения. Во время службы во флоте можно было увидеть страны, о которых мне рассказывал дядя Генри. Главной же причиной того, что я пошел служить в ВМФ, было расставание с Шерри. Мне хотелось увидеть чужестранок и познакомиться с ними. Я помнил рассказы дяди Генри про итальянок и кореянок, которые ходят у тебя по спине, делая массаж, от которого у тебя уже никогда в жизни не будет боли в спине. Дядя Генри говорил, что у кореянок ноги «мягкие, как руки». Мне не терпелось это пережить самому.

Первые восемнадцать лет своей жизни своим главным долгом я считал заботу о матери. Но мне так и не удалось избавить ее и себя от Фредди, поэтому оставалось предоставить ее судьбу воле Господа и постараться самому стать счастливым, чего желала мне мать.

ЧАСТЬ II

Глава шестая
Большой мир

Путешествие на военном корабле мечты началось с полета на самолете. Это был первый в моей жизни перелет. Однако отправили меня в «учебку» не на Гавайи или под Сан-Диего, где, видимо, и делали все рекламные снимки, красовавшиеся на постерах с призывом служить в ВМФ. Мне предложили выбрать между районом Великих озер в Иллинойсе и Орландо во Флориде. Я выбрал Орландо; это место, похоже, было ближе к морским портам. Однако жизнь в Орландо (который, как выяснилось, не находился на океанском побережье) была не сахар. В тех местах жарко, влажно и целые тучи насекомых.

Я вырос в обществе непредсказуемого Фредди Трипетта, поэтому в принципе не возражал против того, чтобы моя жизнь стала более размеренной и определенной. В ВМФ существовали четкие установки по поводу того, что такое хорошо и что такое плохо, и внятная система наказаний и поощрений. Бесспорно, во мне жил бунтарский

дух, и мне не хотелось раствориться в массе, но я знал, что никогда не потеряю лица. Мне было непросто из бунтаря и хиппаря с афро и в бусах превратиться в гладко выбритого и аккуратно одетого матроса, но я это пережил. От бритвы у меня появился псевдофолликулит (простите за не самую точную медицинскую формулировку), то есть на лице появились большие шишки, что часто случается главным образом с черными парнями, которые впервые начинают бриться. Однако после бритья головы я в конечном счете облысел и сейчас очень благодарен Айзеку Хейзу[1] за то, что тот одним из первых черных начал ходить с бритой головой.

Жара и влажность были непривычными, а нам приходилось стоять в полной экипировке на солнцепеке — это было самое неприятное. Здесь очень пригодилось мое умение замирать. Пот ручьями стекал по спине, груди и лицу, но я стоял не шелохнувшись.

Однажды, когда я стоял в строю, ко мне подошел командир 208-го отделения старший сержант Уайт.

— Ты в курсе, сынок, что я все про тебя знаю? — спросил он, приблизившись ко мне вплотную. Пот буквально лил по всему телу. Я стоял не шелохнувшись. Старший сержант сам отве-

[1] Айзек Хейз (1942–2008) — американский ритм-и блюз-музыкант, композитор, продюсер, аранжировщик и актер.

тил на свой вопрос: — Я знаю, ты дисциплинированный солдат.

Впрочем, все совершают ошибки. В начале обучения я отдал честь офицеру в помещении. Ну, кто бы мог подумать, что по уставу это не положено? Я рьяно отдавал честь, пытаясь всем своим видом передать: «Вот он я! Я в ВМФ, приехал к вам мир посмотреть!» В качестве наказания меня отправили на «палубу», которую в нашем случае заменяла лужайка перед бараками, где меня и научили тому, где, когда и как надо отдавать честь старшим по званию. Вокруг лужайки росли пальмы, на которых жили белки, и мой командир приказал мне подбегать к сидящей на земле белке, отдавать ей честь и кричать: «Добрый день, сэр!»

Мне было непросто из бунтаря и хиппаря с афро и в бусах превратиться в гладко выбритого и аккуратно одетого матроса, но я это пережил.

Белок оказалось много, и все они «хотели», чтобы их поприветствовали. Я обалдел бегать, отдавать им честь и кричать: «Добрый день, сэр!» Из окон барака за мной наблюдали солдаты и потешались над тем, как я ношусь по лужайке, приветствуя грызунов.

В целом я успешно прошел курс в учебке, после окончания которой мне предложили на выбор: или прямиком пойти служить во флот, или продолжить обучение. Вместе с товарищем по учебке, парнем по имени Ярвис Бойкин, я выбрал продолжение курса обучения. У меня был опыт работы в доме престарелых. Может быть, смогу выучиться на военного фель-

дшера, что откроет мне дорогу на базы в Корее и на Филиппинах.

Учебка не выбила из меня идеализма. Я не только продолжал грезить о далеких берегах, но и думал о том, что смогу помогать обездоленным и бедным и вообще смогу изменить мир к лучшему. Меня направили учиться в медицинскую школу ВМФ в Иллинойсе, то есть совсем близко к моим родным местам в Милуоки.

Постепенно я начал осознавать, что все мои мечты о службе за границей могут не сбыться и я останусь в США.

Оказалось, что, сделав резкий поворот, судьба не только забросила меня снова на север, но и школа, в которой мне предстояло проходить подготовку, принадлежит морской пехоте. На самом деле все части морской пехоты находятся в ведомстве ВМФ, о чем меня не предупредили, когда записывался во флот. Мне думалось, что я попаду в сериал МЭШ[1] с медсестрами в коротких белых халатах и с ярко накрашенными губами, и у меня не было никакого желания оказаться среди морских пехотинцев. Я жаловался Бойкину на то, что если бы захотел стать морским пехотинцем, то я изначально туда бы и пошел. В общем, у меня были большие сомнения по поводу нового назначения.

Постепенно я начал осознавать, что все мои мечты о службе за границей могут не сбыться и я оста-

[1] МЭШ — американский телесериал, созданный Ларри Гелбертом по мотивам романа Ричарда Хукера «МЭШ: Роман о трех армейских докторах» (1968). В российском прокате фильм вышел под названием «Чертова служба в госпитале МЭШ».

нусь в США. И совсем не хотел, чтобы меня отправили куда-нибудь служить с морпехами.

К счастью, я успешно учился на военного фельдшера. Подходил к концу первый 12-недельный курс обучения. У меня, в отличие от некоторых моих коллег, не было никаких проблем. Я мало пил, потому что в свое время вдоволь насмотрелся на пьяного Фредди, да и вкус алкоголя мне не особо нравился. Однажды приятели, среди которых был и Бойкин, пошли за пределы базы выпить пива, и я присоединился к ним. В баре под названием Rathskeller мы умудрились изрядно набраться. Напились так сильно, что пропустили весь транспорт, который мог бы нас доставить на базу, и нам пришлось идти пешком. Было поздно, и мы решили идти не через главные ворота, а срезать путь и перелезть через ограждение.

Дело близилось к полуночи, и было темно. Не рассмотрев в темноте, куда прыгаем, мы приземлились на железную крышу автобуса. В этом автобусе спали военные коменданты, которых мы разбудили.

— Черт подери! — сказал Бойкин.

— Ну, понеслось, — ответил я.

Наутро нас вызвал к себе капитан. Бойкина отправили в Юго-Восточную Азию, в которой война подходила к концу, но медики все равно требовались. Я, конечно, хотел повидать новые берега, но не горел желанием оказаться во Вьетнаме.

После Бойкина в кабинет капитана вошел я. Встал навытяжку и надеялся, что мой хороший послужной список поможет и мне простят вчерашние прегрешения.

Капитан осмотрел меня с ног до головы, подумал и спросил:

— В футбол играешь?

— Да, сэр! — гаркнул я.

— Отлично, — ответил капитан. — Тогда направляйся в Кэмп-Лежен[1]. Там хорошая футбольная команда, в которой пригодятся такие здоровые парни, как ты, — добавил он, что-то написал в моих документах и гаркнул: — Следующий!

В решении капитана для меня были как положительные, так и отрицательные стороны. Я уже начал подозревать, что за пределы США меня не отправят и я увижу мир только в виде непролазных джунглей в Северной Каролине, где под каждым деревом меня будет ждать Джим Кроу[2]. Кэмп-Лежен — крупнейшая база морской пехоты США, в которой находится шестьдесят тысяч морских пехотинцев и шестьсот моряков. Фактически я оказался в морской пехоте. Единственным лучом света в темном царстве стало то, что меня перевели в региональный медицинский центр ВМФ, — слава богу, не в ряды морпехов. Как оказалось, наш капитан хорошо знал, кстати сказать, довольно неплохую футбольную команду ВМФ с этой базы и поэтому меня туда и направил.

---

[1] Кэмп-Лежен — база морской пехоты, военно-учебный центр в Джэксонвилле, штат Северная Каролина.

[2] Джим Кроу — вымышленный персонаж, герой фольклорных песен, а также широко распространенное неофициальное название законов о расовой сегрегации в южных штатах США в период 1890–1964 гг.

Для меня стало приятной неожиданностью, что следующие два года я служил, работал и учился в среде, напоминавшей колледж. ВМФ платил за мою счастливую жизнь, я играл в футбол и получал образование и опыт, сравнимый с уровнем лучших университетов страны. Сразу после моего прибытия координатор сообщил, что мест в бараках нет. Вместе с тремя другими парнями, которым тоже не хватило места в бараках, меня повели показывать территорию и больницу. В конце ознакомительной экскурсии нас привели в крыло здания больницы, которое было закрыто для пациентов.

В общем, я сильно продвинулся с тех пор, когда заклеивал себе ногу Kotex.

— Ну вот мы и пришли, — сообщил координатор. — Здесь, парни, вы и будете жить.

Мы не стали ждать особого приглашения и превратили эту часть здания в центр отдыха и развлечений. Бесспорно, это место не было президентским номером отеля Palmer House, но у нас был доступ к открытой веранде, и мы подключили стереосистему к расставленным по палатам переговорным устройствам. Все было замечательно. Как выяснилось, судьба была ко мне милостива.

В больнице стояло новейшее оборудование, и в ней работали как опытные военные, так и гражданские врачи. Меня приписали к отделению общей хирургии, которую возглавляла милейшая женщина — старший лейтенант Шарлотта Ганнон.

Она носила белый халат, из-под которого виднелись офицерские знаки различия. Шарлотта

раньше работала в одной из больниц Массачусетса и сейчас управляла своим отделением профессионально и с чувством сострадания к лежащим в нем пациентам. Под ее руководством у меня появились шансы стать специалистом. Пациентами отделения были главным образом морские пехотинцы, члены их семей и местные жители, которые не могли получить неотложную специализированную помощь в городских больницах. В то время я освоил тактику опроса. Даже лучшие доктора были готовы объяснять суть и отвечать на вопросы.

Шарлотта с пониманием отнеслась к моим постоянным вопросам: «Как это называется?», «Как это сделать?», «Зачем это нужно?», «Покажите, пожалуйста!» и «Можно я попробую?». Она научила меня принимать решения, от которых порой зависит, умрет человек или останется в живых. Опыт работы в доме престарелых помог мне стать ее лучшим ассистентом. Очень быстро я перешел в разряд любимчиков, и отношение докторов помогало мне, когда позже попадал в сложные ситуации.

Я был единственным курсантом, задававшим вопросы, и всегда старался запомнить ответы докторов. Тогда я еще не понимал, что самое важное, чему научился в госпитале, — это умение организовать свое время. Кроме того, мне нравилось выполнять свою работу: менять повязки, ставить капельницы и промывать раны. Часто делал несколько процедур одновременно. Я старался наблюдать за состоянием пациента и вел графики, а также делал записи для докторов и медсестер. Например, после

перевязки отмечал в журнале состояние раны и общее самочувствие пациента.

Через некоторое время пациенты стали называть меня «доком». За мной закрепилась репутация лучшего специалиста по огнестрельным ранениям. Даже когда я был занят, раненые говорили, что подождут меня. То же самое происходило на перевязках. Пациенты просили «дока». В общем, я сильно продвинулся с тех пор, когда заклеивал себе ногу Kotex.

Помню одно из первых своих серьезных заданий. Десяток морпехов из Пуэрто-Рико поехали на мини-автобусе на выходные в Нью-Йорк и попали в аварию. Им требовалась медицинская помощь. Меня привезли на место аварии. Солдаты были пьяные, помятые, некоторые без сознания и все в порезах от стекла. Одному парню по имени Домингез я пинцетом вынул из лица кучу осколков. Если бы этого не сделали и зашили как есть, у него лицо было бы, как у Франкенштейна. Очень многие на моем месте так и поступили бы. Он не забыл этого, и мы потом долго не теряли контакта.

Мне нравилась моя работа и благодарность людей, которые нуждались в моей помощи. Искренне радовался, когда пациенты шли на поправку. Было интересно наблюдать, как белые солдаты отказывались от своих расистских предрассудков. Среди пациентов были ребята, которые сначала называли меня ниггером, но потом понимали, что я им помогаю, и начинали ценить человека по делам.

Я помогал этим ребятам выйти из кризиса, и постепенно их отношение ко мне менялось — не по-

тому, что я взывал к их разуму, а потому, что они сами начинали пересматривать свое мировоззрение. Менялось и мое собственное представление о людях. Начинал осознавать, что в мире живут не только черные, но и представители других рас. Я сам в некотором роде развивался вместе с пациентами.

За пределами базы во многих людях были живы пережитки расизма. Помню, однажды ответил на звонок, поступивший в отделение. Позвонившая женщина начала жаловаться, что какой-то 150-килограммовый ниггер наступил ей на ногу и сломал кость.

— Я вас понял, — сказал я. — Значит, нога сломана?

— Сломана! — заявила женщина.

— Так от чего она сломана: от того, что на нее наступил ниггер, или от того, что в нем было сто пятьдесят килограммов?

— По этим двум причинам сломана!

Иногда приходилось иметь дело с отпетыми расистами. Как-то раз мы с приятелем по кличке Красавчик Вилли (хотя он был совсем не красавчик; дядя Дудабаг по сравнению с ним фотомодель) остановились на местной бензозаправке. Красавчик Вилли был родом из Южной Каролины. Он предупредил меня, что в этих краях люди не слишком жалуют чернокожих.

Не стану утверждать, что на автозаправке нас встретили с распростертыми объятиями. Едва мы подъехали, к нам вышла тощая белая женщина с ружьем и заявила:

— Я ниггерам бензин не продаю! Однажды здесь был один ниггер, так он чуть заправку не спалил. Проваливайте!

Я знал, что расовые предрассудки встречаются среди бедных и необразованных людей. В этих краях было много бедняков, и черных, и белых, живших поблизости от военной базы. Тогда я служил в армии, где обо мне заботились, поэтому не испытывал нужды, и мне захотелось как-то помочь этим людям.

Все чаще стал подумывать, что, возможно, в будущем, закончив службу в ВМФ, займусь медициной. В то время я редко общался с Шерри Дайсон. Я не был уверен, что наши отношения могут оказаться долгими, но, думаю, из нее может получиться хорошая жена доктора. Мне не светили командировки в другие страны, чужестранок я не видел, поэтому решил сосредоточиться на местных женщинах.

С парой приятелей мы съездили в Вашингтон и посетили Говардский университет. Здесь я впервые в жизни увидел смешанное общежитие для студентов мужского и женского пола. Мужчины располагались на одном этаже, а женщины — на другом. Это были прекрасные и раскрепощенные женщины начала 1970-х годов. Как только мы с приятелями попали в это общежитие, мы чуть ли не хором произнесли: «Нет, больше в Северную Каролину я не вернусь!»

Мы ушли в загул. Потом, когда деньги закончились, мы сдались военной полиции. Нам выдали по пятьдесят долларов и приказали возвращаться на базу, но мы снова ушли в самоволку. Нам было по девятнадцать, мы были молодыми и глупыми. Студенческое общежитие казалось раем, и нам не хотелось оттуда уезжать. Наконец, нам снова пришлось сдаться военной полиции. На этот раз денег

нам не выдали, а отвезли на автобусную станцию и посадили в автобус. Все мы, кроме одного парня, который подрался с полицией и снова ушел в самоволку, благополучно добрались до базы. Нам объявили строгий выговор, а парня, который ушел третий раз в самоволку, выгнали из армии.

На выручку пришла старший лейтенант Шарлотта Ганнон. Она переговорила с офицерами, которые решали мою участь, и сказала им, что я очень ценный кадр и заслуживаю снисхождения.

Что бы этот Томас Тернер сказал, если бы узнал, что его сын хочет стать доктором?

Это решило мою судьбу. Шарлотта Ганнон за меня поручилась, и этого было достаточно, чтобы я снова оказался в отделении общей хирургии. Но она строго предупредила:

— Гарднер, чтобы подобное больше не повторялось! Делай хорошо свою работу, и я обо всем забуду.

После этого случая я больше не срывался. Потом познакомился с матросом по имени Леон Вебб, который стал одним из моих лучших друзей на всю жизнь, и вместе с ним мы сняли недорогой трейлер за пределами базы. Мы подумали, что в трейлере наша жизнь будет спокойнее. Машины у меня не было, но я рассчитывал, что Леон будет подвозить меня до базы. Иногда наши рабочие графики не совпадали и мне приходилось просить других людей меня подбросить до места. Нам платили дополнительные деньги за то, что мы жили и питались отдельно. Мы тогда не слишком считали деньги и, когда они закончились, несколько дней голодали. Помню, как однажды холод-

ным вечером (а в тех краях в лесах по ночам бывает холодно) у нас оставалась банка консервированных бобов и одно крупное страусиное яйцо.

В моей жизни все было хорошо, но за полгода до окончания службы я начал нервничать. В армии платили четыреста с небольшим долларов в месяц, кормили, поили, давали крышу над головой и обеспечивали медстраховкой. Я мог жить спокойно. Что меня ждет через полгода? Если бы у меня был отец, возможно, он посоветовал бы, что мне делать и как поступить. Я пошел служить, как в свое время сделали мои дяди. Мать говорила мне, что у меня все получится и я буду успешным в выбранной мной профессии. Мне удалось вытянуть из матери имя моего отца. Его звали Томасом Тернером, он жил в Луизиане. Что бы этот Томас Тернер сказал, если бы узнал, что его сын хочет стать доктором? Может, он тогда захотел бы со мной общаться?

Некоторые парни, знакомые по службе, собирались подписать новый контракт и продолжить службу. Некоторые возвращались домой, чтобы искать работу, жениться или вернуться к семьям и детям, которые у них уже были. Конечно, мне очень хотелось иметь семью. Но я так и не повидал мира. А если захочу продолжить образование, то точно не смогу путешествовать.

В один прекрасный день все решилось само собой. В отделении общей хирургии я получил предложение от доктора Роберта Эллиса. Этот доктор узнал обо мне от доктора Ганнон и взял меня под свое

крыло. Это был блестящий врач. За его собранность мы прозвали его Буффало Билл. Доктор Эллис был командирован в военный госпиталь из-за войны во Вьетнаме. До этого он работал в детской больнице в Хьюстоне с двумя светилами кардиохирургии — докторами Дентоном Кули и Майклом Дебакеем.

Доктор Эллис уже выполнил свой гражданский долг, и срок его службы заканчивался. Он планировал отправиться в Сан-Франциско, чтобы открыть исследовательскую лабораторию при Калифорнийском медицинском центре и больнице для ветеранов войны. Я искренне поздравил его от всего сердца.

— А что у тебя? — спросил он, зная, что мне осталось служить полгода. — Какие у тебя планы?

Я пожал плечами и сказал, что пока не решил.

— Ну, — сказал он, — если у тебя есть желание продолжить карьеру в медицине, могу тебе помочь.

Я навострил уши и внимательно выслушал рассказ о лаборатории. Он сказал, что ему нужен ассистент.

— Если хочешь, можешь мне с этим делом помочь, — сказал он. — Семь тысяч пятьсот долларов в год.

Это было больше, чем я получал на флоте. Не буду утверждать, что это предел моих мечтаний. Тем не менее это был шанс поучиться у одного из лучших специалистов в своей области и переехать в Сан-Франциско. Это, конечно, не заграница, но почти другая часть света.

— Подумай, — добавил он, — и дай мне знать.

Я думал приблизительно две секунды и ответил:

— Принимаю ваше предложение, — сказал я. — Я приеду.

Глава седьмая
Зарисовки с натуры

— А вы знаете, что Сан-Франциско — это Париж на побережье Тихого океана? — сказал бизнесмен средних лет, в очках и с кейсом в руке, стоявший рядом со мной на Юнион-сквер весной 1976 года. Прошло уже два года, как я работал у доктора Эллиса в Калифорнийском университете и больнице для ветеранов войны.

— Да, — сказал я и вспомнил время, проведенное в Калифорнии, — вы совершенно правы.

Мне недавно исполнилось двадцать два года, и я еще не был в Париже. Хорошая мысль. Начну говорить друзьям, что живу в «Париже на побережье Тихого океана». Пожалуй, стоит присвоить эту фразу.

В армии все было строго: дисциплина, процесс, порядок, структура, поэтому город, в котором превыше всего ценились нонконформизм и индивидуальность, казался мне слаще заграницы.

День стоял прекрасный. А прекрасный день в Сан-Франциско не похож на прекрасный день в любом другом городе. На небе ни облачка. То, что я видел, — это картинка к толкованию в словаре значения «небесно-синий». Теплый ветер шелестел листьями деревьев в парке, по улицам фланировали местные жители и туристы, наслаждаясь красотами города.

Я попал в Сан-Франциско в интересное — в культурном и историческом смысле — время.

Хотя угар свободной любви и детей цветов конца 1960-х годов прошел, для бывшего хиппаря этот город все равно как Мекка для мусульман. Протесты закончились, повсюду были видны плоды борьбы за гражданские права: Никсон покидал пост президента, война во Вьетнаме закончилась. Всем хотелось веселья. А веселиться в свободной, толерантной и новаторской атмосфере города было очень приятно.

В армии все было строго: дисциплина, процесс, порядок, структура, поэтому город, в котором превыше всего ценились нонконформизм и индивидуальность, казался мне слаще заграницы. Я тусовался в районе Хейт-Эшбери, который раньше был известен наркотиками, сексом и музыкой. Сейчас здесь находились клубы, рестораны, книжные магазины и хэд-шопы — магазины, продающие все для употребления марихуаны, а также одежду из конопли. Мне нравился этот район.

Сан-Франциско был идеальным местом для экспериментов, и людям в то время хотелось исследовать новые мысли, философии, идеи и вкусы. Именно этого хотел и я, чтобы понять, чего жду от жизни. Я уже более-менее разобрался с работой, отношениями с женщинами и деньгами. Это был период, когда пытался понять самого себя, в чем мои сильные стороны и что думаю об этом мире.

Вскоре после переезда на Восточное побережье приятели пригласили меня на мероприятие, что-то вроде лекции. Меня и еще двоих парней уговорил пойти некий Билл, тусовщик с хорошо подвешен-

ным языком. Я со своими друзьями жил тогда в общежитии для молодых христиан YMCA в районе Тендерлойн. В общем, Билл захотел пойти на лекцию, и мы втроем составили ему компанию.

— А о чем лекция? — поинтересовался я.

— Крис, — пообещал мне Билл, — поверь, этот семинар изменит твою жизнь. Прикинь, чувак, жизнь и опыт навязывают нам определенное поведение. Этому нас учат родители, школа и власти. У нас произошло капиталистическое программирование сознания, и все силы уходят на погоню за благами. Реши проблему самооценки, и ты перестанешь быть рабом доллара, чувак.

Можете ЭТО себе бесплатно оставить!

— Так, значит, это и есть тема лекции? — не унимался я и напомнил ему, что у меня жесткий график.

— Ты пойми, в этом-то и проблема, — продолжил он. — Ты хочешь материального благополучия, стремишься стать представителем среднего класса, мечтаешь быть буржуа. Чувак, ты думаешь, что главное в тебе — это твоя работа? Нет, ты — это ты, а не то, что ты делаешь ради денег.

В общем, он меня заинтриговал. Оказалось, семинар назывался EST[1] и вел его человек по имени Вернер Эрхард. На этом семинаре мне никак не

[1] ЭСТ-тренинг, или Обучающие семинары Эрхарда, — разработан Вернером Эрхардом (настоящее имя — Джон Пол Розенберг), основателем ряда полусект. В настоящее время права на интеллектуальную собственность Вернера выкупила компания Landmark Worldwide, которая проводит тренинги.

могли объяснить, что такое ЭТО. И если ты не можешь понять ЭТО, то тебя надо тренировать. Но чтобы узнать, что такое ЭТО, надо заплатить кучу денег. Мы с приятелями сидели на полу по-турецки среди толпы человек в сто и обменивались недовольными взглядами. В это время Эрхард и его ассистенты орали на нас, почти как в армии. Каждого из нас на дно тянет груз прошлого, от которого надо избавиться. Как это сделать? Мы должны были ЭТО понять. Однако это еще не все. Они заявляли, что не выпустят нас отсюда, пока мы ЭТО не поймем. Ни в туалет, ни поесть. Все мы, включая Билли, от тоски уже глаза закатывали. Мне очень хотелось им сказать: «Парни, так скажите нам, что ЭТО такое, может, мы лучше поймем ЭТО, если будем об ЭТОМ больше знать. Может, мы уже давно сами поняли ЭТО».

У меня сложилось ощущение, что и сами организаторы лекции не знали, что такое ЭТО. Примерно через час мне осточертело слушать про ЭТО. Я встал и сказал:

— Все, с меня хватит. Я ЭТО понял. — И добавил, прежде чем армия этих людей-надсмотрщиков успела меня окружить: — Насрать на ЭТО и на ТО. В гробу я ЭТО видел в белых тапочках.

После этого мы вчетвером стали орать:

— Насрать на ЭТО!

— А мне ЭТО вообще не нужно, — кричал Билл. — Можете ЭТО себе бесплатно оставить!

Мы были единственными черными в зале, и складывалось впечатление, что у нас с этим будут

проблемы, но белые начали смотреть на нас с видом: «Ого! Они в ЭТО въехали! Они ЭТО знают!» Потом все всполошились, когда какой-то белый парень прокричал:

— Да, точно! Насрать на ЭТО!

Нас быстренько вывели из зала, потому что мы им все карты смешали. Из этого небольшого эксперимента я понял, что мне не нужны «просветительские» доктрины. Но Билл продолжил свои духовные поиски.

Через несколько лет я узнал, что он со своей девушкой присоединился к харизматичному лидеру, который убедил свою паству передать ему все имущество и переселиться из США в Джонстаун, в Гайане. В ноябре 1978 года стало известно, что Джим Джоунс призвал более девятисот человек принять цианид. Это было массовое самоубийство, и Билл был одним из тех, кто в тот день умер. Я очень удивился: как такой городской братан, как он, мог слепо поверить человеку и заглушить голос разума.

Я не хотел «продаваться» в секту, потому что с детства понимал важность самоконтроля. Именно поэтому не позволял себе злоупотреблять наркотиками и алкоголем.

Я, конечно, экспериментировал в свободное время, но большую часть времени посвящал работе в лаборатории доктора Эллиса. Мой приятель Билл (это он пригласил меня на странный семинар) заявил, что я стремлюсь стать буржуа, и это было правдой, потому что я серьезно размышлял о медицинской карьере. Доктор Эллис доверял мне и обучал меня. Он открыл

мне новый мир медицины, который сильно отличался от знакомого мне мира военных.

Доктор Эллис ставил эксперименты, чтобы в дальнейшем использовать их результаты в больнице для ветеранов войны, расположенной в районе моста «Золотые ворота» и больницы при Калифорнийском университете в Сан-Франциско, расположенной около Голден-гейт парк и стадиона Кейсар. Большую часть своего рабочего времени я проводил в больнице для ветеранов войны, где старую операционную переделали под лабораторию. В этой лаборатории мы исследовали работу сердца во время кардиохирургического вмешательства. Целью нашей работы было определение концентрации раствора углекислого калия, в котором лучше всего сохраняются энергонасыщенные фосфаты мышечной ткани сердца. Мы делали раствор углекислого калия различной концентрации, потом через определенные промежутки времени брали пробы сердечной ткани. В итоге пришли к выводу, что энергонасыщенные фосфаты лучше сохраняются в растворе с высоким содержанием углекислого калия. Это была очень важная информация для кардиохирургов, занимающихся трансплантацией сердца. Это была новая для меня и интересная область исследования, и я впитывал все, как губка.

В один из моих первых рабочих дней доктор Эллис представил мне Рипа Джексона, который вырос в Джексонвилле, штат Северная Каролина. Рип был среднего роста, с лысиной, носил очки, и у него был острый, как у орла, нос. Он был высококлассным спе-

циалистом в области медицины и медицинского оборудования. Он был худым, гладко выбритым, с копной светлых волос и пронзительно-голубыми глазами. Рип протянул мне руку и произнес с южным акцентом: «Рад познакомиться. Наслышан о тебе».

Чутье подсказывало мне, что Рип в молодости был членом Ку-клукс-клана[1]. Что-то в нем напоминало мне ту белую женщину с ружьем, которая выгнала нас с автозаправки около военной базы. По некоторым его фразам я понял, что не ошибся и правильно оценил его прошлое. Он имел опыт работы с докторами-евреями, поэтому не допускал антисемитских высказываний. Но он, видимо, не работал с чернокожими докторами, поэтому иногда позволял себе расистские суждения.

Однако сам факт того, что он в моем присутствии отпускал расистские высказывания, возможно, свидетельствует о том, что мы с ним сработались. С самого начала нашей совместной работы он увидел, что я хочу ЭТО понять, все схватываю и запоминаю, поэтому относился ко мне с большим уважением. Изначально планировалось, что Рип поработает со мной месяц, обучит меня должностным обязанностям и в дальнейшем будет консультировать по мере необходимости.

Если отбросить досадные предрассудки Рипа, он был замечательным специалистом и быстро наладил работу лаборатории, чем заслужил мое ува-

[1] Ку-клукс-клан (англ. Ku Klux Klan) — ультраправая организация в США, отстаивавшая идею превосходства белых.

жение. Он не был дипломированным врачом, но технически был подкован лучше любого хирурга и передавал мне свои знания, необходимые для работы с доктором Эллисом. В наши обязанности входила эксцизия (резекция сердца), катетеризация сосудов, наложение швов, заказ необходимого оборудования и материалов, а также анестезирование пациентов, проведение биопсии сердечной ткани больных и анализ результатов.

Кроме доктора Эллиса и Рипа Джексона, в лаборатории был еще один гений по имени Гари Кампагна. Гари тоже не имел диплома доктора, но делал для кардиохирурга Джерри Голдштайна то же самое, что Рип — для доктора Эллиса. Гари был родом из Сан-Франциско. Он был стильным — настоящий итальянский джентльмен. Гари научил меня вниманию к деталям и красоте исполнения. У него я научился тому, что мало просто знать технику операции на сердце, надо еще иметь легкие и послушные руки.

Чтобы мне было проще запомнить, Гари прибегал к образным оборотам. Например, при трансплантации вен важна точность. В первую очередь надо контролировать поток крови, то есть иметь возможность отключить кровоток, как воду в шланге для полива. Потом нужно наложить шов вдоль края трансплантируемой ткани так, чтобы кровь могла перемещаться по вене свободно, без закупорки. За операционным столом я учился тому, как именно надо резать, чтобы удалить часть артерии, каким инструментом пользоваться, какими стеж-

ками сшивать ткани и как соединять имплантат с тканью в зависимости от состояния вены. Гари предостерег меня от распространенной ошибки, когда с веной обращаются небрежно, необдуманно начиная манипуляции с ней.

— Гладь ее, а не тыкай, — говорил он.

Фактически под руководством Гари, Рипа и Боба Эллиса я проходил медицинский колледж, по крайней мере в области кардиохирургии. Я представлял себе, что, если потом закончу колледж, у меня появится шанс поступить в один из лучших медицинских университетов страны. У меня аж дух захватывало от такой перспективы. Смогу ли я этого добиться? Мать говорила, что могу добиться всего, надо только захотеть этого.

Возможно, они даже не догадывались, что у меня нет медицинского образования и диплома врача и в моем багаже только средняя школа.

Меня привлекали не только высокий социальный статус хирурга и хорошая зарплата. Для меня карьерная лестница представляла собой увлекательный и сложный путь развития, давала возможность учиться, анализировать, сопоставлять и прикладывать свои силы в определенной профессиональной области. То, что мне предстояло, можно сравнить с изучением иностранного языка. Я начинал понимать, что в любой области знаний, будь то музыка, медицина или финансы, существует собственный язык, и если ты выучил один язык и понимаешь основные принципы получения знаний, то можешь ускорить процесс обучения и в других областях.

Мне нравилось изучать язык науки не только потому, что в нем присутствовали медицинские понятия и термины, но и потому, что существовал особый лексикон, точно описывающий феномены и процессы. Больше всего в медицине меня привлекала возможность достоверно понять процесс перемещения из точки А в точку Б, и эта мысль мотивировала и двигала меня вперед, помогая впитывать новые знания. Мне было легко учиться, потому что по складу характера я любознательный человек и, кроме этого, у меня была ясная мотивация.

Когда я освоил язык медицины и все необходимые понятия, доктор Эллис широко открыл для меня двери университетской больницы и больницы для ветеранов войны и познакомил со светилами медицины, которые в них работали. Я общался с этими людьми; возможно, они даже не догадывались, что у меня нет медицинского образования и диплома врача и в моем багаже только средняя школа. Бесспорно, что во время общения с докторами я сталкивался с новыми для себя вопросами, но понял: не стоит делать вид, будто все знаешь, надо просто вежливо попросить человека объяснить то, что тебе неизвестно. Тогда большинство докторов с удовольствием отзывались на мою просьбу.

Через некоторое время доктор Эллис стал настолько мне доверять, что я выступил соавтором нескольких его статей о сохранении энергонасыщенных фосфатов мышечной ткани сердца, которые были напечатаны в различных медицинских журналах. Уверен, что некоторые выпускники медицинской школы

в Гарварде не могут похвастаться наличием публикаций в серьезных профессиональных изданиях.

— А какой медицинский колледж вы закончили? — неизбежно спрашивали меня интерны, стажировавшиеся у докторов Эллиса и Голдштейна. Доктор Эллис сетовал на то, что многие из проходящих у него практику интернов и будущих хирургов не имели никакого опыта. Они не обладали необходимой сноровкой и ловкостью рук, не умели оценивать ситуацию и не знали, как пользоваться медицинским оборудованием и приборами. Некоторые из них вообще не держали в руках медицинских инструментов. Доктор Эллис перестал тратить на них свое время и отправлял таких интернов ко мне. И вот теперь вопросы задавали уже мне: «Что вы делаете?», «Как правильно это сделать?», «Почему вы это делаете?» и «Можно мне попробовать?».

Все эти интерны были умными ребятами. Они знали анатомию, психологию, биологию и химию. Однако у многих не было рук, которые необходимы настоящему хирургу. Иногда я ловил себя на том, что объясняю быстро и напористо, как доктор Эллис, Рип и Гари, вместе взятые. Интерны тренировались оперировать сердце на собаках, и иногда я поражался, как необдуманно и грубо они обходились с артериями и другими внутренними органами четвероногих. Доктор Эллис дал мне карт-бланш поправлять интернов.

— Не тяни. Не торопись. Легче, дави легче, — часто приходилось мне говорить интернам.

Если в глазах интерна я читал вопрос: «А ты кто такой, чтобы мне это говорить?» — я, не повышая голоса, настаивал на своем:

— Нет, не так. Это же не двигатель автомобиля, поаккуратнее.

Ситуация складывалась непростая. Дело в том, что все интерны были белыми и учились в лучших медицинских колледжах и университетах страны, а я был черным и без диплома.

— Гораздо важнее иметь диплом от бога, чем от какой угодно другой организации. Если у тебя есть диплом от бога, никакие другие дипломы не нужны.

— Нет, — наставлял я их, — для этого нужен другой инструмент. Дай мне ножницы.

В общем, больше всего интернов уязвляло именно то, что им приходилось подчиняться мне.

— Добро пожаловать в мир Гарднера. Он здесь главный, так что слушайтесь его указаний, — недвусмысленно представлял меня доктор Эллис интернам, когда приводил их ко мне.

Если кто-либо из интернов демонстрировал мне своим поведением, что готов учиться и пробовать, я прикладывал все силы для того, чтобы человек понял и освоил материал. Но некоторые интерны наотрез отказывались воспринимать меня — об этом красноречиво свидетельствовали их мимика и жесты. В таком случае я спокойно шел к доктору Эллису.

— Ничем не смогу помочь парню по имени Стив. Не хочу с ним больше работать, — говорил я доктору. После этого я больше не видел строп-

тивого интерна. Иногда объяснял, что конкретно меня не устраивает в поведении интерна.

— Этот Ричард не хочет слушать. Я больше не хочу тратить на него время в лаборатории, это совершенно бесполезно.

Доктор Эллис кивал. Он уважал мое мнение и знал, что я вкладываю всю душу в свою работу.

С некоторыми интернами доктора Голдштейна, специализировавшимися на сосудистой хирургии, было еще труднее. Мне приходилось постоянно призывать их быть аккуратными и напоминать слова Гари:

— Гладь ее, а не тыкай.

Раздосадованные моими замечаниями, интерны могли начать спрашивать, что я закончил и есть ли у меня основания им указывать.

— У меня нет диплома, — отвечал им я, — но я главный в этой лаборатории. Вас сюда пригласили. Вы посетители, а я здесь работник. Если хотите, чтобы я вам помог, тогда слушайте.

Иногда видел на их лицах раздражение, потому что они никогда не оказывались в ситуации, когда им указывал чернокожий. Некоторые находили в себе силы с этим смириться, а некоторые — нет. Я понял, что главное — это не воспринимать их отношение слишком близко к сердцу, как личное, равно как не стоит обольщаться по поводу того, что начальство назначило меня на позицию, дающую мне определенную власть. Я вспоминал слова матери о том, что никто не сможет отнять у тебя или дать тебе признание, если ты сам не продемонстрируешь, что это признание у тебя есть.

Перед отъездом на службу я извинился перед матерью, что не пошел учиться в колледж. Она очень хотела, чтобы я получил образование. Тогда мать удивила меня своим ответом:

— Гораздо важнее иметь диплом от бога, чем от какой угодно другой организации. Если у тебя есть диплом от бога, никакие другие дипломы не нужны.

Мать не имела в виду знание Библии или религиозность. Она имела в виду знание самого себя, а также несокрушимое понимание внутренней ценности человека. Кто угодно может оспорить диплом, квалификацию и оценки. Люди могут попытаться унизить вас и принизить вашу ценность. Однако ваш внутренний мир никто не отнимет. Это и есть собственная ценность — твой диплом, который всегда с тобой и изменить который никто не в силах. Если ты сам себя не ценишь, то тебе не помогут никакие дипломы и сертификаты. Главное — никогда не терять ощущения собственной ценности.

В то время я не раз вспоминал эти слова матери, когда мою квалификацию и компетенцию ставили под сомнение или сам начинал сомневаться в своих силах. У меня бывали случаи, когда я присутствовал на встрече более сотни докторов (некоторые из которых были светилами). Оглядывался вокруг и отмечал, что я — единственный черный в зале. Однако это нисколько не смущало ни меня, ни окружающих. Я — чернокожий, и никуда от этого не деться, и чем более опытным и профессионально подготовленным себя чувствовал, тем более уверен-

но ощущал себя в обществе белых, стоявших как выше, так и ниже меня на служебной лестнице.

Моим козырем было знание сути исследований, которые проводил доктор Эллис. Осознание собственной силы придавало мне удивительную уверенность в себе и в том, что могу преуспеть в любой области. А мне очень хотелось стать успешным, и я был готов ради этого на все. Был готов потратить еще пятнадцать лет жизни, чтобы получить необходимые для врачебной практики дипломы и сертификаты. Ради цели мог упорно учиться и бесконечное количество раз повторять один и тот же тест, как кузнец, который кует железо на наковальне.

В то время у меня было всего две проблемы — деньги и секс. Доктор Эллис несколько раз повышал мне зарплату, и к началу 1976 года я получал около тринадцати тысяч долларов в год. Но финансирование проекта доктора Эллиса было не резиновым, а жизнь в Сан-Франциско не из дешевых. Я жил поблизости от места работы в районе Тендерлойн по адресу Турк-стрит, 318, и, поверьте, моя квартира была далеко не роскошной. Даже без машины и страховки я с трудом сводил концы с концами. Я не мог позволить себе купить машину, поэтому не пошел сдавать экзамен на права, хотя умел водить и иногда даже ездил по делам на принадлежавшем больнице микроавтобусе. Я стал задумываться о поиске второй работы. Но если найду вторую работу, у меня вообще не останется свободного времени для того, чтобы наслаждаться жизнью.

Мне хронически не хватало денег, но это еще можно было пережить. Сложнее было пережить дефицит женского общества — такой проблемы раньше не было.

В больнице работала симпатичная медсестра, которую добивались многие мужчины. Она была милой, с округлыми женскими формами, у нее были волнистые волосы и кожа цвета карамели. Она согласилась пойти со мной в кино, и мы начали общаться. Мне кажется, прошло несколько веков, прежде чем она пригласила меня к себе домой. Но в тот день я сильно устал, поэтому лег в ее кровать и заснул.

— Скажи, а когда мы с тобой поженимся?

Я проснулся от того, что она трясла меня за плечо и указывала на дверь. Извиняясь, начал собираться. Вышел на улицу. Дул холодный ветер.

— Ну и холодрыга, — сказал я, надеясь, что она передумает и снова впустит меня внутрь.

— Да? — ответила она. — А у меня в доме тепло! — и закрыла дверь.

Вот поэтому в тот прекрасный весенний денек на Юнион-сквер, когда ко мне обратился мужчина средних лет, сказавший, что Сан-Франциско похож на Париж, мне было грустно и одиноко. Дело шло к вечеру, и у меня не было никаких планов.

— Послушайте, тут по соседству есть бар. Я собираюсь пойти выпить. Не составите компанию? — спросил меня мужчина.

Я согласился, хотя не был любителем выпить. Подумал, что еще не ориентируюсь в городе и было

бы неплохо найти какое-нибудь местечко, в котором можно познакомиться с женщинами. Мужчина привел меня в бар под названием Sutter's Mill, но никаких женщин в нем не оказалось. Я понял, что оказался в гей-баре.

— Послушайте, я, конечно, рад с вами познакомиться, — сказал я и посмотрел на часы, — но у меня завтра ранняя смена, поэтому мне пора.

Он не успел и слова сказать, а меня словно ветром сдуло.

От одиночества я снова начал названивать Шерри Дайсон, которую никак не мог позабыть с тех пор, как увидел ее в магазине военной одежды. В то время она закончила учебу, вернулась в Вирджинию и начала работать преподавателем математики. Шерри пару раз навещала меня в Сан-Франциско, но мы оба занимали выжидательную позицию, и ничего между нами не было.

Однажды вечером я общался по телефону с Шерри, и вдруг у меня блеснула мысль: слишком много рассуждаю и ничего не предпринимаю для того, чтобы сделать свою личную жизнь счастливой. Я осознаю, что думаю только о Шерри и знаю ее уже давно. И резко меняю тему нашего разговора.

— Скажи, а когда мы с тобой поженимся? — спрашиваю я.

— Как тебе 18 июня? Подходит? — совершенно спокойно интересуется она.

Я до конца не отдавал себе отчета в том, что только что сделал предложение, но начал готовиться к семейной жизни.

Следующие три года жизни я провел как образцовый семьянин. Мы поженились, как и договорились, 18 июня 1977 года, и наша свадьба была потрясающей. Все прошло идеально. Свадьбу сыграли в парке рядом с домом родителей Шерри, который стал для меня символом стабильности и достатка.

На свадьбе присутствовала моя мать, которая от души радовалась за меня. Они с Шерри сразу нашли общий язык. Шафером на свадьбе был мой приятель по ВМФ Леон Вебб, который и сам позже переехал в Сан-Франциско. Всем гостям понравился дом родителей Шерри, который не был слишком экстравагантным и шикарным, но в его обстановке чувствовался вкус. В этом двухэтажном доме висели старинные картины и люстры. Столы ломились от еды, а в баре имелся большой выбор вина и крепкого алкоголя со всего мира.

Дом Дайсонов казался мне идеальным. В детстве я прочитал книгу «Волшебник Изумрудного города» и какое-то время даже мечтал о том, что, когда вырасту, перееду в Канзас. В моем воображении Канзас — это место, где спокойно и безопасно. В книге, кроме всего прочего, рассказывалось об обезьянах и ведьмах. И это тоже напоминало сумасшедшую атмосферу, царившую в нашем доме. А в Канзасе жили здравые и адекватные люди, жизнь которых была простой и предсказуемой. Здесь никто не боялся того, что неожиданно может случиться беда и, пока тебя нет дома, могут убить твою мать и сестер.

Дом родителей Шерри нравился мне еще и потому, что мне хотелось бы жить в семье, похожей на Дайсонов. Шерри — единственный ребенок, у нее были отец и мать, которые жили вместе и горячо ее любили. У семьи был дом, и они не жили, как перекати-поле, в атмосфере насилия и полного хаоса. Мне казалось, ее родителей не смущало, что я принадлежал к другому социальному слою, и они отнеслись ко мне очень хорошо. Как и Шерри, они видели, что у меня есть потенциал и со временем я смогу стать врачом и прилично зарабатывать.

Это кольцо было самым красивым и дорогим подарком, который я купил за свою жизнь, и я был уверен, что Шерри оно понравится.

У меня оставались некоторые сомнения по поводу изменения моей жизни, но я счел их обычным волнением накануне свадьбы. Первым человеком в Сан-Франциско, которому я рассказал о предстоящей свадьбе, был мой начальник доктор Эллис. Он не стал меня отговаривать, а, напротив, одолжил мне сто долларов, чтобы я мог купить себе красивый костюм для торжества. Потом он сильно удивил меня тем, что разрешил взять выходной после свадьбы. Для человека, который жил работой, это было неслыханным жестом.

Я пошел на Маркет-стрит и за девятьсот долларов купил в кредит кольцо с бриллиантами. Это было старомодное кольцо из белого золота с мелкими бриллиантами, выложенными в форме цветка.

Сидя в самолете по пути в Вирджинию, я волновался и постоянно хватался за карман, чтобы удостовериться, что кольцо на месте. Это кольцо было самым красивым и дорогим подарком, который я купил за свою жизнь, и я был уверен, что Шерри оно понравится.

Все мои сомнения рассеялись после того, как мы обнялись в аэропорту. Мы давно были знакомы, с нежностью относились друг к другу, и я сразу успокоился. Я наблюдал, как Шерри взяла на себя подготовку свадьбы, и восхищался ею. Она все спланировала, ее папа дал денег, и нам оставалось только прийти вовремя. На церемонии она держалась уверенно. Она была умной, с чувством юмора и располагающим к себе характером. Люди к ней тянулись. Она была красива, с безупречной формой ног. Меня привлекал ее характер и то, что у нее всегда есть четкая и аргументированная позиция. Ей не очень понравилось купленное мной кольцо, но меня это сильно не задело.

— Очень красивое кольцо, — сказала она, — но не совсем той огранки, которую мне хотелось бы.

Я не понял, что она имела в виду, но мне было бы приятно, если бы кольцо ей понравилось, поэтому мы решили поменять его после приезда в Сан-Франциско. Я не разбирался в бриллиантах, и мне вообще могли продать фианит. Надеялся, что Шерри научит меня понимать и ценить красивые вещи, которых у меня раньше не было. Мы гуляли и веселились всю ночь и только на следующее утро после бранча остались наконец вдвоем. Во время нашего

первого секса мы не произнесли ни слова. Возможно, мы оба думали о том, не поторопились ли и не совершили ли мы опрометчивого шага со свадьбой.

Потом мы упаковали вещи Шерри в ее синий Datsun B210 и направились в Сан-Франциско. Моя мать считала, что мне стоило получить права, пока был в Ричмонде, но я этого не сделал, и практически всю дорогу вести машину пришлось жене. Дорога по автостраде 80 была длинной. Лето выдалось жаркое, кондиционера в машине не было, но мы в пути строили планы на будущее, и дорога не показалась долгой.

Шерри уже навещала меня в моей квартирке на Турк-стрит, 381, и была готова к спартанскому образу жизни, однако говорила, что надо как можно скорее из нее переехать. Она быстро нашла работу в страховой компании и вскоре после этого сообщила мне новость:

— Я нашла квартиру на Хейз. Мне она очень понравилась. Она расположена на третьем этаже в доме без лифта, в ней паркетный пол, вид на залив и застекленные створчатые двери!

Все эти тонкости для меня были пустым звуком, но я был рад тому, что мы будем жить в квартире, которая ей нравится. Я знал, что в этом районе под названием Хейз-Вэлли живет много черных братьев, но при этом мы уезжали из ненавистного района Тендерлойн. Мы начали обживать свой новый дом. Заботами Шерри наша квартира преобразилась и стала уютной и гостеприимной. При ограниченных средствах она сумела обставить квартиру со вкусом. Появились фикусы и вьющиеся растения

на полках, добротная железная кровать, кресло-качалка из ротанга, красивый диван и новая кухонная утварь. Квартира стала домом.

На кухне Шерри была волшебницей. Она готовила великолепно: жареная курица, паста самых разных видов и форм и потрясающие блюда, которые могли соперничать с творениями лучших шеф-поваров Сан-Франциско. Она постоянно придумывала и экспериментировала.

— Помнишь, какое блюдо мы ели во вьетнамском ресторане? — спрашивала она. — Попробую сделать что-нибудь похожее.

И получалось у нее даже лучше, чем в ресторане.

Потом она нашла еще одну квартиру, на Бейкер-стрит.

— Это старое здание в викторианском стиле. Там пять комнат, огромные окна, светло и потрясающий вид, — говорила она.

Я смеялся и соглашался не глядя. Я понимал, что ей нравится заниматься нашим бытом, и радовался тому, что вместе с ней развиваю собственное чувство прекрасного. Я и понятия не имел, что такое викторианская архитектура, а сейчас узнал не только это, но и начал ходить в театр, комеди-клабы и разные сборища интеллектуалов.

В комеди-клабах мы слушали выступления Ричарда Прайора[1] и ходили на обеды к его родственнику — писателю Роберту Александеру. В доме по-

[1] Ричард Прайор (1940–2005) — афроамериканский комедийный актер и писатель.

следнего я подружился с тремя умными ребятами: Бэрри Шебака Хенли, Дэнни Гловером и Сэмюэлом Джексоном. Тогда я еще не знал, что все они в будущем станут известными актерами.

Мы жили счастливо и ни в чем не нуждались. Однако спустя несколько лет я ощутил внутреннюю неудовлетворенность. Мне следовало обсудить это с Шерри, но я просто закрыл глаза на проблему.

В баптистской церкви все по-другому: там можно дать волю чувствам и кричать, сколько хочешь.

Часть наших разногласий с Шерри объяснялась тем, что мы вышли из разных культурных слоев и наши вкусы далеко не во всем совпадали. Шерри нравились дорогие рестораны в районе рыбацкой пристани, а мне по душе хипповская атмосфера квартала Хайт. Я считал, что дорогие рестораны слишком банальны, а она находила атмосферу в квартале Хайт слишком «отвязанной».

Шерри выросла в консервативной семье и ходила в епископальную церковь. Я не понимал епископальную церковь, потому что в детстве привык ходить к баптистам. Мне казалось, что епископальная церковь мало чем отличается от католической, в которой все делают, как по команде в армии, — встали, прочитали хором молитву, сели. Все чинно, спокойно и достойно. Никакого пафоса и проявления индивидуальности. Слезы или платочком утирают, или сдерживают. В баптистской церкви все по-другому: там можно дать волю чувствам и кричать, сколько хочешь.

Когда я был ребенком, нас со старшей сестрой водили к баптистам, которые пели, танцевали, плакали, разговаривали одновременно с Господом и священником, впадали в транс, начинали нести околесицу и вообще общались с богом, как им заблагорассудится. Женщины размахивали руками, визжали и теряли сознание. Мужчины орали и прыгали чуть ли не выше головы. Во время воскресных служб из церкви обязательно кого-нибудь выносили без сознания. Я был маленьким и не понимал происходящего, но атмосфера казалась мне веселой и динамичной. В баптистской церкви было жарко. А в эпископальной церкви царила прохлада. А мне по душе, когда в баптистской церкви бывает так жарко, что вентиляторы на потолке становятся совершенно бесполезными.

Бесспорно, мне нравилось посещать службы в церкви вместе с Шерри, там я узнавал много нового. Но мне не хватало людского гама и пульса жизни. И начал осознавать, что размеренная и предсказуемая жизнь не по мне. Я стремился стать врачом, но в действительности эта перспектива не слишком меня радовала. Наш брак стал давать трещины. Шерри, видимо, тоже не все устраивало, особенно тогда, когда у нас в квартире стали останавливаться мои приятели.

Сначала приехал мой лучший друг по флоту Леон Вебб, который решил продолжить начатую в ВМФ карьеру в области рентгенологии. Шерри не возражала, хотя Леон прожил у нас три или четыре месяца. Они нашли общий язык. Потом у нас оста-

новился мой приятель Гарвин, и Шерри начала жаловаться. Я прекрасно ее понимал и знал, что она не хочет, чтобы в ее квартире жили посторонние люди. Мне пришлось торопить Гарвина с отъездом. Он обиделся, и, к сожалению, наши отношения были испорчены. Но если бы у нас с Шерри все было идеально, она вряд ли стала бы демонстрировать свое недовольство Гарвином.

Разногласия возникали и в спальне. Думаю, в этом корень проблем. Мне потребовалось немало времени, чтобы понять это. Мы любили друг друга, и каждый из нас всеми силами поддерживал партнера. Но все, что происходило в постели, было скучным и предсказуемым.

Четко усвоил, что быстрых и легких денег не бывает. Деньги надо зарабатывать тяжелым трудом.

Я оказался на жизненном перепутье. Как жить дальше? Вскоре Шерри забеременела, и я выбросил из головы свои переживания. В то время я получал уже шестнадцать тысяч долларов в год, но этих денег было явно недостаточно, чтобы содержать семью и накопить на обучение в колледже, а потом в университете. И я нашел вторую работу.

На третьем месяце беременности у Шерри случился выкидыш. Я понимал, что она вскоре снова забеременеет, деньги все равно понадобятся, и вечерами и по выходным подрабатывал охранником. Все шло хорошо до тех пор, пока однажды ночью меня не послали сторожить скрипучий старый корабль. У меня был только фонарик, и я уселся

в кресло. Я пребывал в полудреме, когда почувствовал, как кто-то трется о мою ногу. Я подумал, что мне снится кошмар, наподобие тех, что бывали у меня в Милуоки, когда во сне являлась белая ведьма. Но о ногу кто-то упорно продолжал тереться, я открыл глаза и увидел огромную крысу. Формально я служил в ВМФ, но никогда не плавал на кораблях и не подозревал, что на них могут жить крысы гигантских размеров. Я завизжал, как девчонка, и подскочил в воздух, чем испугал крысу, которая бросилась прочь. Так мы и разбежались: крыса — в одну сторону, я — в другую. После этого случая бросил работу охранника.

Я начал подрабатывать по-другому: красил дома и стены в квартирах, а в выходные подвизался грузчиком.

Шерри наверняка заметила, что большую часть свободного времени я стал проводить вне дома, но ничего об этом не говорила. Когда не был занят на работе, все равно стремился куда-нибудь уйти. Я ходил на Хайт-стрит и слушал концерты в барах, познакомился с несколькими посетителями, с которыми курил травку и смотрел футбол. Шерри мои новые друзья не очень-то нравились, они явно занимались темными делишками. Мне предложили продавать травку, и я согласился. Впрочем, дилера из меня не получилось. В один прекрасный день вооруженные ребята пришли за своими деньгами, и мне пришлось быстро найти и отдать им несколько сотен долларов. В общем, несмотря на то что я вырос в гетто, дилер из меня получился еще

тот. После этого мне предложили участвовать в разводке страховых компаний, но я отказался.

Из опыта общения с криминалом я сделал вывод: мне повезло, что у меня есть работа и дом. И еще четко усвоил, что быстрых и легких денег не бывает. Деньги надо зарабатывать тяжелым трудом. Я жил в Сан-Франциско уже пять лет, но так и не смог накопить на машину. У Шерри был ее старый Datsun. Помимо машины мы перемещались на общественном транспорте, который в Сан-Франциско был очень удобным. По утрам на работу меня подвозила коллега по имени Латрелл Хаммонд.

У нее был побитый Ford Falcon 1961 года выпуска. Латрелл была напористой женщиной; она много говорила, постоянно учила жизни и вообще могла продать кому угодно что угодно, включая собственную рубашку на теле.

Мы с ней были исключительно друзьями. Она была знакома с Шерри, и их связывали дружеские отношения. Латрелл искренне желала нам с Шерри счастья. У нее был отлично подвешен язык, и она болтала без остановки. Мы постоянно опаздывали на работу, но она всегда находила оправдание и поворачивала дело так, что нас никто не винил. Я запрыгивал в ее автомобиль, в котором не было ремней безопасности, а она, не закрывая рта, красилась, курила, пила кофе и вела машину одновременно.

Она часто создавала опасные ситуации на дороге, и я, сидя в ее автомобиле, молился вслух:

— Господи, не дай мне кончить жизнь в этой машине!

Если мы попадали в «зеленую волну», то приезжали на работу вовремя, но если торчали перед красными светофорами, то опаздывали. Я даже не объяснял ждущим меня интернам причину своего опоздания, а она каждый раз придумывала новую, и все это ей сходило с рук.

Шерри была совершенно другой. Насколько я знаю, она всего лишь раз вышла из дома несобранной. Когда она вечером вернулась домой, призналась, что у нее с ногами что-то не так.

— А в чем проблема? — спросил я.

— Что-то с лодыжками, — объяснила она.

— С лодыжками? — удивился я.

— Да, весь день лодыжки подворачиваются. Не понимаю, в чем дело.

Я все-таки занимался медициной, и мне стало интересно.

— Дай посмотрю, — предложил я.

Я осмотрел ее лодыжки и не заметил ничего необычного. Но потом понял причину. У Шерри было много пар обуви, которую она хранила в корзинах в спальне. Видимо, утром второпях она не обратила внимания, что взяла по туфле из разных пар. Мы потом долго смеялись, потому что ей не были свойственны такие оплошности. Я это рассказываю к тому, что она всегда была очень собранной.

Накануне моего дня рождения у нас с Шерри произошел серьезный разговор. Тогда мне должно было исполниться двадцать шесть лет. Разговор этот касался моих планов: я передумал учиться на врача.

— Но почему? — удивлялась она. — Ты же столько сил положил на это...

Я объяснил ей, что потерял интерес, потому что и так стал профессионалом. Чтобы заниматься тем же самым, но с дипломом, мне потребуется еще десять лет. Кроме этого, возникли и другие сложности, о которых я рассказал Шерри. Дело в том, что незадолго до этого со мной переговорил доктор Эллис и рассказал мне об изменениях, которые грядут в платной медицине.

«Чего же ты так долго меня искал?»

— Крис, — сказал доктор Эллис, — тебе еще раз стоит обдумать, хочешь ли ты быть врачом, потому что сейчас ситуация изменилась.

В то время начали разрабатывать различные виды страхования здоровья, предоставляющие неограниченный доступ к медицинским услугам, которые позже получили широкое распространение. Как показало время, доктор Эллис справедливо считал, что в ближайшие десятилетия хирург будет получать за операцию не тысячи, а несколько сотен долларов. Новые медицинские страховки не только снизят стоимость операции, но и будут продвигать нехирургические методы лечения, а также установят фиксированные тарифы и предельные цены на хирургические вмешательства. Боб Эллис сказал, что верит в меня, потому что у меня есть талант и масса энергии, а самое главное, у меня есть желание помогать людям.

В моей жизни мать однажды помогла мне сделать выбор, сказав, что Майлса Дэвиса из меня не

получится. Я объяснил Шерри, что могу сделать карьеру в других отраслях медицины, например, в администрации, продажах, производстве медикаментов или страховом бизнесе. Я заверил ее, что начну рассматривать разные варианты.

После нашего с Шерри разговора я вздохнул с облегчением. Больше мне уже не надо было делать вид, что хочу стать врачом. Однако новость не обрадовала Шерри. Она выходила замуж за будущего студента и врача. Хотя она меня всегда поддерживала, у нее были все основания быть недовольной.

Я уже один раз изменил жене и решил, что больше этого не повторится. Вопреки разуму, все сильнее чувствовал, что наши жизненные пути расходятся.

Я всегда буду любить Шерри Дайсон. Она непросто была моей женой и открыла мне новые горизонты. Шерри оказала на меня не меньшее влияние, чем моя мать: укрепляла мою веру в себя и свои силы, заставляла меня постоянно поднимать планку и не останавливаться на достигнутом. Она никогда не делилась своими сомнениями относительно нашей семейной жизни и меня любила. В будущем Шерри суждено стать моим лучшим другом, но сейчас я причинил ей боль и заставил страдать.

Вскоре мы с Шерри пошли на вечеринку, на которой я встретил девушку, сыгравшую впоследствии важную роль в моей жизни. Этой девушкой была красавица Джеки. Она заметила мой оценивающий взгляд и не отвела глаз. Она была ростом сто пятьдесят пять сантиметров, ее тело облегало платье с блестками. В Джеки ощущалась неукротимая

сексуальная энергия. Я, не колеблясь ни секунды, протянул к ней руку и ухмыльнулся. Ее зад напоминал баскетбольный мяч, обожаю такие формы. Она не ударила меня, не нахмурилась и даже не повела бровью. Просто вопросительно улыбнулась, словно говоря: «Чего же ты так долго меня искал?»

Глава восьмая
Вывернутый наизнанку
(предыстория)

Уже второй раз жизнь преподносит мне один и тот же урок: надо быть осторожнее со своими желаниями, потому что все, что ты пожелаешь, может сбыться. Я совершенно потерял голову. С трудом вспоминаю, как меня зовут. Двадцать шесть лет стремился все держать под контролем, но сейчас нырнул в неизведанную бездну. В детстве любил книги по мифологии, поэтому в глубине подсознания мелькнула история Одиссея из «Илиады». Одиссей сумел перехитрить сирен, своими песнями завлекавших моряков на верную гибель. Меня эта история, похоже, ничему не научила. Я был глух и слеп.

Оказалось, Джеки живет в пяти улицах от нашего дома. Прошло всего несколько дней с момента нашего знакомства, а я уже был на борту корабля, который отправился в неизвестном направлении без руля и ветрил. Это было концом одной жизни и началом другой.

Приближался финал моей семейной жизни. Жизнь — это не вечный праздник, и нельзя питаться одними пирожными. Весной 1980 года мне пришлось сказать Шерри, что ухожу от нее. Мое решение принесло ей так много боли, что едва не убило ее. Знаю, что нанес ей рану, и до конца жизни не забуду об этом. Мои отношения с ней до сих пор важны для меня. Вскоре после этого Шерри уехала в Окленд. Формально мы развелись с ней только через девять лет. Все так затянулось, потому что и мне, и ей было очень больно; да и в моей жизни началась череда драматических событий, помешавших завершить бракоразводный процесс.

«Учимся в танце», или «Глаза боятся, а руки делают» — так, пожалуй, можно было бы кратко описать то, что происходило со мной после рождения сына Кристофера Джарретта Медина Гарднера-младшего 28 января 1981 года. Мой сын появился на свет в роддоме в Сан-Франциско и сразу стал центром Вселенной и смыслом моей жизни. Это был самый умный, самый подвижный, сообразительный и сильный малыш во всем роддоме. Не сомневаюсь, что с момента его появления на свет в нем уже были заложены великодушие и мудрость. Когда в первый раз взял его на руки, у меня возникло странное ощущение, будто мы уже знакомы и встречались в прежних жизнях. Я поклялся всю свою жизнь помогать ему и никогда не исчезать из его жизни.

Крис-младший смотрел на меня ясными глазенками, словно хотел сказать: «Хорошо, папа, значит,

я могу быть спокоен и рассчитываю на тебя». Потом он пристально рассматривал меня осознанным взглядом, которого я совершенно не ожидал от новорожденного, как если бы увидел во мне маленького мальчика, лишенного родителей. Наверняка это игра моего воображения, но тогда мне показалось, что он хотел сказать: «Ты тоже можешь на меня рассчитывать». Мой сын помог мне стать лучше и открыть новые грани жизни, о которых раньше даже не подозревал и которые оценил значительно позже.

За несколько месяцев до рождения Криса-младшего проявились новые черты характера Джеки. Когда мы с ней познакомились, она заканчивала школу стоматологов при Калифорнийском университете. После окончания она планировала немного отдохнуть, расслабиться, после чего заняться подготовкой к экзамену в Американскую стоматологическую академию. Пелена, накрывшая нас, спала, и я понял, что столкнулся с амбициозной и расчетливой особой, стремящейся любыми средствами преуспеть в этой жизни. В начале нашего общения она не давила на меня и не уговаривала бросить работу у доктора Эллиса, о чем я начал подумывать, но, захваченный стремительным вихрем бурной личной жизни, оттягивал окончательное решение. В то время мы с ней общались с чернокожими, которые в этой жизни кое-чего достигли, став докторами, адвокатами и известными шеф-поварами. Поначалу Джеки вполне устраивало, что

Жизнь — это не вечный праздник, и нельзя питаться одними пирожными.

я работаю в области медицины и провожу важные исследования для доктора Эллиса. Хотя уже тогда она намекала, что по сравнению со многими общими приятелями и их женами или девушками зарплата у меня была слишком маленькая.

Тогда ее комментарии особо меня не задевали, потому что и сам понимал, что зарабатываю недостаточно для того, чтобы содержать семью. Было приятно сознавать, что у меня есть нескольких публикаций в серьезных медицинских журналах, но, по выражению моего кумира, одного из первых успешных чернокожих предпринимателей Берри Горди, «славу на хлеб не намажешь» и «деньги — вот что мне нужно». Меня не напрягали ее разговоры о деньгах — она регулярно заводила их во время беременности, но сильно задел вопрос, который она однажды задала мне во время обеда.

— Как ты собираешься быть отцом, если у тебя самого никогда не было отца?

— Послушай, Крис, — сказала она тоном, не предвещавшим ничего хорошего. — Хочу тебя вот о чем спросить: как ты собираешься быть отцом, если у тебя никогда не было отца? Откуда тебе знать, каким надо быть отцу?

Я молчал и слушал свое учащенное сердцебиение. Да как у нее вообще повернулся язык задать мне такой неделикатный вопрос? Она же прекрасно знала, что я рос без отца и очень страдал из-за этого. Ведь знала, что костьми лягу, но буду хорошим отцом для своего ребенка. В общем, этим вопросом она сразила меня наповал.

— Ну, что скажешь? — спросила меня Джеки через некоторое время. Я знал, что она пытается мной манипулировать и давит на больную мозоль, но совершенно не мог взять в толк, зачем ей это нужно. Она хочет удостовериться, что я ее не брошу? Если она хотела выяснить именно это, то это подло с ее стороны, потому что она и так знала: я ни за что не брошу своего ребенка. Ни-ког-да!

Мы сменили тему разговора — и напряжение спало. Через некоторое время она снова задала тот же вопрос. Слово в слово.

— Как ты собираешься быть отцом, если у тебя самого никогда не было отца? Откуда тебе знать, каким надо быть отцу?

Я решил, что Джеки нашла для меня новый вид наказания. Эти вопросы причиняли боль и действовали на нервы. Единственное оправдание, которое приходит на ум, — это ее тревога по поводу нашей дальнейшей совместной жизни.

Когда в третий или в четвертый раз она задала мне все тот же вопрос, я не сдержался:

— Тебе не кажется, что сейчас не время выяснять, каким отцом я буду?

— Что ты имеешь в виду?

— Может быть, тебе стоило поинтересоваться до того, как ты забеременела? Ты прекрасно знала, что я вырос без отца!

Джеки моментально умолкла.

Неприятные вопросы Джеки заставили меня задуматься о том, что такое быть отцом. До появления Криса-младшего я размышлял на эту тему чи-

сто теоретически. Но после его рождения мы стали полноценной семьей, и мне нужно было понять на практике, что значит быть хорошим отцом. Я должен был решить этот вопрос — и точка. Если я не в состоянии обеспечить своего ребенка, значит, предаю его и изменяю обещанию, которое дал самому себе много лет назад.

Мы жили в однокомнатной квартире. Большую часть площади занимали пеленальный столик, детская ванночка и множество предметов, необходимых для ухода за младенцем. Нам предстояло решить, где оставлять ребенка днем, когда я работал, а Джеки училась. Я собрал нужную информацию: различные варианты и цены на услуги, начиная от расходов на няню, которая сидела бы с ребенком весь день, пока мы отсутствуем; затрат на семью, где можно оставить ребенка на день, а также прейскурант почасовой оплаты нянь разной квалификации. Узнал о детских садиках (попасть в них можно было, только отстояв длинную очередь) и о женщинах, которые за определенную плату готовы взять на день твоего ребенка. В итоге мы нашли для маленького Кристофера не самый худший вариант, записав его в находившийся недалеко от нашего дома детский садик под названием «Районный детский центр».

В этом садике о детях заботились, хотя мне, конечно, хотелось бы, чтобы наш сын ходил в более приличный и дорогой садик.

— Знаешь ли, Крис... — начала Джеки. По ее тону я уже понял, что сейчас она заведет старую песню

о том, что мне необходимо поменять работу. До рождения ребенка она не так часто поднимала этот вопрос, но после появления малыша ее словно прорвало.

— Что ты держишься за это место? Ты же знаешь: там тебе зарплату больше не поднимут. Эллис четко сказал, что не сможет выбить для тебя прибавку.

Она была права. Национальный институт здоровья, который финансировал исследовательскую программу доктора Эллиса, уже дважды возвращал его прошения о повышении мне зарплаты.

— Знаю, — ответил я.

— Перестань, наконец, говорить, что знаешь, и сделай что-нибудь! Ты уже принял решение поставить крест на карьере в медицине. Ты ведь сам решил, что это не твой путь, верно? У тебя есть ребенок, которого ты должен содержать, и нам нужны деньги. Уйди с этой работы и найди другую, где больше платят!

Конечно, она была абсолютно права. Впрочем, это нисколько не помогало мне в поисках новой работы. Мне было сложно уйти с работы, где чувствовал себя королем всех интернов, бросить все и начать с нуля карабкаться по служебной лестнице в другом месте. Однако дальше тянуть нельзя, нужно что-то предпринять. У Джеки были все основания быть недовольной. Она готовилась к экзамену в Американскую стоматологическую академию, чтобы получить возможность заниматься частной практикой, так что у нее, кроме ребенка, было чем заняться. Все ее подружки из стоматологической школы уже открыли собственные кабинеты или

вышли замуж за дантистов. У меня был потенциал, но пока я мало чего добился. Мне необходимо учитывать и ее чувства, но при этом не терять веры в себя: рано или поздно пробьет мой звездный час.

В моей голове звучали два противоположных барабанных ритма. Один — сильный, призывавший обеспечивать семью, искать новые средства заработка и двигаться вперед. Второй ритм был другим. Он иногда затихал, а порой слышался громче и звучал как большой барабан с нотками цимбал. Это были звуки стресса от безденежья. Иногда расстраивался я, иногда — она. Джеки могла ругаться или дуться. Я начинал с ней спорить, в ответ она замыкалась или начинала оправдываться. После занятий любовью разногласия затихали и снова воцарялся мир.

До этого наша семейная жизнь напоминала комедию с элементами драмы, но сейчас она превращается в настоящий фильм ужасов.

Однажды я вернулся домой, и Джеки сообщила мне следующее:

— Крис, у нас ничего не выходит и вряд ли вообще получится. Может, тебе лучше уйти от нас и жить отдельно?

Что за ерунда? Даже не знал, что и сказать.

— Тебе лучше съехать и не жить с нами.

Я сказал ей, что этого не произойдет. Я должен быть вместе со своим сыном. Она сама это прекрасно знает. Оглянулся и не увидел Криса.

— Где ребенок? — спросил я.

— Тебе сейчас нельзя его видеть.

Мне нельзя видеть собственного ребенка?! До этого наша семейная жизнь напоминала комедию с элементами драмы, но сейчас она превращается в настоящий фильм ужасов. Почувствовал, что меня охватывает мрачный и холодный страх. Не знал, что предпринять, даже не в состоянии выразить свою злость. Джеки и не пыталась объяснить свое поведение или извиниться. Она как будто проверяла меня на «вшивость».

Вскоре грозовые тучи рассеялись и все вернулось на круги своя. Но тревога осталась. Не знал, когда и что она выкинет в следующий раз. Ко мне вернулись мои детские страхи. Фредди жил далеко, на другом побережье. Он постарел и уже не бил мать, но я снова оказался в ситуации, когда с замиранием сердца ждал выстрела или удара топором. Однажды мы спорили, пойти ли в гости к приятелям. Я стоял на тротуаре и ждал, когда появится Джеки с коляской. Вдруг мне показалось, что она не придет. О нет, только не это! Я начал кричать и звать ее.

Через несколько минут она вышла из дома. Я подбежал к ней и схватил коляску, в которой сидел шестимесячный Кристофер.

— Ты не можешь отнять у меня моего ребенка! — кричал я.

Может быть, это самый некрасивый поступок, который совершил в своей жизни. Никогда не прощу себя за то, что тогда сделал. Даже не смогу объяснить ей, сыну и себе самому, как мне стыдно за свое поведение. Но все это инстинкт, который я не в силах побороть. Я услышал звуки большого бара-

бана раздора и стал отнимать у нее коляску. Пошел к церкви и сел на ступеньках у входа.

— Вот дерьмо, — пожаловался я своему шестимесячному сыну. — Сколько еще это терпеть?

Кристофер нахмурил лоб, пытаясь понять происходящее, и что-то нечленораздельно пробормотал.

— Я не допущу, чтобы нас разлучили, — объяснил я ему.

Сын зажмурил глаза, и мне показалось, что он меня понимает. А может, ребенок просто устал и захотел спать.

В любом случае это мой сын, и я его никогда не брошу.

Через некоторое время я вернулся к дому. Не знал, что меня ждет; мне было противно и тяжело. Точно так же, как в детстве, во время испытаний жизнь заставляла меня действовать. Я понимал, что деньги (точнее, их количество) — это выход из сложившейся ситуации.

В последующие месяцы я продолжал работать в лаборатории и соглашался на любую халтуру. Чтобы меньше платить за квартиру и одновременно увеличить ее площадь, мы переехали в небольшой дом в Беркли. На лужайке перед домом даже была клумба с розами. Мы купили небольшой седан, чтобы ездить на работу и отвозить Криса в детский сад в Сан-Франциско.

Я искал работу на медицинском поприще. Подбадривал себя тем, что если повезет с работой, то смогу больше зарабатывать и наконец успокоюсь. В то время Джеки не работала, поэтому я был единственным

кормильцем и нес ответственность за двух людей — Джеки и сына. Раньше все было по-другому. Шерри работала, поэтому мы делили с ней расходы. Мне надо было что-нибудь придумать, что помогло бы нам жить нормально, а не сводить концы с концами.

Я был полон решимости, но чувствовал, будто меня что-то сдерживало, словно на ногах у меня тяжелые кандалы. Джеки вправе сомневаться: ну что я за отец, если у меня самого отца не было. Однажды мы с Кристофером сидели около дома и я читал ему книжку. Ему исполнился один год. Если бы не случай, о котором сейчас расскажу, вряд ли бы понял, в чем именно заключается моя проблема. Я вряд ли бы понял, что сам до сих пор страдаю от того, что не знаю своего отца.

Немой вопрос Кристофера подсказал мне: пришло время найти своего отца.

Был прекрасный день, и нас обдувал прохладный ветерок. Я наслаждался общением с сыном. Мы еще ни разу его не подстригали, и ветер играл его длинными волосами, словно флагом на флагштоке.

«Боже, — подумал я тогда, глядя на сына, — я, наверное, в раю».

И забыл про все свои заботы. Я был с сыном, с этим маленьким человечком, и чувствовал себя совершенно счастливым. Думаю, именно так отцы должны передавать свои знания детям: играть с ними в мяч и читать им книжки. Раньше у меня не было сына, и мне было некому читать книжки. Теперь у меня сын есть, и мы можем вместе почитать книжку и посмотреть картинки.

— Кто это, пап? — спросил Кристофер, показывая на картинку, на которой было изображено несколько лошадей с маленьким жеребенком.

Я объяснил ему, что это семья лошадей, и показал ему на картинке жеребца и кобылу:

— Вот это мама жеребенка, а вот это его папа.

Кристофер кивнул.

— Кристофер, у тебя есть мама и папа. У маленького жеребенка тоже есть мама и папа. Все, как у тебя и у других людей.

— Мама, — сказал Кристофер, показывая пальцем на кобылу. — Папа, — продолжил он, показав на изображение жеребца.

Я сказал, что у всего живого на Земле есть мама и папа.

— Вот у мамы-лошади тоже есть мама и папа, — сказал я и замолчал, не зная, как лучше объяснить понятия «дедушка» и «бабушка».

Кристофер показал на меня пальцем. В его глазах я прочитал вопрос. Он хотел спросить о моих матери и отце.

Взгляд сына поразил меня до глубины души. Всю жизнь представлял себе встречу со своим отцом. Мне хотелось спросить, почему он не принимал никакого участия в моем воспитании? Я не знал, как выглядел мой отец, да и жив ли он. Немой вопрос Кристофера подсказал мне: пришло время найти своего отца.

На следующее утро с работы я позвонил в службу информации Луизианы и попросил телефон Томаса Тернера. В свое время от матери я узнал его имя и штат, в котором он жил.

Оператор дала мне пять телефонных номеров.

Я позвонил по первому номеру, и мне ответил старческий голос.

— Могу поговорить с Томасом Тернером? — спросил я.

— Он умер, — ответили мне, и я извинился за беспокойство.

Надеясь, что еще не поздно и мой отец жив, набрал следующий номер. Ответила женщина. Я объяснил ей, что ищу Томаса Тернера, который был знаком с Бетти Гарднер.

— Я знаю двух Томасов Тернеров, — ответила женщина. — Один из них пьет, а второй пил, но бросил.

Я попросил ее помочь мне связаться с тем Тернером, который бросил пить. Женщина сообщила мне адрес, я перезвонил в справочную и по адресу узнал телефонный номер.

Глядя на телефонный номер, я сделал глубокий вдох и набрал номер. Услышал, что на другом конце линии сняли трубку и мужской голос произнес:

— Да?

— Вы были знакомы с Бетти Гарднер? — спросил я. — Я ее сын Крис и ищу своего отца...

Я не успел договорить.

— Да, знал, — ответил мой отец. — Уже много лет жду твоего звонка.

Я наконец решил загадку. Двадцать восемь лет она не давала мне покоя, и сейчас я почувствовал прилив колоссальной энергии. Я еще не видел отца,

но поговорил с ним по телефону, и он пригласил меня к себе в Луизиану, чтобы встретиться и познакомиться с моими родственниками, которых я никогда не видел.

Я пообещал ему, что обязательно приеду, как только смогу найти «окно» в своем графике. Но поездку пришлось отложить, потому что в то время у меня происходили большие изменения на работе. Мне предложили работу в компании CMS, производящей медицинское оборудование. Я начал работать в отделе продаж. Компания CMS находилась в Силиконовой долине, и ее клиентами были лаборатории и больницы. В год я должен был зарабатывать чуть меньше тридцати тысяч долларов, то есть почти в два раза больше, чем получал у доктора Эллиса. Кроме того, успешным продавцам выплачивали комиссию, которая вдвое увеличивала их годовой доход.

Я был готов к жесткой конкуренции, потому что в этой борьбе выживают сильнейшие.

Я понимал, что успешные продавцы работают в этом бизнесе уже лет по двадцать. Они знали клиентов, их потребности и запросы. Я никогда не считал себя прирожденным продавцом. У меня не было таланта других людей, которые умели продавать клиенту даже капли дождя, падавшие им на головы. Но мог научиться продажам в процессе работы. Я не освоил профессиональный жаргон продавцов, но владел медицинской терминологией, а также знал психологию врачей, которые стали моими клиентами.

Я сказал последнее «прощай» планам стать врачом и ходить в белом халате и окинул себя в зеркале критическим взглядом. На мне был деловой костюм и не самый плохой галстук. Начинался новый этап моей жизни, и я был рад изменениям. Меня всегда мотивировали сложные задачи, а работа продавца была для меня новой и непростой.

Мне как новичку выделили совершенно неохваченную территорию, на которой я должен выполнять функции представителя компании, знакомиться с потенциальными клиентами и налаживать с ними связи. Я оказался единственным чернокожим сотрудником компании. Впрочем, я уже привык к тому, что работаю среди белых. Я начинал с нуля и пришел к следующим выводам: 1) клиенты покупают у тех, кого они знают; 2) клиенты покупают известные бренды, давно существующие на рынке.

Однако эти обстоятельства меня ничуть не смутили и не испугали. Я был готов к жесткой конкуренции, потому что в этой борьбе выживают сильнейшие. И был доволен новыми рабочими задачами и тем, что получил возможность развиваться в новой области. Не зацикливаясь на возможных сложностях и проблемах, я задумался над практическими вопросами. Как привлечь новых клиентов? Что нужно знать для того, чтобы построить прочные отношения с покупателями?

На всех прежних работах мне приходилось учиться у коллег и руководителей, но в компании CMS все было иначе. Сейлз-менеджеры компании получали процент от сделок, заключенных продав-

цами, и бо́льшую часть своего времени тратили на поддержку крупнейших производителей. Я был новичком, поэтому мне просто выдали список потенциальных клиентов, одобрительно похлопали по плечу и сказали:

— Удачи!

В очередной раз почувствовал себя школяром. На маленьком красном Nissan, под завязку груженном рекламными материалами, образцами продукции и всем необходимым для демонстрации товара, я проезжал в неделю сотни километров. Каждое утро направлялся из Беркли в самые отдаленные уголки Силиконовой долины. Ежедневно по несколько раз выгружал из машины эти материалы и снова загружал их. Верил, что терпение и труд все перетрут. Сначала я стремился охватить максимальное количество потенциальных клиентов. Потом понял, что во время телефонных разговоров после визита надо быть не только вежливым (каким я всегда был), но следует говорить предельно просто, доходчиво, запоминать имя секретарши и детали жизни и бизнеса клиента. В этом случае шансы успешной продажи резко увеличивались.

На новой работе был один аспект, который мне не очень нравился. Менеджеры и продавцы после работы собирались в барах и сильно пили, словно состязались, кто кого перепьет. Я прекрасно понимал, что эта вечерняя программа — часть работы, но все равно в ней не участвовал. В общем, в CMS особо не продвинулся. Но я серьезно относился к делу, меня заметили кадровики из более крупной

и известной компании конкурента Van Waters and Rogers и переманили к себе.

Вскоре я купил для нас с Кристофером билеты на самолет до Монро, штат Луизиана. Перелет был долгим, с пересадкой в Мемфисе. Во время полета Кристофер сидел у меня на коленях и вел себя спокойно. Мне вспомнилось, как в детстве Фредди третировал меня постоянным напоминанием, что у меня нет «чертова отца». И не представлял, что скажу при встрече своему отцу. По телефону я не стал спрашивать его, почему он ни разу со мной не связался и не предложил встретиться, хотя, по его словам, его дети и мои полукровки братья и сестры знали обо мне. Что я буду делать, если атмосфера окажется не самой гостеприимной или Кристоферу все это не понравится?

Следующие четыре дня я знакомился с персонажами луизианской версии сериала «Счастливые дни», в которой играли только черные актеры.

Я вел сына по выдвижному трапу небольшого самолета и поодаль заметил фигуру отца. Это человек-гора под два метра и весом, наверное, килограммов сто сорок. Исконный обитатель Луизианы.

Первое, что мне пришло в голову: точно не собираюсь его ударить за то, что он меня бросил. Ребенком я часто рисовал себе первую встречу с увесистым ударом.

Рядом с ним стояли две его дочери, мои сводные сестры. Мы посмотрели друг на друга и заметили сходство.

Отец вел себя внешне спокойно. Как потом мне рассказали мои сестры, все это потому, что появления, подобные моему, происходили у них в семье каждые четыре года, как Олимпиада. И каждый раз они видели перед собой очень похожего на них самих человека. Оставалось только поприветствовать нового члена семьи.

Долгое время я работал в области медицины и тем не менее подивился влиянию генов. Мы с сестрами Дженис и Деборой казались тройняшками.

— Знаешь, — заметила Дебора, — ты больше, чем мы, похож на отца. У тебя даже на руках волосы, как и у него.

Я громко рассмеялся. Даже не подозревал, что они меня так тщательно изучили. Потом посмотрел на свои руки. Действительно, они были совершенно правы.

Следующие четыре дня я знакомился с персонажами луизианской версии сериала «Счастливые дни», в которой играли только черные актеры. Во время службы на флоте я жил в Орландо, однако влажность в Луизиане показалась непривычной. Было такое ощущение, что ходишь в одежде, которую только что вынули из стиральной машины. Казалось, что потеют даже ногти и волосы.

Когда гостил у отца и его семьи, я позвонил матери и сообщил, что добрался до ее родного Рэйвилля и встретился с отцом. Я уже говорил ей, что поеду в Луизиану, чтобы встретиться с отцом и показать Кристоферу его дедушку. Мать рада тому, что я все-таки собрался и добрался.

— Мам, хочешь с отцом поговорить? — спросил я ее.

— Нет, — ответила она без колебаний.

Ее ответ проливает свет на отношения матери и моего отца. Я понимаю, что кроме секса, во время которого меня зачали, их, вероятно, мало что связывало. В общем, это еще одна загадка, которую я не разгадаю. В нашей семье не принято задавать слишком много вопросов.

Во время посещения Луизианы мы ездили в небольшое местечко под названием Дели. В Дели нет уличного освещения, нет неоновых вывесок и даже дорожных указателей. Я никогда в жизни не видел таких темных ночей и таких ярких звезд, как в Дели. Звезды здесь, словно лампочки, по которым я угадывал очертания созвездий. Не мог оторвать взгляда от неба и размышлял о том, как сложилась бы моя жизнь, если бы я вырос в этих местах. Мы с Кристофером познакомились с моей бабушкой, главой клана, которую зовут Ора Тернер. Она никогда меня не видела, но широко раскрыла свои объятия и обняла. Ведь я же ее внук.

— Я спрашивала твоего отца о том, где ты и как у тебя идут дела, — говорила бабушка. Она отошла назад, чтобы получше рассмотреть меня, и одобрительно кивнула. — Он про тебя ничего не знал. Но я все равно спрашивала.

Она поинтересовалась, где меня крестили. Я замешкался и не смог сразу вспомнить.

Бабушка заметила мое замешательство. Видимо, она глубоко верующий человек.

— Мальчик мой, если ты некрещеный, это обязательно надо сделать! И прямо сейчас! Пойдем-ка к ручью, там мы тебя и покрестим.

Меня охватила паника. На улице кромешная тьма, освещаемая только луной и звездами. У меня не было никакого желания окунаться в ручей. Бабушка успокоилась, когда узнала, что меня крестили в возрасте шести лет, когда я жил у дяди Арчи. Господи, спаси и помилуй! Услышав эту новость, бабушка перестала тревожиться.

Помимо сестер Деборы и Дженис, у меня есть другие братья и сестры. Это братья Дейл и Джуниор, а также сестра Мэри, которая живет в местечке Шревепорт. Кроме того, у меня есть множество теть и дядей. Все они оказались гостеприимными людьми и все были рады мне. Ритм жизни и привычки в Луизиане, конечно, не такие, как в Милуоки, но чем дольше мы общались и чем больше семейных историй они рассказывали, тем яснее понимал, как много у нас общего. Я всегда считал себя стопроцентным членом клана Гарднеров, но, как выяснилось, во мне есть и черты Тернеров.

Каждый раз, вспоминая, как отец с внуком гуляли по железнодорожным путям, задавал себе вопрос: «Почему же у меня этого не было в жизни? Ну почему?»

Один из самых запомнившихся моментов путешествия произошел накануне отъезда. Однажды вечером, когда мы с Кристофером решили поехать на поезде, чтобы навестить мою сестру Мэри, отец пошел проводить нас до железнодорожной станции. Было еще не очень поздно, но уже стемнело. На небе

сияли россыпи звезд. Мы стояли за зданием железнодорожной станции около рельсов, которыми заинтересовался мой сын. У нас оставалось время до отправления поезда, и Кристофер с дедушкой пошли исследовать рельсы. Кстати, мой сын с дедом сразу после первой встречи нашли общий язык.

Я смотрел, как они вдвоем шагали вдоль путей. Отцу уже за пятьдесят, но он был огромный, как дуб. Мой отец, патриарх большой семьи, гулял вместе с моим сыном — бойким и разговорчивым карапузом, которому недавно исполнилось четырнадцать месяцев. Отец гордо держал внука за палец, словно защищал его от опасности.

Я надолго запомнил эту сцену и часто вспоминал ее. Каждый раз, вспоминая, как отец с внуком гуляли по железнодорожным путям, задавал себе вопрос: «Почему же у меня этого не было в жизни? Ну почему?»

Шло время, и я понимал, что у меня нет ни капли обиды. Смешно ревновать своего маленького сына к тому, что он имеет то, чего был лишен я. Тем не менее годы, проведенные без отца, брали свое, и я чувствовал боль. Вне всякого сомнения, вид счастливых деда и внука бередил душу и тревожил наболевшее.

Провожать нас в аэропорт приехал весь клан Тернеров. Сестры обещали, что будут поддерживать связь. Я смотрел на Кристофера и думал о том, как наш разговор о матерях и отцах повлиял на мою жизнь. Благодаря нашему разговору я наконец встретился со своим отцом. И уезжал из Луизианы с чувством исполненного долга. В тот момент, воз-

можно, я этого не осознавал, однако пришел конец моим почти двадцативосьмилетним страданиям. Теперь я мог сменить пластинку с блюзами по безотцовщине на что-нибудь более интересное. У меня был отец, которого я, правда, не очень хорошо знал и вряд ли когда-нибудь узнаю, но факт остается фактом. Хватит с меня этих блюзов.

Мы с Крисом вылетели в Калифорнию. Дорога назад показалась в два раза короче, чем в Луизиану. Круг замкнулся. Он получился не самой идеальной формы, но я понял свои истоки, какой у меня отец и родственники по отцовской линии. Меня больше не тревожили мысли о том, как бы сложилась моя жизнь, если бы встретился с отцом раньше. Я начал жить настоящим. Когда шасси самолета коснулось калифорнийской бетонки взлетно-посадочной полосы, все грустные мысли исчезли, будто их и не было. Я почувствовал прилив сил и ощутил себя свежим, отдохнувшим и готовым преодолеть любые сложности на своем пути. Знал, что делаю все правильно, и был уверен, что меня ждут великие дела.

Глава девятая
Вывернутый наизнанку
(полная версия)

В компании Van Waters and Rogers работал очень успешный продавец по имени Боб Рассел. Он важно расхаживал по офису, как павлин с логотипа телекомпании NBC.

Я не мог взять в толк, в чем причина его успеха, но узнал, что он зарабатывает восемьдесят тысяч долларов в год. Внушительная сумма, особенно на фоне моих тридцати тысяч. Мне нужно понять секрет его успеха.

После посещения отца в Луизиане я отдохнул, взбодрился и надеялся, что после небольшой паузы наши отношения с Джеки улучшатся. Однако стресса на работе не стало меньше, да и отношения с Джеки возобновились на прежней ноте. Она была недовольна своей жизнью, и я расценивал это как призыв зарабатывать больше денег. Когда узнал, что Рассел зарабатывает восемьдесят тысяч в год, у меня появилась новая цель.

«Если он это может, значит, и мне это под силу», — думал я. В то время это был предел моих мечтаний.

Однако мою уверенность не разделял сейл-менеджер по имени Патрик, с которым, судя по всему, не согласовали мою кандидатуру. Кроме того, ему, видимо, не очень нравилось, что я высокого роста и черный. Сам Патрик был метр с кепкой.

Патрик — суетливый человек с ирландскими корнями (про себя я окрестил его «человек-ручка»). Каждую фразу Патрик заканчивал щелчком авторучки, задвигая и выдвигая ее стержень. Патрик был словоохотливым, поэтому во время разговора с ним постоянно слышались звуки «клик-клик».

Вместо поддержки и советов, как успешно продавать, Патрик взялся меня третировать. Своим поведением он показывал свою антипатию ко мне,

а я тоже не лез за словом в карман и давал ему понять, что между нами горячей любви точно нет. Если Патрик делал вполголоса какое-нибудь язвительное замечание в мой адрес, я наклонял голову, намекая на то, что он ростом не вышел, и переспрашивал:

— Прости, что ты сказал?

Патрик краснел. Когда он доставал меня своими придирками, я прикладывал ладонь к уху:

— Что? Я тебя совсем не слышу. Говори громче. Ты где-то слишком низко.

И он начинал еще яростнее щелкать своей авторучкой. То, что я воспринимал его в штыки и не позволял сесть себе на шею, подтолкнуло Патрика продемонстрировать мне, как надо продавать в компании Van Waters and Rogers. Однажды в разгар телефонного разговора с клиентом Патрик неожиданно прервал меня, сказав, что в разговоре надо обязательно упомянуть: конкуренты компании Van Waters and Rogers продают аналогичные продукты, однако товары нашей компании отличаются лучшим качеством и более низкой ценой. Был и другой случай. Я выписывал заказ, когда он спросил меня, где пробники.

Вскоре я понял главное: лучшим продавцом не становятся, лучшим продавцом рождаются.

— Клиенту надо обязательно показывать пробники.

В обоих случаях мне пришлось потом выяснять, почему он не мог подождать со своими замечаниями и унижал меня перед клиентом. Я разозлился, но урок извлек: необходимо отделить свой товар

от товаров конкурентов, подчеркнуть его качество и привлекательную цену. Со временем узнал, что в процессе продажи существуют определенные стадии и на каждой нужно учитывать массу факторов. Некоторым из техник продаж можно научиться и развить их, но вскоре я понял главное: лучшим продавцом не становятся, лучшим продавцом рождаются. Продажи — это занятие не для всех, и не каждому стоит тратить время на это дело. Обладал ли я необходимыми качествами? Я пока еще не знал. Но восемьдесят тысяч долларов, черт подери! Что есть такого у Боба Рассела, чего нет у меня?!

В общем, решил, что меня ничто не остановит. Каждый день проезжал десятки километров из Беркли до Силиконовой долины — от Сан-Матео до Сан-Хосе. Но самого важного клиента нашел в больнице Сан-Франциско, куда приехал, чтобы встретиться и передать каталоги продукции Ларсу Нилсену, возглавлявшему лабораторию больницы, с которым у меня установились деловые отношения. Встреча с клиентом прошла успешно, и я рассчитывал сюда вернуться. Я вышел из здания больницы, подсчитывая в уме сумму сделки, а также свои комиссионные и размышляя о том, что мне еще далеко до результатов Боба Рассела. Но какие у меня имелись варианты, кроме того, как добиваться успеха в своей профессии?

Вот тут-то я и заметил, как по парковке медленно кружит красный Ferrari 308. Одетым в элегантный костюм водителем машины оказался Боб Бриджес, брокер компании Donaldson, Lufkin &

Jenrette, который согласился в обмен на мое парковочное место ответить на два вопроса: «Чем вы занимаетесь?» и «Как вы это делаете?». Во время нашего разговора Боб Бриджес сказал, что зарабатывает восемьдесят тысяч долларов в месяц!

Минуточку! Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что Бриджес зарабатывает гораздо больше, чем Боб Рассел, получавший восемьдесят тысяч в год. Так что же я скажу Бобу Расселу? Да пошел ты куда подальше, Боб!

В то время я знал об Уолл-стрит, акциях, рынках и финансах приблизительно столько же, сколько знает обычный человек о сохранении энергонасыщенных фосфатов в сердечной ткани. И твердо решил сменить сферу деятельности и стать брокером. Что такого особенного в работе брокера? Чем она отличается от всех остальных сфер деятельности, где мне довелось поработать? Я работал в доме престарелых и в военном госпитале на базе морпехов в Луизиане в отделении общей хирургии, занимался проктологией и потом возглавлял лабораторию при медицинском центре Калифорнийского университета и при больнице ветеранов. Потом стал продавцом медицинского оборудования в Силиконовой долине. На всех перечисленных работах у меня поначалу не было никаких знаний и умений, и тем не менее я преуспел и добился результатов в каждой из этих новых для меня областей. И не просто добился успеха, а, черт подери, добился колоссального успеха! Да, мой успех не выразился в деньгах, но на каж-

дом новом посту я осваивал профессию и добивался результатов, которых сам от себя не ожидал.

Именно поэтому я был уверен, что смогу стать брокером. И ни секунды не сомневался в правильности своего решения и знал, что приложу все силы, чтобы добиться успеха на новом поприще. Не могу объяснить, как и почему все это произошло, но каждой клеточкой своего организма знаю: это и есть ТО САМОЕ, что мне нужно.

Большинство людей сочтут меня сумасшедшим. Я не только не учился в колледже, но у меня не было связей, блата или каких-либо привилегий, которые помогли бы мне начать работу в новой области. Я не знаю ни одного брокера, за исключением Боба Бриджеса, с которым едва знаком и с которым меня связывает только то, что я отдал ему свое парковочное место.

Как бы то ни было, мы встретились с Бриджесом за ланчем, и я стал расспрашивать его, чем занимаются брокеры. Он терпеливо и пространно объяснял суть.

Он сидит и разговаривает с клиентами до тех пор, пока не заработает четыре или пять тысяч долларов в день! А я убиваюсь, чтобы заработать столько же в месяц!

Боб рассказывал мне, как каждое утро он приходит в небольшой приятный офис, принимает пару телефонных звонков, делает еще пару звонков и кое-что записывает в блокнот.

— Позволь мне уточнить, — сказал я. — Ты звонишь людям по телефону и что-то записываешь в блокнот. И все?..

— По сути, да, — ответил Боб. — Звоню людям, и мы общаемся. Я рассказываю им про компании, и они переводят мне деньги.

Тут меня осеняет. Этот парень, одетый в сногсшибательный, сшитый на заказ костюм, стоящий несколько тысяч долларов, занимается продажами так же, как и я. Но при этом он не разъезжает в машине, набитой до отказа каталогами, пробниками и образчиками продукции, не посещает черт знает где расположенные, богом забытые лаборатории, а сидит в уютном офисе и просто беседует с клиентами по телефону.

«Да, это круто!» — так и хотелось воскликнуть, но я сдержался и продолжал слушать его рассказ.

По словам Боба, он сам ставит перед собой задачи на день.

— Каждый день говорю себе, что не уйду из офиса, пока не заработаю четыре или пять тысяч долларов, — заявляет он.

Ого, вот это дела! Он сидит и разговаривает с клиентами до тех пор, пока не заработает четыре или пять тысяч долларов в день! А я убиваюсь, чтобы заработать столько же в месяц! Ушам своим не верю.

— Боб, извини, просто хочу уточнить. Ты разговариваешь с людьми. С некоторыми из них ты знаком, некоторых совершенно не знаешь, кого-то по работе постепенно узнаешь. Ты рассказываешь им о разных компаниях и о том, как прибыльно можно в них вложить средства, после чего люди переводят тебе деньги. Верно?

— Да, все правильно, — искренне ответил он.

— Я это тоже смогу, — так же искренне произнес я и добавил: — Я смогу этим заниматься, и у меня получится. Более того, вот что тебе скажу: я уже мечтаю этим заниматься!

Боб засмеялся — я не мог понять, верит он мне или нет, — и предложил познакомить меня с несколькими менеджерами брокерских компаний в Сан-Франциско. По его словам, отсутствие диплома колледжа — это, конечно, большой минус, но не критично, потому что есть брокерские компании, которые принимают на свои программы обучения брокеров людей без диплома. В рамках этих программ обучения будущих брокеров учат всему необходимому — от основ работы финансовых институтов до инвестиционного планирования и других тонкостей. Надо пройти такую подготовку, сдать экзамен и получить лицензию брокера. В общем, чтобы меня взяла на работу брокерская компания, то есть иметь позицию, как у него самого, мне необходима лицензия на работу с брокерскими операциями.

«Решено, — подумал я. — Сказано — сделано. Здрасте, я Крис Гарднер, брокер, прошу любить и жаловать. Точка».

Я четко осознавал, что добиться поставленной цели будет непросто, но игра стоит свеч.

Большой проблемой оказались расстояния. Боб начал назначать мне встречи с менеджерами, компании которых находились в центре Сан-Франциско, в финансовом квартале, и проходили

они в рабочее время с девяти до пяти. В среде брокеров, видимо, не принято встречаться утром за кофе до начала рабочего дня или тусить в баре после его окончания. Все мои деловые встречи в Van Waters and Rogers были в Долине и тоже в рабочее время. Это означало, что я должен пропустить или опоздать на встречи, назначенные мне моим начальником, «человеком-ручкой» Патриком.

Я ходил на собеседования в крупные компании — Merrill Lynch, Paine Webber, E. F. Hutton, Dean Witter и Smith Barney, так как там имелись программы обучения брокеров. Кроме того, именно в этих компаниях Боб знал менеджеров отделений. Если вы думаете, что трудности меня испугали, то глубоко заблуждаетесь. Как только я переступил порог первой брокерской компании, в которой у меня было назначено собеседование, тотчас понял, что это работа для меня. Я почувствовал атмосферу, и она мне очень понравилась. В общем, я подсел на брокерские компании с самого первого визита. Воздух в них был словно заряжен электричеством.

Сидя в ожидании интервью, ощущал прилив адреналина, будто нанюхался кокаина. Телефоны постоянно звонили, телетайп выплевывал ленту, а брокеры выкрикивали свои трансакции и заказы. Все это казалось мне новым и одновременно очень знакомым, словно я вернулся в отчий дом.

В брокерской компании я поймал себя на мысли, будто впервые слушаю Майлса Дэвиса и чувствую, как его музыка меняет мое настроение и настроение всех, кто ее слушает. Вот так на меня

подействовала атмосфера офиса компании! Комната, в которой сидели брокеры, была нервным центром, связующим миллионы людей по всему миру. От возбуждения у меня голова закружилась!

В тот день мне пришлось долго ждать собеседования, но меня это нисколько не волновало: чем глубже погружался в происходящее вокруг меня, тем больше убеждался в том, что работа брокера мне по плечу. Среди брокеров я не заметил чернокожих. Может быть, они были в других комнатах, но по этому поводу я мог только гадать. В любом случае моя уверенность была непоколебимой. Да и как могло быть иначе, ведь они зарабатывают восемьдесят тысяч долларов в месяц!

Я вырос в семье без политических связей. У моей семьи не было денег. Кто с таким человеком захочет иметь дело?

Возможно, я был слишком наивен, полагая, что все брокеры получают такие деньги. Тем не менее внушительная сумма меня мотивировала. Мама сказала мне однажды, что если захочу, то смогу заработать миллион долларов. Я прикинул в уме: восемьдесят тысяч долларов умножить на двенадцать месяцев, плюс премиальные и сверхурочные — значит, можно в год зарабатывать миллион долларов! Если Бобу Бриджесу это под силу, то и мне тоже.

Наконец-то я понял, чем хочу заниматься. Теперь осталось убедить людей, чтобы они зачислили меня в программу обучения брокеров. А вот это оказалось сделать не так просто. Я прошел несколько интервью в разных компаниях. Формулировка ответов

различалась, но суть оставалась одна — мне отказали. И после каждого отказа, когда выходил на улицу к своей машине, неизбежно видел под дворником желтый, цвета мочи, штраф за неправильную парковку. Каждый раз попадал на пятнадцать или двадцать долларов, которых у меня не было. Я говорил себе, что надо найти время и обратиться в суд, чтобы штрафы аннулировали или по крайней мере уменьшили общую сумму. Но я не сдавался.

Отказывали мне не потому, что в компаниях работали расисты. Расистское отношение, бесспорно, отчасти присутствовало, но не было главной причиной. Мне давали от ворот поворот, потому что у меня не было связей и опыта работы на финансовом рынке. Насколько хорошо я понимаю рынок? — задавали мне вопрос. Смогу ли понять и убедить клиентов с хорошим образованием, если сам не закончил колледж? Мое резюме отражало большой послужной список, но у всех прочитавших его возникало много сомнений. Я вырос в семье без политических связей. У моей семьи не было денег. Кто с таким человеком захочет иметь дело? И вообще, каким боком я связан с деньгами?

Я прекрасно понимал, почему моя кандидатура вызывает сомнения, но подбадривал себя и уверял, что у меня все получится и я пробьюсь.

В офисе компании Dean Witter я познакомился с брокером по имени Марти, который разрешил мне иногда обращаться к нему за консультацией без строгой регламентации времени. Марти отправил меня в офис компании в Окленде. Я связал это

с тем, что в этом районе живет много чернокожих. Однако, приехав в офис, не встретил там ни одного афроамериканца. К тому времени мне было уже совершенно все равно, в какую компанию, набирающую слушателей на курсы брокеров, я попаду, лишь бы взяли. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я начал искать работу брокера, но пока не добился никакого результата. При этом поиски места на курсах обучения брокеров происходили во многом в ущерб мой непосредственной работе. «Человек-ручка» был уже давно мной недоволен. Я вошел в оклендский офис Dean Witter с настроем не просить милостыню, а рассказать о себе и узнать, когда могу начать посещать курсы обучения.

Однако это собеседование оказалось одним из худших. Окна комнаты, в которой мы сидели, выходили на озеро Лэйк-Мерритт. Я рассказывал о своих трудовых достижениях, а человек, проводивший интервью, постоянно приподнимался со стула и смотрел мне через плечо в окно.

— Надо же, — сказал он, — лошадь прыгнула в озеро.

«Да насрать на эту лошадь!» — хотелось крикнуть ему. Лэйк-Мерритт — мелкое озеро, так что лошадь в нем точно не утонет. Честное слово, за судьбу животного не стоит переживать. Мне стало ясно: этому человеку совершенно не до меня.

— Видимо, сейчас не лучшее время для собеседования, — вежливо сказал ему я. — Давайте назначим новое время встречи, чтобы я мог представить вам свою кандидатуру.

Человек согласился. Я бросился к машине, вынул очередной штраф из-под «дворника» и помчался в долину, где должен был взять на борт Патрика, чтобы ехать к клиенту. Настолько торопился, что забыл убрать с переднего пассажирского сиденья годовые отчеты брокерских компаний Dean Witter, Paine Webber и EF Hutton. Свою оплошность осознал только тогда, когда Патрик собрался сесть в машину. Пытаясь скрыть свое волнение, я быстро убрал годовые отчеты.

Все ее доводы сводились к одному — нет «корочек». Вот так меня поддерживала женщина, с которой я жил и от которой у меня был ребенок.

— Гарднер? — вопросительным тоном произнес Патрик.

— Да... — протянул я, думая, что меня взяли с поличным и уличили в том, что ищу работу в другой компании.

Патрик с подозрением покосился на меня.

— Ты хочешь открыть счет в брокерской компании? — поинтересовался он.

— Да, именно его... — ответил я. — Вот решил наконец этим заняться...

Патрик посмотрел на меня с явным сомнением и щелкнул авторучкой. После этого случая он стал следить за мной с зоркостью орла. Он не знал, что я хожу на собеседования в другие компании, но начал что-то подозревать. И стал еще более подозрительным после того, как узнал, что я опаздываю на многие встречи и вообще отменяю часть назначенных встреч.

Дома Джеки не пыталась облегчить мою жизнь. Она сказала, что я сам себя обманываю и тешу на-

деждами, что могу начать работать на Уолл-стрит. Ее аргументация была железной:

— Большинство людей, которые там работают, закончили колледж, верно?

Я много раз объяснял ей, что совершенно не обязательно иметь диплом, чтобы человека взяли на курсы подготовки брокеров, но ничем не мог подтвердить свои слова. Один знакомый Джеки, работавший в финансовой компании, закончил колледж, а муж ее подруги, тоже работавший с финансами, закончил университет.

— Крис, у тебя нет никаких «корочек». Ты уверен, что можешь стать финансистом? — спрашивала она.

Все ее доводы сводились к одному — нет «корочек». Вот так меня поддерживала женщина, с которой я жил и от которой у меня был ребенок.

— Подожди, дай мне только срок, — говорил я ей. Чувствовал, что могу стать успешным брокером. Но денег в семье не было, меня преследовал ирландский карлик, и Джеки волновалась. Я жил в ожидании того, что одно из звеньев этой слабой цепи порвется.

И вот, когда, казалось, все варианты были исчерпаны, мне назначили еще одно собеседование в брокерской компании E. F. Hutton. Я уже несколько раз встречался с менеджером этого отделения, и ни разу он не дал мне окончательного отказа. Во время последнего интервью он сказал, что готов взять меня в программу обучения брокеров. Он проводил меня до двери, пожал руку и сказал,

чтобы я приходил через две недели в семь часов утра.

Я был готов, как Джин Келли[1], танцевать и отбивать чечетку в коридоре компании и на улице под проливным дождем. У меня словно выросли крылья, и я нежно поцеловал очередной штраф, засунутый под «дворник» автомобиля. В очередной раз дал себе обещание, что в ближайшее время возьму отгул, доберусь до суда и начну оспаривать эти штрафы. Наконец-то появилось доказательство того, что я не полный идиот! Перед глазами замелькали цифры комиссионных, которые буду получать, став брокером.

В какую ужасную ситуацию я попал! Получается, ушел с одной работы ради другой, которой на самом деле нет.

За две оставшиеся недели я планировал наверстать упущенное в Van Waters and Rogers, однако через пару дней меня вызвал Патрик:

— Гарднер, я не доволен твоими результатами. Мы стараемся расширять продвижение, но на территории, которую за тобой закрепили, этого не происходит.

И тут я совершил большую ошибку, сказав, что тоже возлагал на компанию надежды, которые не оправдались. Не успел закончить фразу, как Патрик прервал меня щелчком авторучки и начал выводить из офиса. Я спросил, есть ли у меня положенные

[1] Джин Келли (1912–1996) — американский актер, хореограф, режиссер, певец и продюсер.

две оплачиваемые недели, но он ответил, что компания заканчивает отношения со мной прямо сегодня. Чек мне вышлют по почте.

Прекрасно. Можно отправиться домой, отдохнуть пару недель, побыть с семьей, оформить пособие по безработице и потом отправиться на Уолл-стрит, чтобы зарабатывать больше, чем Боб Рассел, не говоря уже о Патрике.

Когда пришел чек из компании, он оказался на гораздо меньшую сумму, чем я ожидал, потому что «уволился по собственному желанию». А если я уволился по собственному желанию, то и пособие по безработице мне не светило. Это было очень неприятно. Но впереди меня ждал Уолл-стрит, поэтому я не особо расстроился.

Я положил этот опыт на полочку под названием «Самые лучшие увольнения мышей и людей»[1] и после двухнедельного пребывания дома (я так и не удосужился съездить в суд, чтобы разобраться со штрафами) в понедельник за тридцать минут до назначенного времени появился в офисе брокерской компании. Оказалось, что никто там меня не ждет.

Я был удивлен такой плохой организацией и спросил, где находится мой новый начальник и менеджер отделения, тот самый человек, который принял меня на курс обучения брокеров, и получил ответ:

---

[1] Аллюзия на повесть Джона Стейнбека «О мышах и людях» (англ. Of Mice and Men) о трагической истории двух работяг во времена Великой депрессии в Калифорнии.

— Его уволили в пятницу.

Стою около стойки ресепшн и чувствую, что моя прямая кишка вот-вот лопнет. В этой ситуации нет ничего смешного. Выхожу на улицу под проливной дождь и даже не раскрываю зонта. В какую ужасную ситуацию я попал! Получается, ушел с одной работы ради другой, которой на самом деле нет. У меня нет дохода. И постоянно ругаюсь с женщиной, с которой живу. Что мне делать? Не знаю.

В последующие несколько дней узнаю, что нет ничего хуже для отношений мужчины и женщины, чем ситуация, когда у мужчины нет работы. По крайней мере в том мире, где живу я, это именно так. Я был воспитан на представлениях, что мужчина без работы — это вообще не мужчина. Мужчина должен зарабатывать и содержать семью. Даже алкоголик Фредди, и тот каждый день ходил на работу. Было ужасно просыпаться утром и знать, что тебе некуда идти на работу. Особенно после того, как мысленно настроился на службу в Уолл-стрит и принял решение уйти с прежней работы.

Последующие события я назвал бы доказательством того, что бутерброд всегда падает маслом вниз. Отношения с Джеки становились все хуже. Когда в тот день я вернулся домой и рассказал ей о случившемся, она вообще не прореагировала. Да и что она могла ответить?

«Очень сожалею. Не падай духом».

Но она этого не сказала. У нас не было никаких доходов — только расходы. Обычные бытовые расходы на еду, квартплату, детский сад и памперсы.

Я должен был позаботиться о деньгах и снова начал искать подработку. В первый день заработал пятьдесят долларов за то, что красил дома для приятеля, который владел небольшой строительной фирмой. Отлично. Это означало, что в тот день нам было что поесть и мы могли оплатить счет за газ. На следующий день приятель предложил мне помочь крыть крышу, в другой день разбирал чей-то подвал. Я не отказывался ни от какой работы и делал ее без радости и особого умения, но упорно.

Я был не в восторге от такого поворота событий, но не считал происходящее концом света. Занимаясь физическим трудом, обдумывал, как мне встать на ноги и попасть в программу обучения брокеров.

Мы с Джеки все чаще ссорились по поводу денег. Пока я подстригал чьи-то лужайки, красил дома и разбирал мусор, в моей голове сложилось некое подобие стратегии. Могу еще раз обратиться в компанию Dean Witter, в которой мне не сказали «да», но и не дали окончательного отказа. Мне надо было убедить людей в том, что у меня есть некая связь с деньгами и опыт. Кроме того, мне придется объяснить им, что в настоящий момент я безработный. Стал думать о том, кто мог бы за меня поручиться. Например, бизнесмен-афроамериканец Джо Даттон, с которым я познакомился на одном бизнес-семинаре.

Я позвонил Джо, попросил его об одолжении, и он согласился. Поручительство Джо Даттона помогло мне получить еще одно собеседование в Dean Witter. Мне страшно было думать, что же будет дальше, если в этой компании мне оконча-

тельно откажут. Мое будущее зависело от результатов этого собеседования.

Я часто думал о том, как бы сложилась моя жизнь, если бы попал на тот обучающий курс и человека, который меня пригласил, не уволили бы за день до начала занятий. Как это могло бы повлиять на развитие отношений с Джеки? Кроме отсутствия денег, в нашей семье были и другие проблемы. Чтобы снять стресс, я курил травку, а это очень не нравилось Джеки. Она постоянно выговаривала мне свое недовольство на повышенных тонах. Она в меня не верила, и это меня раздражало. Инстинкт мне подсказывал, что Джеки может использовать Кристофера как оружие возмездия.

Однажды в четверг вечером мы узнали, что маленького Себастьяна, сына нашей подруги Латрелл, на улице сбила машина. Мы спорили по поводу денег и моих перспектив, и новость о смерти сына нашей подруги только подлила масла в огонь. Мы скандалили весь вечер, ужасно устали и заснули, так и не помирившись. Проснувшись утром в пятницу, снова принялись ссориться.

Джеки начала собираться по своим делам. Поскольку я остаюсь дома, то должен одеть Кристофера и отвести в садик. Мы уже давно не платили за детский сад, но все равно водили туда ребенка, чтобы не потерять место. Джеки направилась к выходу, и я пошел за ней.

— Подожди, — сказал я, — мы с тобой так и не пришли ни к какому решению. Не уходи до тех пор, пока мы со всем этим не разберемся.

Она проигнорировала мои слова и вышла на улицу. Я побежал за ней по ступенькам, схватил ее за руки и пытался остановить. Держал ее за запястья, но она сопротивлялась. Мне стало стыдно за свое поведение, за то, что так низко пал. И отпустил руки, а она упала прямо на клумбу с розами у крыльца.

Она встала. Увидев, что она немного поцарапалась о розы, заткнул свою гордость куда подальше и решил извиниться. Но Джеки была в ярости.

— Убирайся из дома к чертовой матери, — сказала она.

Тут же забыл, что секунду назад хотел извиниться.

— Нет, никуда я не уйду.

Вернулся в дом, закрыл дверь и начал купать Кристофера.

Страх и беспомощность — вот два дьявола, которые всегда появляются в ситуации, которую не могу контролировать.

Далее стремительно развивались совершенно непредсказуемые события, имевшие правовые последствия. Они и по сей день остаются незакрытыми, потому что Джеки в конце концов решила не выдвигать против меня каких-либо обвинений по поводу падения на клумбу с розами. Поначалу она была настроена решительно. Через десять минут после ее падения в клумбу в нашу дверь постучали. Я открыл. На руках у меня был завернутый в полотенце Кристофер. Передо мной возникли два полицейских, а за ними на тротуаре стояла Джеки.

— Вы Крис Гарднер? — спросил меня один из полицейских.

— Да, — ответил я в полном недоумении.

— Поступила жалоба от женщины, которая проживает по этому адресу, — объяснил второй полицейский.

— Да нет, что вы, — оправдывался я. — Я ее не бил.

Тогда первый полицейский спросил, откуда у Джеки на руках царапины. Я показал на клумбу с розами и объяснил, что она в нее упала.

— Сэр, — сказал первый полицейский, — она утверждает, что вы ее избили, а по закону штата Калифорния бытовое насилие является преступлением.

Я уже приготовился распинаться, что прекрасно знаю, что такое семейное и бытовое насилие, и в курсе того, как выглядит женщина, избитая мужем, когда один из полицейских подошел к моей машине и записал ее регистрационный номер.

Полицейские удостоверились, что это моя машина, и заявили, что забирают меня в участок.

— Но мне надо ребенка в сад отвезти, — возразил я. Полицейские ответили, что отдадут ребенка матери, которая и отведет его в детский сад. Я был в шоке. Стоял и смотрел, как Джеки взяла Кристофера и вошла в дом, даже не удостоив меня взглядом. На меня надели наручники и посадили в полицейскую машину.

Я просто не мог поверить, что это не сон, и тихо матерился. Готов признать свою вину в падении жены на клумбу. Чем дальше мы отъезжали от дома и Кристофера, тем сильнее я паниковал. В участке узнал, что меня могут осудить по статье «бытовое

насилие», и, кроме того, на мне висит долг в тысячу двести долларов — неоплаченные штрафы за парковку. Мой праведный гнев мгновенно превратился в страх и ощущение беспомощности. Страх и беспомощность — вот два дьявола, которые всегда появляются в ситуации, которую не могу контролировать.

У меня сняли отпечатки пальцев и посадили в камеру. Потом мне сказали, что у них нет достаточных оснований для задержания и они вынуждены меня выпустить. Но у меня накопились неоплаченные штрафы, и я не в состоянии их оплатить, поэтому должен дать разъяснения судье. Ждал, когда меня отвезут в суд. Но была пятница, и приближалась середина дня. Я метался по камере из угла в угол, а время шло. Появился полицейский.

— По поводу неоплаченных штрафов, — сообщил он, — судья сказал, что сегодня уже слишком поздно, поэтому он примет вас в понедельник. — И добавил: — Вы должны остаться в камере. Мы не можем вас выпустить до тех пор, пока не предстанете перед судьей.

— Я ЧТО, ДОЛЖЕН ЖДАТЬ В ТЮРЬМЕ ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА, ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ?

— Вы должны деньги штату Калифорния, — ответил полицейский таким тоном, будто я лично его оскорбил, — и мы не можем вас отпустить до тех пор, пока этот вопрос не будет решен.

Меня перевели в камеру, где сидели три самых мрачных ублюдка, которых мне довелось увидеть в своей жизни: убийца, насильник и поджигатель. И оказался в такой веселой компании только за то,

что не заплатил штрафы за парковку. Прежде лишь раз был в камере, когда попытался украсть штаны в дисконтном центре. Тогда надо мной смеялись из-за того, что я умный и у меня много книг. Молча слушал рассказы своих сокамерников. От них узнал (и этот вывод подтверждается опытом общения с другими заключенными), что ни один человек из сидящих в тюрьме не совершил преступления, в котором его обвиняют. Просто произошла ошибка, человека перепутали, или кто-то соврал, или тебя подставили. Каждый из этих трех уродов произносил четыре слова: «Я этого не делал».

— Что ж, мистер Гарднер, тогда у меня нет другого выбора, как приговорить вас к десяти суткам ареста в Санта-Рите.

Потом они медленно повернули свои бычьи шеи в мою сторону и спросили, за что я сюда попал. Я не собираюсь докладывать им, что попал в камеру за неоплаченные штрафы за парковку. Угрожающе прищурив глаза, произнес мрачным низким голосом:

— За попытку убийства. И учтите, что это далеко не последняя попытка. Вы меня поняли? — окинул всех взглядом и, чтобы застолбить свою территорию, добавил: — Вон те нары мои.

Я черный, как кирзовый сапог, огромный, как гора, и злой, как черт. Благодаря своему внешнему виду и поведению получаю доступ к самой главной валюте заключенных — сигаретам.

Я начал курить во время ночных дежурств, когда служил в ВМФ. К тому времени, когда оказался в камере, я уже бросил, потому что денег на сига-

реты у меня давно нет. Но после «выходных в камере», судя по всему, снова начну курить. Курить все-таки приятнее, чем пить кислое подобие кофе и есть бутерброды с докторской колбасой. Наверное, это были самые длинные выходные в моей жизни.

Утром в понедельник я предстал перед судьей, который даже не поднял головы от своих бумаг.

— Мистер Гарднер, — сказал судья, — вы должны штату Калифорния тысячу двести долларов. Как предлагаете решить этот вопрос?

Потом спросил, есть ли у меня работа. Я покачал головой. Могу ли я заплатить? — задал вопрос судья, и я снова отрицательно мотал головой.

Впервые за прошедшие три дня не чувствовал злости. Мне стало невыносимо грустно.

— У меня нет денег, — пробормотал я.

— Что ж, мистер Гарднер, тогда у меня нет другого выбора, как приговорить вас к десяти суткам ареста в Санта-Рите. — Судья стукнул о стол молотком и крикнул: — Следующий!

Около меня моментально появился охранник. Он пристегнул к моим наручникам цепь, чтобы привязать меня к другим заключенным, и вывел к автобусу, который доставил меня в раскаленную долину в Северной Калифорнии, в старую тюрьму Санта-Рита. Эта тюрьма стала известна благодаря заключенному мексиканцу по имени Хуан Корона, который зарубил несколько человек топором и потерял рассудок. С ужасом посмотрел на бульдожьи рожи, окружавшие меня в автобусе. За что

меня посадили? Не из-за жалобы Джеки. (Было не ясно, выдвинет ли она против меня обвинения.) За неуплату штрафов за неправильную парковку! Суд так и не состоялся. Я слишком торопился попасть на Уолл-стрит и проигнорировал штрафы. Если не можешь платить, придется сидеть. Точка. Десять суток.

Но мне не предоставили адвоката! Всем обязаны предоставлять адвоката для защиты, услуги которого оплачивает государство.

«Ага! — решил я. — Выход найден».

Нас стали выводить из автобуса, и я сказал симпатичному чернокожему водителю, что мне надо вернуться в суд. Я даже почти надеялся, что он, возможно, меня вообще отпустит. Все заключенные были скованы одной цепью, и, как только я делал шаг в сторону, охранник дергал цепь, чтобы я встал на свое место.

Пережить десять дней в тюрьме мне помог опыт, приобретенный за время службы. В тюрьме угнетали не только оранжевые арестантские робы и, словно сделанные из желе, сандалии из прозрачного пластика, но и подчинение, контроль и регламент, а также омерзительный кофе и все те же бутерброды с докторской колбасой. Кроме того, в тюрьме было невыносимо жарко. Никаких бризов с океана. Очень жарко. В общем, были созданы все предпосылки к тому, чтобы вступить в перебранку с охранником. У меня не было при себе раствора для промывки и хранения контактных линз, и я чувствовал, что линзы начинают камнем тереть глаз-

ное яблоко. Мне казалось, что слепну, и попросил охранника отвести меня к врачу. Охранник молчал. Я не нашел ничего лучшего, как сказать ему: «Пошел на х**!»

За грубость меня упрятали в изолятор, который оказался небольшим кирпичным строением размером с ванную комнату, без крыши. Изолятор был таким маленьким, что я даже не мог растянуться на полу, не поднимая колен. Заключенные называли изолятор «духовкой». Оказавшись в одиночестве, я начал скучать по тюремным разговорам. Слава богу, что с детства привык разговаривать сам с собой, поэтому и завязал беседу:

Как попасть в брокерскую контору Dean Witter, если сижу в тюрьме?

— Ох, чувак, ну и попал ты из огня в полымя.

— Это точно, — ответил я сам себе.

— Не понимаю, почему говорят «охладиться в духовке»? Это же противоречие, полная бессмыслица.

Солнце пекло все сильнее. Но, с другой стороны, если бы пошел дождь, я вымок бы, потому что крыши над головой не было.

Когда мне наскучило разговаривать с самим собой, начал напевать, а потом, когда и петь надоело, стал издавать нечленораздельные звуки. Я пытался отогнать неприятные мысли и тревогу о будущем.

Пребывание в «духовке» охладило меня настолько, что я попросил разрешения присутствовать на похоронах Себастьяна, сына Латрелл. Однако в моей просьбе было отказано.

Я отсидел десять дней. Вопрос о неоплаченных штрафах был закрыт. Потом меня перевели в тюрьму в Беркли, чтобы я предстал перед судом, который должен был рассмотреть обвинения в избиении Джеки. Тут возникла проблема, по сравнению с которой десятидневное пребывание в тюрьме показалось детским лепетом. На следующее утро у меня было назначено собеседование в Dean Witter, на котором могла решиться моя судьба. Это был мой последний шанс стать брокером. Когда меня перевезли в тюрьму в Беркли, узнал, что предстану перед судьей только на следующее утро. Что делать? Как попасть в брокерскую контору Dean Witter, если сижу в тюрьме?

Здесь мне помог братишка-латинос. Видимо, у него было хорошее настроение, и он набрал телефонный номер конторы Dean Witter, чтобы я мог перенести встречу на другое время. Не знаю, как мне удалось убедить его это сделать. Я говорил ему о том, что это мой последний шанс получить работу и мне очень важен этот звонок.

Охранник набрал номер и передал мне трубку сквозь решетку камеры.

Когда мой звонок переключили на мистера Албаниза, я тепло его приветствовал:

— День добрый, мистер Албаниз. Крис Гарднер беспокоит. Как ваши дела?

— Отлично, — ответил он.

— У меня на завтра назначена с вами встреча, но возникли небольшие накладки. Не могли бы перенести встречу на послезавтра?

Судьба была ко мне благосклонна.

— Конечно, нет проблем, — ответил он. — Приходите в шесть тридцать.

— Спасибо тебе, Господи, — сказал я после того, как охранник повесил трубку. Мистер Албаниз помнил обо мне и не забыл о нашей встрече.

На следующее утро я должен был вместе с Джеки предстать перед судьей. Я планировал извиниться и сказать, что нам необходимо найти способ, который нам обоим даст возможность заботиться о Крисе. Было очевидно, что наши отношения с Джеки подошли к концу. Рассчитывал добраться до дома, взять кое-что из вещей и найти место, где можно переночевать и жить дальше. Однако на встречу с судьей Джеки пришла с желанием меня наказать. В результате судья назначил нам новое слушание, которое должно было произойти через несколько недель. Джеки, холодная как лед, ушла из зала и унесла надежды на то, что следующего слушания не будет, я успею с ней помириться или по крайней мере решить конфликт мирным путем.

Единственным утешением было то, что собеседование откроет мне дорогу в новое будущее. Сел в метро и доехал до нашего дома. Мне нужно было собраться, поиграть с Кристофером и выяснить, как смогу с ним видеться после переезда. Решил игнорировать все плохие предчувствия, возникшие у меня в тот день, когда увидел Джеки. Она могла приготовить мне какой-нибудь неприятный сюрприз, но я подумал, что она уже насытилась моей кровью и ничего плохого не должно случиться.

Я спокойно подошел к двери нашего дома. Казалось, у меня нет причин для беспокойства. Однако, взглянув на окно, заметил, что на нем нет занавесок.

«Странно, — подумал я, — очень странно».

Что-то здесь не так. И тут мне словно голову взорвало, когда заглянул в окно и увидел, что в доме совершенно пусто. Нет Джеки. Нет Кристофера. Нет стереосистемы, нет мебели, нет растений в кадках и горшках, нет одежды. На улице нет машины.

Пошатываясь, я шел по тротуару и расспрашивал людей.

— Где мой сын? — вопрошал я у соседей и незнакомцев. — Где Джеки?

Я встретил подругу Джеки.

— Тебе не надо было ее бить, — корила она меня. — Ни о чем меня не спрашивай, ничего не знаю.

Понятное дело, что она все знает. Я в ужасе. У меня такое ощущение, что все всё знают, но мне ничего не говорят. Защищаться и оправдываться перед этими людьми поздно и бесполезно. Джеки и Кристофер исчезли, и с этим придется смириться.

На следующее утро у меня назначено интервью в конторе Dean Witter. Мне надо найти место, где можно переночевать. На мне синие брюки-клеш, майка, бордовая куртка Members Only (по цвету она подходила к спортивной бордовой машине, которая тогда у меня была) и заляпанные краской Adidas, в которых работал. В этой одежде меня забрали в полицию.

Латрелл Хаммонд всего несколько дней назад похоронила сына. Звоню ей, и она разрешила переночевать у нее дома. Латрелл позволила мне постирать мои вещи. В ту ночь мне не удавалось заснуть, потому что со дня рождения Кристофера это первая ночь, проведенная без сына (если не считать десяти дней тюремного заключения). Даже когда заснул, мне не снились сны, а в мозгу, словно испорченная пластинка, крутился один и тот же вопрос: «Где мой сын?»

Глава десятая
Калифорнийская мечта

— Отдел доставок дальше по коридору, — сказал мистер Албаниз в конторе Dean Witter, оторвав взгляд от газеты Wall Street Journal и стоящей перед ним на столе чашки кофе, когда я в 6.15 вошел в офис компании.

К счастью, кроме него, в офисе никого еще нет, поэтому извиняться за свой внешний вид мне пришлось только перед ним. Я успел постирать джинсы, и моя куртка не такая уж мятая. На ногах у меня заляпанные краской кроссовки. По одежде он принял меня за курьера.

— Мистер Албаниз, я Крис Гарднер. У меня с вами встреча в шесть тридцать. Извините, пришел немного пораньше.

— Нормально, — ответил он, — как видите, я рано встаю.

— Я тоже, — кивнул в ответ. Он пристально на меня посмотрел и наверняка задался вопросом, почему я так выгляжу. Мне нужно упредить его вопросы:

— Сегодня самый важный день в моей карьере, и должен признать, что одет неподобающим образом.

— Я заметил, — сказал он. — Что с вами случилось?

Я рассказал ему чистую правду, за исключением того, что успел побывать в тюрьме. Поведал о том, что Джеки вывезла все вещи из дома, украла мою машину и, самое главное, взяла ребенка, после чего исчезла в неизвестном направлении.

— Сегодня самый важный день в моей карьере, и должен признать, что одет неподобающим образом.

Мистер Албаниз внимательно слушал.

— В жизни и не такое бывает, — прервал он мой рассказ. — А вот вы представьте себе, что у меня подобная история повторялась с тремя женщинами!

Оказывается, он трижды был женат и столько же раз разведен. Каждый раз при разводе он терял все заработанное. Мистер Албаниз начал пространно рассказывать о своих бывших женах и о том, как они его «развели». Он говорил о них целых двадцать минут. Надеюсь, рано или поздно он вспомнит, для чего я пришел на собеседование. Поделившись со мной этой полезной информацией, мистер Албаниз вспомнил еще одну вещь:

— Вы не представляете, что недавно выкинула девушка, с которой я сейчас живу.

Я пришел на собеседование, готовый убеждать, что компания не пожалеет, если возьмет меня на курсы брокеров, но пока не могу вставить даже слово. Только киваю и время от времени повторяю: «Бог ты мой!»

Наконец мистер Албаниз выговорился и облегчил душу. Он не задал мне никаких вопросов, встал, отхлебнул кофе и произнес:

— Приходите утром в понедельник. Я лично представлю вас группе подготовки брокеров.

Вот так-то. Закрытые для меня врата Уолл-стрит приоткрылись. Меня взяли! У меня пока нет миллиона долларов, нет красного Ferrari, но меня признали и мою кандидатуру одобрили. Позднее я узнал, что Джеки специально училась водить машину с механической коробкой передач, чтобы забрать ее и вывезти Кристофера на Западное побережье. Всю мою одежду она сложила в хранилище, заперла и взяла ключ с собой. Слава богу, мой внешний вид не смутил мистера Албаниза.

Понятное дело, что я всего лишь ученик и у меня нет никаких гарантий, что в дальнейшем меня примут на работу. В качестве ученика, или интерна, я буду получать от компании тысячу долларов в месяц. По утрам идут занятия, днем я помогаю брокерам, а по вечерам штудирую учебники, чтобы сдать экзамен. У меня не останется ни минуты свободного времени для подработки. Так что денег у меня будет очень мало. И это значит, что до того,

как через месяц получу первый чек, мне надо как-то прожить и уладить кое-какие вопросы.

К следующему понедельнику я договорился с друзьями. Я мог у них переночевать и поесть, а также занять денег, чтобы хватило на поездки в общественном транспорте. Я нашел приятеля, который согласился одолжить мне свой костюм и туфли. Костюм был на два размера меньше, а туфли слишком велики. Утром в понедельник я гордо вошел в офис компании и, к своему удивлению, встретил персону, которую уже видел несколько месяцев назад. Это черный братишка Боб, или Бабочка-Боб; он всегда носит галстук-бабочку и модные очки в роговой оправе. Этот парень окончил Стэнфордский университет, вид у него такой, будто он только что вышел из престижного загородного клуба. Бабочка-Боб — первый афроамериканец, которого приняли в программу обучения брокеров. Я встретил его несколько месяцев назад, когда заходил в брокерскую контору, и разговорился, потому что был очень рад увидеть в таком месте черного братишку.

Этот чувак каким-то образом окончил Стэнфордский университет, что, как мне показалось, было большим, но одновременно и единственным его достижением.

— Слушай, круто, что ты сюда попал! — сказал я ему тогда. — Ну ты молодец! Как тебе это удалось? Расскажи, какие сложности пришлось преодолеть. Что ты сделал, чтобы сюда попасть?

Когда мы с ним познакомились, Бабочка-Боб только что начал обучение на курсах брокеров,

и тогда он по большей части говорил о том, что окончил Стэнфорд, в котором играл в гольф в университетской команде, и вот теперь пытается пробиться в мире финансов. Он быстро сообразил, что я не имею диплома и вообще не учился даже в колледже, не состоял в привилегированных клубах и не играл в гольф. Понял, что не могу быть ему ничем полезен, и начал меня избегать, время от времени посматривая на меня взглядом, в котором я читал немой вопрос: «А ты вообще из какой дыры сюда приперся?»

Я не знал о том, где он вырос. Бабочка-Боб мог сам родиться и вырасти в гетто. Но этот чувак каким-то образом окончил Стэнфордский университет, что, как мне показалось, было большим, но одновременно и единственным его достижением. В университете он стал белее, чем сами белые. В общем, это был черный парень, который косил под белого. Вот и все, что я про него понял.

К своему удивлению, я обнаружил, что Боб все еще болтается в подвале здания, в котором проходили курсы брокеров, потому что уже три раза завалил тест и не сдал экзамен на брокера. Однако за эти месяцы его поведение кардинально изменилось: из черного, который из кожи вон лез, чтобы быть похожим на белого, он превратился в чернокожего радикала. Бабочка-Боб тут же заявил мне, что в компании много людей с расовыми предрассудками и на тесте «режут» всех черных.

— Неужели? — удивился я, в душе сомневаясь в правдивости его слов.

— Чувак, ты тест точно не сдашь, ручаюсь, — заявил он. — Они тебя отсеют как пить дать.

С первого дня занятий было понятно, что надо сдать тест с первого раза. Бизнес есть бизнес. Многие компании сейчас стремятся продемонстрировать, что они дают возможность развиваться и делать карьеру чернокожим сотрудникам, но вряд ли в конторе будут терпеть одновременно двух черных, которые к тому же не могут пройти тест. Знал, что у меня будет только одна попытка. И прекратил общаться с Бабочкой-Бобом, словно у него появилась заразная болезнь. Он несколько раз позволил себе реплики о том, что в компании недолюбливают черных. Мне надоело это выслушивать, и я решил поставить его на место:

Купер заметил, что я очень дисциплинированный и упертый, даже когда потенциальные клиенты посылают меня на три буквы.

— Боб, ты же окончил Стэнфорд? Чего ж ты мне говоришь, что кто-то недолюбливает черных? Что за хрень ты несешь?! Ты учился в Стэнфорде, где преподавали все то, что сейчас нужно сдавать!

С тех пор он больше ко мне не подходил.

Я стал искать брокера, у которого мог бы поучиться, и прибился к Энди Куперу, сидевшему в углу зала. Он был одним из самых успешных брокеров и занимался продажей налоговых убежищ[1].

[1] Налоговые убежища — небольшие островные или прибрежные государства и территории, которые проводят политику привлечения капиталов из-за рубежа путем предоставления широких налоговых льгот.

Все это происходило еще до изменений в налоговом законодательстве, которые пошатнули роль налоговых убежищ. Налоговые убежища были очень выгодными как для клиента, так и для брокера, получавшего хорошую комиссию. Для того чтобы продать потенциальным клиентам идею налогового убежища, их приглашали на семинар.

Я не забыл советы Боба Бриджеса и помнил о том, что брокер должен упереться рогом и каждый день делать определенное количество звонков. По регламенту компании я должен был делать по двести звонков в день, не падать духом и не сдаваться, даже если бо́льшая часть этих звонков окажется безрезультатной. Купер заметил, что я очень дисциплинированный и упертый, даже когда потенциальные клиенты посылают меня на три буквы. Он дал мне задание обзванивать своих потенциальных клиентов и приглашать их на свой семинар, на котором окучивал клиентов и получал комиссионные. Я был всего лишь интерном и слушателем курсов, поэтому мне за мой труд ничего не полагалось, кроме стипендии. Но меня это тогда совершенно не огорчало. Я хотел научиться ремеслу брокера и приобрести опыт.

В минуты, которые не были посвящены учебе, работе и подготовке, я думал о Кристофере и мечтал снова с ним встретиться. В то время у меня не было своей квартиры, и я жил у матери Латрелл, где у меня была комнатенка. Иногда ночевал на полу у Леона Вебба и очень редко в квартире старого приятеля Гарвина.

Я тогда этого даже не понимал, но у меня вырабатывалась привычка быть постоянно в движении и переезжать с места на место. Даже не подозревал, насколько эта привычка поможет мне в жизни. Как только получил свой первый чек, сразу купил себе приличный костюм. Один костюм был на мне, другой в пластиковом чехле на молнии я носил на руке. На плече у меня была сумка с книгами и туалетными принадлежностями. Все нужное было при мне. Через некоторое время понял, что могу переночевать под своим столом в офисе. В любом случае я уходил последним и появлялся в офисе по утрам первым.

Я знал, что в отличие от Бабочки-Боба, которому давали новый шанс после того, как он заваливал экзамен, или Дональда Тернера, старший брат которого был одним из самых хорошо зарабатывающих брокеров в конторе, у меня будет всего один шанс, чтобы сдать тест. У этих ребят было то, чего у меня в жизни не было. У них уже имелась своя инфраструктура, так сказать. Дональд упорно трудился, но если он не сдаст экзамен, его старший брат наверняка замолвит за него словечко. Мне оставалось полагаться только на самого себя. У меня не было ни покровителей, ни запасного плана на случай провала, и я не мог рассчитывать на социальную помощь. Все зависело от меня. И если для достижения своей цели мне приходилось спать под офисным столом, то я был готов к этому.

Если ты умеешь читать, то можешь узнать все, что тебе нужно.

Через пару ночевок в офисе я понял, что экономлю много времени и денег. Мне не надо было тратиться на городской транспорт и заправлять постель. Я просто ложился на ковролин и спал; проснувшись, шел в туалет, чистил зубы, умывался, подмывался, вытирался бумажными полотенцами и мазал под мышками дезодорантом. Иногда по нескольку дней ходил в одном костюме, иногда менял костюм и рубашку, которые хранились в пластиковом чехле. Когда первый сотрудник входил в офис, я был уже на телефоне, чтобы не терять времени и успеть сделать двести обязательных звонков. По вечерам старался закончить пораньше, чтобы успеть позаниматься.

На протяжении последующих недель меня спасала и поддерживала исключительно сила воли. Я полностью концентрировался на телефонном разговоре. Старался быть позитивным, не тратил попусту ни своего времени, ни времени человека, с которым разговаривал, был дружелюбным и говорил только по делу. Я был дисциплинированным и звонил, звонил, звонил. Вечерами занимался по учебникам. Хотя информация в них была сухой, как подошва старого башмака, и сугубо практического толка, я заставил себя поверить, что это самые захватывающие и интересные книги на свете. Я вспоминал слова матери о том, что публичная библиотека — самое опасное место на Земле, потому что если ты умеешь читать, то можешь туда прийти и узнать все, что тебе нужно. Я убедил себя, что книги помогут мне сдать экзамен и обеспечат пре-

имущество перед остальными слушателями курса обучения брокерскому делу.

Когда мой мозг был готов взорваться и у меня не оставалось сил, говорил себе, что должен учиться, потому что знания дают силу, и только обладая силой, можно стать свободным. Представлял себе, как Малкольм Икс сидит в тюрьме и учится по словарю[1].

Мне не удалось узнать, где скрывается Джеки с Кристофером, но однажды Джеки сама меня нашла. Первый раз она позвонила, когда я ночевал у Латрелл. Я взял из рук Латрелл трубку. Джеки молчала. В трубке слышался плач Кристофера. Я тоже молчал, хотя все в душе содрогалось. Джеки несколько раз звонила и заставала меня по разным адресам и каждый раз молчала, а я каждый раз слышал крики и плач Кристофера, который находился рядом с Джеки. Меня выводили из себя эти звонки, но я не терял выдержки. Мне помогала подготовка в ВМФ, а также унаследованное от матери умение молчать в тяжелых и критических ситуациях. После каждого звонка у меня в ушах еще долго раздавался щелчок прерванной телефонной связи.

Каждый раз после такого звонка я мысленно переключал канал и находил «частоту» того, что учил в тот момент, когда меня прервали. Иногда, чтобы не расслабляться, вспоминал о Бабочке-Бобе,

[1] В шестилетнем возрасте Икс лишился отца, который, по слухам, был убит белыми расистами. Семь лет спустя мать Малкольма поместили в психиатрическую больницу, а мальчика передали в приемную семью. В двадцать лет он был осужден за кражу со взломом.

и эта мысль придавала мне сил. Чтобы сдать тест, надо было знать такие темы, как финансовые инструменты, продукты, акции, ценные бумаги, муниципальные и корпоративные облигации, конвертируемые бумаги, а также все правила и установки, с ними связанные.

Эти темы обычно не изучались в колледжах при получении степени магистра управления бизнесом. Тест состоял из двадцати вопросов с вариантами ответов и был разбит на несколько разделов: опционы, обыкновенные акции, задолженность, муниципальные и корпоративные финансы, а также правила и регуляторы рынка. Если соискатель не отвечал на минимум вопросов по одному из этих разделов, он автоматически выбывал из игры. В целом для прохождения теста надо правильно ответить на семьдесят процентов вопросов.

Моей стипендии хватило на то, чтобы снять комнату в общежитии в Окленде неподалеку от финансового центра и озера Лэйк-Мерритт. По сути, это было скорее не общежитие, а приличная и довольно чистая ночлежка, в которой даже три раза кормили без ограничений — «ешь, сколько хочешь». В этой ночлежке жили самые странные люди: психически больные, алкоголики и наркоманы. Эти люди были на грани деградации. Я нисколько не хочу их осуждать, но это были не те люди, с которыми у меня было много общего и с которыми хотелось бы общаться. Я жил в этом месте только потому, что не мог позволить себе ничего другого. Это было место, где я мог спать, есть и учиться.

Кроме того, мне часто приходилось подготавливать все необходимое для семинаров Энди Купера. Вместе с другим слушателем курсов обучения брокерскому делу Дональдом Тернером мы не только с нуля обзванивали клиентов, но и направляли им по почте информационные материалы, делали повторные звонки, а также расставляли в комнате перед началом семинара сэндвичи и прохладительные напитки. Возможно, клиенты об этом не догадывались, но я не выбрасывал оставшиеся после семинара сэндвичи. Я был постоянно голоден, поэтому съедал их.

Я начал обдумывать, чем заняться после экзамена и как строить карьеру в компании Dean Witter. После долгих размышлений пришел к выводу, что не стоит связывать свое будущее с Энди Купером и его командой. У Дональда Тернера не было особого выбора после сдачи экзамена: его старший брат работал в конторе и был одним из самых продуктивных и хорошо зарабатывающих брокеров. Дональду нельзя было ударить лицом в грязь, и именно поэтому он всегда держался напряженно.

Дональд должен был выдавать хорошие результаты, и его брат зачастую подбрасывал ему своих клиентов и помогал информацией. От стресса и напряжения бледное лицо Дональда становилось еще бледнее. Он был приблизительно моего возраста, гладко выбритый, с рыжими, зачесанными на пробор, как у школьника, волосами. У него был тонкий и высокий, почти детский, голос, и каждый свой звонок он заканчивал словами:

— Хорошо, бай-бай.

«Какой еще к черту «бай-бай»?! Клиенты тебе что — приятели? Разве нельзя, как все нормальные люди, сказать «гуд-бай»?» — хотелось его спросить.

И между прочим, ему всегда давали перспективных клиентов, которые уже проявили свой интерес. Я же звонил людям с нуля — я не знал их, они не знали меня. Им было знакомо только название нашей компании, и поэтому они были готовы выслушать. «В танце» я понял, что в работе важны три принципа. Во-первых, надо выполнять дневную норму звонков. Во-вторых, во время разговора нужно безошибочно угадать, попался ли мне просто разговорчивый, но бесполезный человек или это потенциальный покупатель. И наконец, я должен был уметь довести дело до продажи, то есть «закрыть» клиента. Для меня все это стало своего рода игрой — угадать, собирается ли человек мне отказать, и самому быстро закончить разговор, чтобы скороговоркой произнести «Спасибо-большое-хорошего-вам-дня» и повесить трубку.

Сколько бы денег ни лежало в моем кармане, сколько бы ни стоил костюм на моих плечах, никто и ничто не мешало мне вести себя так, будто я уже победитель.

В этом случае я выигрывал при любом раскладе и окончании разговора. Стремился не быть грубым и обязательно благодарил человека: «Большое вам спасибо, хорошего дня» — и произносил эту фразу как можно быстрее. Я был вежливым, и мне не приходилось расстраиваться из-за того, что потенциальный клиент закончил разговор отказом или

просто повесил трубку. В этом случае, кроме прочего, в хорошем свете выглядела и компания, на которую я работал. Я звонил со старого дискового телефона, диск которого щелкал, как колесо лотерейного «лохотрона».

Когда делал короткую паузу между звонками или мне не надо было на чем-то концентрироваться, я вспоминал Кристофера. Меня накрывали мысли о том, что я совершенно беспомощный и пока ничего не могу сделать, чтобы вернуть сына.

Несомненно, остальные слушатели курсов обучения брокерскому делу замечали мою целеустремленность. Но я не был обязан объяснять им все свои проблемы и обстоятельства личной жизни. Вспоминал то время, когда хотел стать актером, а также ответ матери на мою просьбу дать мне пять долларов. Тогда мать предложила мне сделать вид и вести себя так, будто пять долларов уже лежат в кармане. Эта простая мысль быстро охладила мой пыл стать актером. Однако во время работы и учебы в брокерской конторе мне открылся новый смысл в словах матери. Сколько бы денег ни лежало в моем кармане, сколько бы ни стоил костюм на моих плечах, никто и ничто не мешало мне вести себя так, будто я уже победитель. Вскоре я стал хорошим актером и вел себя так убедительно, что и сам поверил в свою игру. И начал думать так, словно уже сдал тест и должен решить, что делать дальше.

Каждое утро и каждый вечер, сидя в вагоне метро по пути на работу и домой, я размышлял о том, как правильно поступить. Меня стала угнетать система

взаимных одолжений, в которой случайно оказался. Я осознал, что если буду продолжать работать с Энди Купером, то стану пешкой в его команде, человеком, подбирающим объедки с барского стола, и буду подхватывать только те проекты, которые он сам не успевал или не хотел делать. Бесспорно, это был безопасный путь для построения карьеры с нуля и наработки собственной клиентской базы. Более рискованным, но одновременно и более прибыльным путем было бы начать работать на себя и создавать собственную нишу. Я был новичком, еще не сдавшим тест, но уже размышлял о будущей стратегии. Мое поведение вполне можно было бы назвать чрезмерно самоуверенным, наглым или даже глупым. Однако, присматриваясь к работавшим в конторе наиболее успешным брокерам, я понял, что все они работали исключительно на себя. Они вкладывали время в исследования и использовали традиционные и нетрадиционные способы, чтобы деньги их клиентов приносили больше дохода их владельцам, а также им самим в виде комиссии.

Одним из наиболее успешных независимых брокеров был некто Дейв Террас. У него был самый большой офис по сравнению с другими брокерами, который находился в той части зала, где сидели уважаемые брокеры. Я вместе с другими новичками часто оказывался в комнате, отделенной от офиса Дейва стеклянной перегородкой, и внимательно следил за тем, как он делает свое дело. Он работал сосредоточенно, по-деловому, не позволял себе никаких понтов и показухи, не произносил красивых

слов и не использовал цветастых выражений. Не думаю, что он зарабатывал больше Энди Купера, но он работал на себя, ни от кого не зависел и был в свободном полете. Мне понравилась такая схема и такой подход. Я сделал свой выбор. И, как показала жизнь, поступил правильно, когда не стал связывать свою судьбу с налоговыми убежищами, как это сделали Энди и его команда, которые много потеряли, когда налоговое законодательство изменилось.

Настал день сдачи теста. Дональд Тернер выглядел еще более напряженным, чем обычно. Казалось, если он не сдаст тест, то наложит на себя руки. Бабочка-Боб в тот раз не проходил тест. Скорее всего, он строчил жалобы, что его зажимают по расистским соображениям. Вполне возможно, что в день сдачи теста остальным интернам я мог показаться слишком расслабленным и спокойным. На самом деле это было не так. Внешне я, вероятно, и выглядел спокойным, но моя кровь превратилась в адреналин. Чувствовал себя идущим в атаку воином, подобно гладиатору, готовым сразиться с сильным и опасным противником. Я подготовился к тесту и знал ответы на вопросы. Меня не смогут остановить никакие расистские предрассудки. Тест показался мне простым. Я выполнил первую половину, и у меня даже осталось время до начала перерыва. После перерыва так же быстро закончил вторую часть теста.

Мне не с кем было отметить свою победу, никто не понимал, что она для меня значила.

Результаты теста должны были огласить через три дня. Вот тогда я действительно волновался. Все

три дня мысленно возвращался к заданиям и данным мной ответам. Что, если вопросы только показались мне простыми? Может быть, это были вопросы с подковыркой или скрытым двойным смыслом? Что будет, если выяснится, что я все-таки не сдал тест? Мне постоянно приходилось внушать себе: не волнуйся. Что сделано — то сделано. После драки кулаками не машут.

Один из помощников менеджера отделения позвонил мне, когда я был в общежитии.

— Томительное ожидание закончилось, — сказал он и смолк в ожидании моей реакции.

Я молчал и ждал, что он мне скажет.

— Ты прошел тест, Гарднер, — продолжил он и усмехнулся, наверняка представляя себе, с каким облегчением я вздохнул. — Ты набрал восемьдесят восемь процентов из ста. Очень хороший результат.

В этот момент я не удивился и даже не почувствовал радости. Я был просто благодарен ему за то, что он сообщил мне эту новость. Сидя на краю кровати в своей комнате, я ни о чем не думал и просто глубоко и размеренно дышал. Мне не с кем было отметить свою победу, никто не понимал, что она для меня значила. Я так и не узнал, прошел ли тест Дональд Тернер. Но был совершенно уверен, что братишка Бабочка-Боб явно будет не в восторге от новости.

Так что же все это значило? Это значило, что я прошел всего лишь один тест и меня взяли в олимпийскую сборную. Тренировки закончились, и я был готов к соревнованиям. Мне предстояло вернуться ко всему тому, чем занимался: надо было

продолжать обзванивать людей с нуля. Я должен был создавать собственную клиентскую базу, звонить и «закрывать» клиентов, искать свою нишу. Можно сказать, что я просто поднял ставки. Компания вложила деньги в мое обучение и теперь хотела видеть результаты. Но кое-что все-таки изменилось. Теперь мне уже ничего не надо было доказывать. Мне надо было начинать производить. Я был спокоен и уверен в себе. Наконец-то могу получить лицензию брокера.

Приблизительно через месяц после этих событий я встретился с Джеки в кафе в Беркли. Она сидела напротив меня. Я старался быть спокойным и не реагировать на ее фразы.

Прошло уже четыре месяца с тех пор, как она уехала и увезла сына. Она взяла мою машину, которую мне больше было не суждено увидеть. Мы только что вышли из здания суда. Во время судебных слушаний события развивались совершенно непредсказуемым образом.

За несколько дней до судебного слушания по нашему делу Джеки позвонила мне и на этот раз не играла в молчанку. Она не позволила мне поговорить с Кристофером и не сказала, где они находятся. Вместо этого она сообщила мне некоторые подробности своей жизни. Например, сказала, что специально научилась водить машину с механической коробкой передач, чтобы уехать подальше от меня, а также то, что у нее появился хороший адвокат. Ее адвокат на деле оказался чернокожим бра-

тишкой, совершенно бесполезным и безграмотным с профессиональной точки зрения. Когда я вошел в здание суда со своим адвокатом (мне пришлось заплатить ему львиную долю зарплаты, полученной за первый месяц работы), выяснилось, что ее адвокатом был предоставленный государством защитник, а свидетелем — один из полицейских, который меня арестовал.

Меня удивило решение Джеки не выдвигать против меня каких-либо обвинений. У меня сложилось впечатление, что Джеки готова к примирению, которое только окрепло после того, как она предложила пойти поговорить.

Хорошо, поговорить так поговорить. Судя по всему, ей известно, где я живу и что успешно сдал тест. Однако напрямую она не касалась этой темы. Может быть, не хочет признавать, что в свое время считала это невозможным. Может быть, ей говорили о том, что, расставшись со мной, она во многом проиграет. Возможно, чувствует, что я смогу осуществить свои мечты, а она останется у разбитого корыта. В любом случае она не поздравила меня с лицензией брокера и получением работы. У Джеки есть кое-что, что мне очень нужно, а именно наш сын. Ну и у нее остались мои вещи из прежней квартиры. Впрочем, мои старые вещи мне уже особо не нужны.

Первые месяцы работы показали, что решение не присоединяться к команде Энди Купера стоило мне денег. В первый месяц мои комиссионные составили всего тысячу двести долларов. Если бы я остался на подхвате и помогал заключать кон-

тракты в команде Энди, то заработал бы гораздо больше. Но в команде Энди мне бы доставались только мелкие клиенты, с которыми Энди не хотел возиться сам. Я стремился стать независимым и нарабатывать свою клиентскую базу. Это был мой собственный выбор. Мне хотелось иметь возможность больше зарабатывать, но при этом неизбежно попадал в ситуацию неизвестности, потому что терял тот минимум, который определенно заработал бы в команде Энди. Я совершенно четко понимал, на что иду и в какую ситуацию впутываюсь. Знал, что X звонков дает X потенциальных клиентов, приводит к X реальных продаж и X комиссионных долларов. Получалось, что из двухсот звонков десять процентов людей заинтересовывались моим предложением, и половина из них превращалась в реальных покупателей, которые совершали больше одной покупки, и только после первой покупки я начинал делать на них реальные деньги. Я подходил к телефону, как к станку, улыбался и звонил, звонил, звонил. Я хорошо работал на телефоне, и это заметили некоторые сильные брокеры, которые стали предлагать мне работать с ними в команде, чтобы увеличивать собственные продажи. Каждый раз, когда получал очередное предложение присоединиться к какому-нибудь брокеру, испытывал благодарность за то, что человек дает мне возможность работать в своей команде, но неизменно отвечал:

— Нет, я отклоню ваше предложение, потому что хочу создать собственную клиентскую базу. Но в любом случае спасибо за ваше предложение.

Благодаря своим усилиям практически каждый день я становился «брокером дня». На первых порах этот титул звучал как нечто лестное. «Брокер дня» — это брокер, который привел в контору наибольшее число новых клиентов за день. Клиенты посещали офис и приносили свои деньги. Обычно приходили люди, которые уже знали, во что вложить свои средства. В 1982 году в Сан-Франциско, в этом бывшем культурном центре хиппи с идеями свободной любви и мира на Земле, было все еще достаточно людей с расовыми предрассудками. Люди, впервые приходившие в офис компании, не ожидали увидеть перед собой чернокожего брокера. Не думал, что мой цвет кожи в этом случае будет играть мне на руку, но факт оставался фактом. То, что я был черным, меня самого, понятное дело, нисколько не смущало, и я заводил с клиентами деловой разговор:

Крис Гарднер — ну кто может заподозрить меня в том, что я черный? С таким именем я мог бы быть блондином и расистом.

— День добрый! Вы хотите приобрести акции Ginnie Mae?

Или разговор с клиентом мог строиться несколько иначе:

— Вы хотите отложить что-нибудь на будущее, на старость или для ваших внуков? У меня есть выгодные предложения.

Несколько раз происходило следующее. Я общался с клиентом, предлагал ему инвестиционную стратегию, но клиент заключал договор с другим

брокером, который и получал комиссию за продажу. Почему?

— Понимаешь, — объяснил мне менеджер отделения, — клиент хотел заключить договор с брокером, обладающим большим опытом, чем ты.

Когда в первый раз услышал подобное объяснение, дико разозлился, но смолчал. Когда же во второй раз услышал от менеджера отделения то же самое, не сдержался:

— Давай-ка разберемся с этой ситуацией. Человек хотел купить акции Commonwealth Edison, верно? Для получения дивидендов компании клиенту совершенно неважно, через какого брокера он заключил договор. Мы говорим об одной и той же компании и об одинаковом количестве акций. Но клиент неожиданно захотел заключить договор у другого брокера. Почему получается, что комиссию за клиента, которого привожу и обрабатываю я, получает другой брокер?

На самом деле ответ на мой вопрос был прост. Белые не привыкли и не хотели общаться с чернокожим, даже несмотря на то, что их нашел и сделал им предложение именно я, а заключив договор, они зарабатывали приличные деньги. Но я ничего не мог с этим поделать, и мне оставалось снова браться за телефонную трубку, набирать номер, улыбаться и говорить. Я понимал, что хорошо делаю свою работу. Если во время телефонного разговора мне удавалось наладить контакт с клиентом — это было замечательным началом. Дело в том, что, в отличие от многих черных, я не разговаривал, как они. По

телефону было сложно понять, что я чернокожий. Возможно, я говорил, как белый, потому что мне легко дается изучение языков и я чувствую интонацию. К тому же у меня англо-саксонское имя. Крис Гарднер — ну кто может заподозрить меня в том, что я черный? С таким именем я мог бы быть блондином и расистом.

И тогда понял, что телефон — лучшая защита от того, чтобы клиент не увидел во мне черного. Я начал отговаривать клиентов от посещения офиса и раннего заключения договора (так поступало большинство брокеров).

— Хорошо, — говорил я клиентам, которые приняли решение вложить с моей помощью деньги, — давайте вот как поступим. Я открою на ваше имя брокерский счет, вы отправите мне чек, и мы начнем работать. Вам удобнее выслать чек или перевести деньги через банк?

Если клиенты сами выказывали желание посетить офис, у меня имелась прекрасная отговорка:

— Нет, не стоит. У нас в офисе очень шумно, потому что очень много брокеров. Гораздо удобнее уточнить все детали по телефону.

Прошло четыре месяца, как Джеки ушла и увезла с собой Кристофера. Мои дела шли в гору, но успехи пока не выражались в больших гонорарах. У меня не было убедительного свидетельства своего успеха, который мог бы повлиять на Джеки.

Мы встретились с Джеки в кафе, и я намеками дал ей понять, что мои дела идут все лучше и лучше. Она положила на столик ключ от хранилища, в ко-

тором находятся мои вещи. Конечно, я с бо́льшим удовольствием увидел бы своего сына, но получение этого ключа тоже большая победа. Джеки отказывается дать то, что дороже всего для меня, — сына. Поэтому взял ключ, положил его в карман и ушел.

«Что ж, — подумал я, — мне, конечно, еще некуда перевозить свои вещи, но по крайней мере могу взять из хранилища одежду и мой любимый кейс Hartman, который купил год назад».

Я заехал в хранилище и вернулся в общежитие. Повесил костюм, чтобы он проветрился, и уставился на свой кейс, обтянутый коричневой кожей. В свое время я выложил за него целых сто долларов. В этот момент раздался стук в дверь. Три стука — два практически без паузы, а третий после некоторого перерыва. Странно, именно так раньше стучала в дверь Джеки. Но маловероятно, что это она.

Открыл дверь и увидел на пороге Джеки. И она не одна — у нее на руках был Кристофер. Бог ты мой, наконец-то я вижу своего сына! Ему уже девятнадцать или двадцать месяцев, а внешне он похож на трехлетнего ребенка. Он прекрасен. Я настолько удивлен, что, кажется, потерял дар речи.

И удивился еще больше, когда Джеки передала мне Кристофера.

— Вот, держи.

Я заметил за ее спиной синюю коляску и огромную сумку. Она передала мне эти вещи.

— Возьми, — сказала она.

Я держал Кристофера на руках, не понимая, что происходит.

Постепенно до меня дошло, что она не просто пришла показать мне сына, а намерена его у меня оставить.

Наш разговор с Джеки был очень коротким. Она устала воспитывать и заботиться о ребенке одна и хочет посвятить больше времени своей карьере. Я чувствовал, что она сожалеет о том, что в свое время увезла Кристофера из штата и не обсудила со мной, как мы будем делить ребенка. Однако напрямую всего этого она не сказала. Она сообщила мне, что находится в сумке, показала огромную упаковку памперсов, сказала, как часто их надо менять, предостерегала, чтобы я не закармливал ребенка конфетами, и ушла.

Время течет по-другому, когда ты бездомный.

— Кристофер, — сказал я, — ты даже не представляешь, как я по тебе скучал!

— Я тоже по тебе очень скучал, — ответил он. Кристофер уже научился говорить законченными предложениями. Вид у него такой, словно жизнь его помотала и многому научила.

Хотя, впрочем, может быть, все это мне только померещилось. Мне ясны две вещи. Во-первых, я теперь с сыном и ничто в мире не сможет нас разлучить. Это главное. И второе: знаю, что мы оба остались без крыши над головой.

Время течет по-другому, когда ты бездомный. Кажется, что переживаешь разные времена года в течение одного дня, особенно в Сан-Франциско. Здесь

в течение суток бывает зима, весна и лето. Во время светового дня рабочей недели кажется, что время ускоряется. А вечерами и ночами возникает такое ощущение, что время ползет или стоит на месте.

Когда ты бездомный, у тебя что-то происходит с памятью. Ты всегда на ногах, в непрерывном движении, перемещаешься с места на место. У тебя нет постоянного адреса, ты как перекати-поле. Тебе сложно вспомнить, когда именно произошло то или иное событие: было ли это вчера, неделю или месяц назад.

Так как же такое случилось? Почему я вдруг стал бездомным, имея работу в брокерской компании Dean Witter? Очень просто: в моем общежитии нельзя было проживать с детьми. И исключений из этого правила не делали ни для кого. В прошлом остались те дни, когда я мог переночевать на диване у друзей. Я и так утомил своих друзей просьбами переночевать у них, когда учился на брокера, но напроситься на ночлег, а потом добавить, что я, мол, еще и с маленьким ребенком, — это было бы слишком. Девушки, с которыми я встречался, были готовы принять меня одного, но появиться у них с активным и любознательным малышом было бы совсем неуместно.

Джеки оставила у меня Кристофера в пятницу. Мне еще повезло, потому что в ночь с пятницы на субботу меня бы точно не выгнали, и у меня было время понять, куда нам с Кристофером податься. Получалось, что за выходные надо было решить, где мы будем жить, и к понедельнику найти Крису детский сад.

В субботу мы вышли на улицу, обвешанные нашими вещами. Крис сидел в коляске, а я тренировался в новом умении балансировать с вещами в руках. Мы шли и по пути выясняли цены и условия проживания в самых разных мини-отелях и хостелах. В моей голове крутилось несколько вопросов, сводящихся главным образом к двум: «Что делать?» и «Как делать?». Я ни за что не брошу Криса. Внутренний голос говорил: «Чувак, даже не надейся, что тебе кто-нибудь поможет. Спасать тебя некому».

Детские садики по четыреста долларов в месяц были мне не по карману. Знал, что в любом случае придется потратить около шестисот долларов в месяц на оплату жилья, а прожить месяц без еды, детских подгузников и расходов на городской транспорт было нереально. Из телефона-автомата я позвонил нескольким знакомым и расспросил их о детских садиках. Мне посоветовали один детсад, но тот оказался слишком дорогим, и к тому же в него не брали детей, которые еще не научились самостоятельно пользоваться горшком.

— Не расстраивайся, дорогой, — сказал я сыну, когда мы выходили из детского сада на улицу. — Мы обязательно тебе что-нибудь найдем, хорошо?

Мы шли по улице, и я надеялся, что вскоре смогу оплачивать дорогой детский сад. Неожиданно увидел надпись: «Детский сад «ЩАСТЬЕ».

Некоторое время стоял в раздумье: смогут ли хорошо заботиться о детях в заведении, если его сотрудники даже название детского сада не в состо-

янии написать правильно. Меня мало волнует, как учились в школе те, кто так назвал садик, но хочу, чтобы мой сын говорил и писал правильно.

— Слово СЧАСТЬЕ пишется через СЧ, а не через Щ, — сказал я Кристоферу. — Понимаешь? Слово СЧАСТЬЕ правильно надо писать с буквами СЧ.

— Хорошо, пап, — ответил Кристофер и повторил по буквам: — С-Ч-А-С-Т-Ь-Е.

— Это серьезное слово, — сказал я. Надеюсь, что смогу обеспечить ему в ближайшем будущем счастливое детство, а себе достойную жизнь.

Впрочем, когда позвонили мисс Луеллен и мисс Бетси, которые держали у себя на дому небольшие частные детские сады, я уже не думаю о том, правильно ли они учат детей писать. Потом позвонил еще одной даме, которая живет на Тридцать пятой улице. У этой дамы, как и у предыдущих, нет лицензии на работу с маленькими детьми. Женщина на Тридцать пятой улице сказала, что я могу привести Кристофера в понедельник и платить ей можно в конце каждой недели. Она брала по сто долларов в неделю. У меня не было никаких накоплений, поэтому такая система оплаты меня устраивала. Я совсем не уверен, что это тот детский садик, в котором мне хотелось бы оставлять сына, но это лучше, чем ничего.

Моя новая философия — где бы мы ни находились, надо радоваться тому, что есть.

В ту ночь мы остановились в Западном Окленде в отеле «Пальмы». Во дворе отеля растет одна

пальма, а другая — в пятидесяти метрах от здания на углу улицы. Насколько я понимаю, все местные обитатели — проститутки. Соседство с проститутками меня особо не волновало, тем не менее я запирал дверь номера на два оборота ключа и включал телевизор погромче, чтобы не было слышно звуков искусственной страсти из соседних номеров.

Комната стоила двадцать пять долларов в сутки. Там были телевизор, кровать, стол, стул и ванная. И теперь далеко вперед я не загадывал. Мы были за закрытой дверью, над головой крыша, вокруг стены, и это уже хорошо. Моя новая философия: где бы мы ни находились, надо радоваться тому, что есть.

Однако, когда стал задумываться, что нас ждет в будущем, должен был признать, что перспективы рисовались вполне неплохие. Я уверен в будущем, и меня не смущало, что оплата отеля и детского садика съест все наши деньги. Но как только мы вошли в помещение, где устроен детский садик, Кристофер начал плакать и кричать.

Это ужасно. Возможно, он почувствовал, что я не горю желанием оставлять его на весь день у незнакомых людей, но у меня нет другого выбора.

— Я вернусь, я вернусь, — твердил я, пятясь к двери. Я и сам был готов расплакаться, но только скороговоркой повторял: — Я вернусь, я вернусь.

Когда забирал его вечером, он несся мне навстречу и чуть не прыгнул мне на руки.

— Ну вот видишь, я вернулся, как и обещал.

На следующее утро Кристофер кричал еще громче по пути в детский сад. Едва мы свернули на Тридцать пятую улицу, он начинал вопить. А я повторял, как мантру:

— Я вернусь, я вернусь.

Ночи стали длиннее, а воздух холоднее. Когда забирал его из детского садика, мы отправлялись куда-нибудь поесть. Нам надо посидеть в тепле и съесть чего-нибудь дешевого и горячего.

— Не-е-т, чувак, — обращался я к нему, как взрослому. — Мы долго не сможем жить в отеле, он слишком для нас дорогой. Ты помнишь наш маленький дом в Беркли? Вот это был наш дом, мы его снимали. А жить в отелях — радость маленькая.

— Не плачь, — сказала девушка, достала из лифчика пятидолларовую банкноту и дала ее моему сыну.

Кристофер смотрел на меня и хмурил лоб.

Мы жили в районе, в котором кругом проститутки, наркоманы и алкоголики. У нас не было своего дома, мы — словно дерево без корней. Нам никто не помогал, и мы могли рассчитывать только на самих себя. Вокруг постоянный шум и много света. Отель расположен в центре злачного квартала, машины сигналили, люди кричали, музыка гремела. Включенный телевизор немного заглушал уличный шум. Я сидел и думал, как жить дальше.

Впрочем, совершенно неожиданно в этом квартале я столкнулся с проявлениями человеческой доброты. Однажды мы с Кристофером возвраща-

лись в отель, и к нам подошла одна из чернокожих проституток. Видимо, она и ее подруги уже приметили нас раньше. Мы с Кристофером каждое утро отправлялись в сад и каждый вечер возвращались в отель. Папа-одиночка с сыном в таком квартале — большая редкость. Наверняка проститутки подобного в этих местах еще не видели.

— Привет, мелкий ты мой сводник, — сказала проститутка, обращаясь к Кристоферу, подошла к нему и протянула леденец: — На, возьми.

— Нет, нет, — возразил я, помня наказ Джеки не давать Кристоферу конфеты, — не надо ему ничего сладкого давать.

Кристофер, услышав это, начал плакать.

— Не плачь, — сказала девушка, достала из лифчика пятидолларовую банкноту и дала ее моему сыну.

Думаете, я стал возражать против подарка? Ничуть. Да и Кристофер, кажется, был рад деньгам даже больше, чем конфете. Молодец. Умница.

— Спасибо, — пробормотал я. Девушка, наверное, даже и не подозревала, что эти деньги я потрачу на ужин в расположенном поблизости ресторанчике под названием Mosell's. Нам с сыном нравилось, что в этом заведении готовили по-домашнему.

После этого случая черная сестричка и некоторые ее подруги стали регулярно давать Кристоферу деньги. Скажу больше: иногда без их помощи мы с Кристофером остались бы без ужина. Порой, когда денег у меня совсем не было, я сознательно мед-

ленно катил коляску по тротуару в том месте, где обычно стояли девушка и ее подруги, и украдкой посматривал по сторонам, пытаясь понять, вышли ли они на работу. В помощи этих женщин было что-то очень благородное. Они никогда ничего не просили взамен. То, что они делали, было проявлением их доброты. В безденежные дни, бродя по пустыне жизни, я мог надеяться только на то, что Господь пошлет нам через них свою манну небесную.

С тех пор никогда не позволял людям в моем присутствии неуважительно отзываться о проститутках. Я не отношусь к сторонникам проституции, но считаю, что это личное дело женщин и ко мне не имеет никакого отношения.

Мое дело — работать на Уолл-стрит.

Я улыбался и звонил. Я был повелителем телефона, господином телефонной связи, идеальным продавцом, обзванивавшим людей с нуля. Это был мой способ заработка. Мой выход из сложившейся жизненной ситуации. Каждый из двух сотен звонков, совершенных за день, был словно чайной ложкой земли, которую я копал, чтобы прорыть туннель и выбраться из тюрьмы. Конечно, я оставлял сына не в самом лучшем детском саду, и у меня не было времени для перекуров на работе. Нужно всегда быть позитивным и настойчивым и выполнять дневную норму. Я не мог себе позволить сегодня немного расслабиться, а завтра наверстать упущенное. О нет. Я должен решать стоящие передо мной задачи, потому что никто не поможет мне и не даст «наводки», в отличие от Дональда Терне-

ра, у которого старший брат работает в компании. У меня было маловато опыта, и я не накопил налаженных контактов и старых клиентов. Каждый телефонный звонок — это мой шанс приблизиться к тому, чтобы обзавестись собственной квартирой, а также сделать счастливой нашу с сыном жизнь.

Зачастую я, ничего не объясняя коллегам, брал Кристофера с собой на работу. Все уходили из офиса в 5.00 или в 5.30 вечера, а я оставался и продолжал звонить. Потом мы с Кристофером ложились под столы и засыпали. Все в офисе привыкли к тому, что я рано прихожу и поздно ухожу, поэтому никто не подозревал, что мы ночуем в конторе. Коллеги вечером выходили из офиса со словами:

— Не сдавайся!

В 7.30 или в 8.00, когда сотрудники приходили на работу, я уже висел на телефоне, а Кристофер рисовал или рассматривал книжки с картинками. Ему еще не было двух лет, но он обладал удивительной способностью занимать себя сам и не отвлекал меня от дела.

Единственным человеком, который подозрительно на нас посматривал, был менеджер отделения. Он обычно появлялся в офисе раньше остальных сотрудников, но ни разу не спросил меня, как мне с маленьким ребенком удается оказаться в офисе первым. (Уверен, такой вопрос приходил ему в голову.)

Насколько мне известно, никто не заподозрил меня в том, что мы с Кристофером ночевали в конторе в те вечера, когда нам некуда было пойти. Ни-

кто не знал, что мы спали в офисе: я успевал утром отвести его в сад и вернуться в офис или забирал его из сада после работы и снова возвращался с ним в контору. Коллеги, безусловно, отмечали мое рвение. Но даже они не представляли себе, насколько сильно я жаждал добиться успеха.

Я решил наработать собственную клиентскую базу, поэтому мои денежные поступления росли не так быстро, как мне хотелось бы. Нужно было создать атмосферу доверия со своими клиентами. Мою работу можно было сравнить с крестьянским трудом: ты сажаешь семена в землю, поливаешь их и растишь до тех пор, когда плоды созреют. Мой «рабочий цикл сбора урожая» составлял от четырех до шести месяцев, а иногда и дольше. В моем рабочем цикле была зима, то есть период, когда все замирало и у меня не было никаких финансовых поступлений. Я экономил буквально на всем и, жонглируя сумкой, кейсом, упаковкой памперсов и зонтиком, переселялся из отеля «Пальмы», в котором комната с цветным телевизором стоила двадцать пять долларов в сутки, в мотель для дальнобойщиков — там комната с черно-белым телевизором обходилась в десять долларов. Этот мотель был расположен на съезде бесплатной трассы, и его клиентами были дальнобойщики и проститутки. После ужина мы возвращались в мотель, запирали дверь и не выходили на улицу даже в хорошую погоду.

По выходным, если не было дождя, мы гуляли в парках и пользовались любыми возможностями

бесплатных развлечений. Одним из наших любимых был парк Голден-гейт, в котором Кристофер играл в песочнице или карабкался по игровым комплексам, а я задумчиво раскачивался на качелях, пытаясь понять, как дожить до завтра. Однажды нам хватило денег лишь на то, чтобы доехать на общественном транспорте до мотеля дальнобойщиков и заплатить за номер.

— Кристофер, сегодня вечером есть и пить не будем, — объяснил я заплаканному сыну. — Пить и есть будем в другой раз.

Когда проблема выбора возникла передо мной в следующий раз, я сдался на просьбы голодного сына и купил ему еду. Ночь была теплой, поэтому можно попытаться заснуть прямо на лужайке в Юнион-сквер.

Раньше я избегал точек раздачи бесплатной еды, но в ту зиму у меня не было ни денег, ни выбора.

Мы спали в той части парка, которая прилегает к Hyatt Hotel. Так было немного приятнее и, казалось, безопаснее. Диагонально к парку располагался неблагополучный район Тендерлойн, в котором я жил, когда переселился в Сан-Франциско.

Сан-Франциско стал мне ближе. Я не просто знаю холмы этого города — мне известен их угол наклона. Даже подсчитал количество шагов, необходимых для того, чтобы закатить детскую коляску на вершину холма; знаю, сколько улиц надо пройти, чтобы обогнуть холм и на него не взбираться; и даже знаю, где именно растрескался асфальт. Это не симптом навязчивого состояния, это вопрос

выживания: балансируя с кучей вещей в руках, я должен докатить коляску с ребенком из пункта А в пункт Б.

Зима 1982/83 года выдалась дождливой, поэтому ночевки в парках и прогулки по выходным были нечастыми. Раньше я избегал точек раздачи бесплатной еды, но в ту зиму у меня не было ни денег, ни выбора. Мы начали ходить в методистскую церковь Glide Memorial в районе Тендерлойн, в которой святой отец Сесил Уильямс и его помощники раздавали еду для бездомных и голодных в расположенной в подвале кухне. Там кормили три раза в день, семь дней в неделю, триста шестьдесят пять дней в году.

Проще всего можно было попасть на кухню сразу после воскресной службы, если ты, конечно, на ней присутствовал. Для этого надо было, не выходя из здания, просто спуститься в подвал. В этом случае не приходилось стоять в длинной очереди, протянувшейся вокруг церкви. Но каким бы образом ты ни попал в кухню — из очереди на улице или из церкви после службы, — ты брал поднос и становился в ряд вместе с остальными. Я смотрел на окружавших меня людей. Среди них были только взрослые. По внешнему виду некоторых можно было сказать, что у них есть работа, а некоторые были, вне всякого сомнения, безработными.

В очереди за едой стояли женщины и мужчины, белые и черные, мексиканцы и китайцы. У многих из них имелись те или иные проблемы: наркотики, алкоголь, нищета, психические расстройства самых разных видов. Все они пришли сюда, чтобы поесть.

Никто не спрашивал тебя, почему ты здесь. Никто не просил предъявить документы. При этом не было ощущения благотворительности и богадельни. Здесь кормили так, как дома кормила мать. Порции здесь накладывали огромные, а еда была всегда по-домашнему вкусной.

Через несколько лет после этих событий я говорил прихожанам Glide Memorial о том, что на церковной еде дети могут вырасти великанами. Со временем рост Кристофера достиг двух метров трех сантиметров, а его вес дошел до ста сорока килограммов. Даже будучи малышом, Кристофер ел на церковной кухне за двоих. Ни разу, выходя из кухни, я не ощущал себя голодным. Мое настроение поднималось, и я чувствовал себя лучше, потому что в церкви Glide Memorial и на кухне люди всегда были желанными гостями.

Мою душу питали проповеди святого отца, напоминавшие мне то, что я порой мог забыть: каждый, даже самый маленький шаг имеет значение. После проповеди святой отец вставал в проходе или на ступеньках церкви и обнимал выходивших прихожан. Он обнимал всех, кто этого хотел и подходил к нему. Когда я в первый раз подошел к нему, чтобы обняться, мне показалось, будто святой отец давно меня знает. На его мудром, красивом и не тронутом временем лице постоянно светилась улыбка. Держался он прямо. Святой отец протянул руки и крепко меня обнял со словами: «Иди и делай свое дело».

Я обнял его, поблагодарил и заверил, что не буду давать пустых обещаний, — и шел делать свое дело.

Позднее святой отец признался мне, что уже давно приметил нас с Кристофером, потому что мужчины с маленькими детьми не часто появлялись в очереди за едой. Он не расспрашивал, почему я оказался в очереди за бесплатной едой. Думаю, ему все было известно без моих слов. Он не только понимал, что я отец-одиночка, но, казалось, заглядывал мне в душу и видел мой диплом от Господа, как выразилась в свое время моя мать, понимал мои намерения и мой потенциал. Наверное, именно поэтому, когда святой отец открыл рядом с церковью отель для бездомных, он позволил мне в нем ночевать.

Святой отец Сесил был истинным олицетворением доброты. В здании Concord Plaza на пересечении улиц Офаррелл и Повел святой отец организовал первый в стране отель для бездомных матерей с детьми. Многие из его бывших постояльцев потом стали работать в этом отеле или в одной из многочисленных программ, которые организовал святой отец при своей церкви. Ночлег в отеле был бесплатным, но существовал ряд правил, которые нельзя было нарушать.

Обращаясь к святому отцу с просьбой предоставить мне место в отеле, я объяснил ему, что у нас с Кристофером нет дома; у меня есть работа, но мне нужно место, где мы могли бы ночевать, пока не накоплю денег на аренду квартиры.

— Хорошо, — сказал святой отец. Он уже давно присматривался ко мне с Кристофером. Он мне поверил. — Иди туда, — сказал он и сооб-

щил, кого я должен найти в отеле и что нужно сказать.

Когда мы впервые пришли в тот отель, меня поразило обилие тусклого светло-зеленого цвета. Зелеными были ковер и облупившаяся краска на стенах. По внешнему виду отель мало чем отличался от других дешевых отелей в районе Тендерлойн. Святой отец и его церковь купили здание, требующее ремонта. Тем не менее этот отель показался мне роскошным. Правила проживания в нем были следующими. До 6.00 вечера никого в отель не пускали, и все постояльцы должны были покинуть здание до 8.00 утра. Ключей от дверей номеров не было. После того как ты вошел в отель, вплоть до наступления утра покидать его было нельзя. Оставлять вещи в номере тоже было нельзя, потому что их крали. Если ты выходил из комнаты, ты брал с собой все, что у тебя было. Бронировать одну и ту же комнату на следующую ночь не разрешалось.

Все, кто верит, что деньги решают все, как думал в ту пору безденежный я, сильно ошибаются.

Номера раздавались тем, кто стоял в очереди. Если ты приходил рано, то получал комнату; если опаздывал, комнат не оставалось. Нельзя было забронировать комнату, и никто не оставлял для тебя комнату, даже если знал, что ты должен прийти.

Все комнаты в отеле были разными. Из удобств — кровать и ванная комната. В некоторых номерах стоял телевизор. Нам с Крисом не

был особо нужен телевизор, нас больше волновало успеть получить комнату.

Целой жизни не хватит, чтобы отплатить за ту доброту и заботу, которые мы получили в церкви Glide Memorial и лично от святого отца Уильямса. Каждое воскресенье я молился в церкви о том, чтобы найти выход и решить свои жизненные проблемы. Я думал, что еще чуть-чуть, еще немного усилий, и моя жизнь будет безоблачной и прекрасной.

Но порой не все складывается так, как нам того хочется. Все, кто верит, что деньги решают все, как думал в ту пору безденежный я, сильно ошибаются. Ушедший из жизни рэпер Notorious BIG[1] прекрасно выразил эту мысль: «Больше денег — больше проблем». Позднее я понял: деньги, конечно, лучше иметь, чем не иметь, но они не решают всех проблем, как многие полагают. И знал, что, когда встану на ноги, должен буду отблагодарить церковь Glide Memorial и святого отца Уильямса. Тогда я еще не представлял, как именно смогу им выразить свою благодарность.

В то время я даже вообразить себе не мог, что стану одним из спонсоров 50-миллионного проекта, задуманного святым отцом Уильямсом. Через четверть века его церковь Glide Memorial купила в центре города большой участок земли для строительства доступного жилья для малоимущих семей, а также небольшой деловой квартал, чтобы

[1] Настоящее имя — Кристофер Джордж Лейтор Уоллес (1972–1997).

создать рабочие места для малоимущих жителей района Тендерлойн, где в свое время я подсчитывал трещины на тротуаре. Купленный церковью квартал находился в сотне метров от Юнион-сквер, по соседству с отелями по пятьсот долларов за номер, в окружении дорогих магазинов, таких, как Neiman Marcus и Gucci. Даже вообразить не мог, что все это окажется возможным.

Кто знает, смог бы я осуществить свои мечты, если бы не помощь святого отца Уильямса. Может быть, мне бы помог кто-нибудь другой. Впрочем, не думаю, что кто-нибудь другой мог бы сравниться с ним в величии и доброте. Позже Уильямс женился на знаменитой американке японского происхождения поэтессе Джанис Мирикатани, но уже и в то время, о котором идет речь, он был известным общественным деятелем и человеком совершенно иного склада, чем большинство из нас. Мне повезло, что я встретил его на жизненном пути и он протянул мне руку помощи. Он не просто был блестящим проповедником, он делал дело: учил, кормил, поил и давал крышу над головой. И творил чудеса.

Я не доставал деньги из заначек. В тяжелые моменты безденежья ходил сдавать кровь, каждый раз обещая себе, что это в последний раз.

Чудеса начали происходить со мной сразу же после того, как Уильямс разрешил нам с Крисом ночевать в отеле. Я начал экономить от трехсот до шестисот долларов в месяц, которые раньше платил за жилье, и смог перевести Кристофера в приличный

детский сад, который обходился в пятьсот долларов. По крайней мере, теперь моя душа была спокойна, и я знал, что о сыне хорошо заботятся. Каждое утро мы рано вставали, брали все свои вещи, выходили из отеля, и, неуклюже жонглируя нашим добром, я безуспешно пытался изобразить из себя человека с восемью руками, держа одновременно над головой зонт и накрывая коляску целлофаном из химчистки.

Обыкновенно было бессмысленно садиться в автобус с коляской, сумкой, костюмом в чехле на молнии, упаковкой памперсов и кейсом. Это было просто физически неудобно. Проще было пятнадцать минут пройти пешком, даже во время дождя. Правда, лучше не подниматься в гору, а найти способ обойти стоящий на пути холм. Я оставлял коляску и все лишние вещи в садике, а сам запрыгивал в автобус и ехал на работу.

Даже по выходным все обитатели должны были днем освободить комнаты отеля Concord Plaza. В выходные действовали те же правила, что и в будни. Здесь не позволялось весь день валяться в кровати. Надо было идти на работу или отправляться на поиски заработка. Мы с Кристофером стали мастерами бесплатного досуга. Мы ходили в музеи, гуляли в парках, иногда навещали моих друзей; а когда у меня имелись деньги, садились на поезд и ехали в Окленд, чтобы там встретиться с моими приятелями, поесть и успеть вернуться к открытию отеля.

Пока держался на плаву, мне было легко побороть свои страхи. Я старался сосредоточиться на

текущей задаче. И не думал о том, сколько метров мне осталось пройти до вершины холма, толкая перед собой коляску, а изучал каждую трещину на тротуаре и слушал, как трещат колеса коляски на неровностях дороги, стараясь уловить в звуках ритм. Иногда все шло так слаженно, что мне без причины хотелось подпрыгивать от радости. Я радовался маленьким победам, например, тому, что удалось отложить сто или пятьдесят долларов, которые потрачу на оплату будущей квартиры.

Я не доставал деньги из заначек. В тяжелые моменты безденежья ходил сдавать кровь, каждый раз обещая себе, что это в последний раз. Дело совсем не в том, что я стыдился ходить в пункт сдачи крови, а в том, что снова оказывался перед выбором — или сдать кровь, чтобы иметь деньги на оплату мотеля, если не хватало места в отеле Уильямса, или ночевать с сыном в парке. Кроме того, меня угнетала публика, которую я видел в пункте сдачи крови. Было видно, что сюда их привела непростая жизнь: кто-то сам довел себя до такого состояния, а кто-то оказался за бортом по воле обстоятельств.

Однажды я немного задержался в конторе Dean Witter. Помчался к остановке автобуса, ворвался в садик, быстро схватил Криса и вещи и галопом бросился к отелю для бездомных. Когда мы добрались до Concord Plaza, мест уже не было.

Злой как черт, усталый и мокрый, я повел Кристофера в Юнион-сквер. Мы шли под козырьками крыш отелей и магазинов. Зарплату я должен был получить только через неделю, поэтому наличных

денег хватило только на то, чтобы поесть и сесть в метро, в надежде хоть немного поспать в вагоне.

«Господи, — думал я, — вот бы еще пять долларов, и нам хватило бы на мотель для дальнобойщиков».

Я чувствовал сигаретный дым, и меня тянуло покурить. Как приятно выкурить ментоловую сигарету Kool, но я не собирался тратить деньги на табак.

— Папа, я хочу в туалет, — сказал Кристофер, когда мы проходили мимо отеля Hyatt Embarcadero.

— Да? — переспросил я. Я очень обрадовался, потому что уже давно пора отучить сына от памперсов. — Потерпи немного, сейчас дойдем до туалета.

Я повернул коляску к входу отеля, и мы въехали в лобби. Посмотрел на указатели и направился в сторону мужского туалета. Кристофер успешно сделал свои дела, и на выходе из туалета я заметил гостя отеля, мужчину, стоявшего около автомата с сигаретами. Он опустил в автомат десять 25-центовых монет, чтобы купить сигареты, но автомат не выдал ему пачку. Мужчина начал стучать по автомату и раскачивать его в надежде, что тот выдаст его покупку.

— Сэр, — обратился к мужчине вышедший на шум носильщик, — автомат не работает. Подойдите к ресепшн и скажите, что автомат «съел» ваши деньги, они вам их вернут.

Мужчина подошел к стойке ресепшн, а мы с Крисом отправились за ним следом. Я увидел, как мужчине вернули исчезнувшие в автомате деньги.

«Ого, — подумал я, — вот тебе и два с половиной доллара».

Операция показалась мне настолько простой, что захотелось ее повторить. Мы с Кристофером разгуливали по лобби отеля, словно в нем жили. Спустя время я подошел к молодой девушке на ресепшн и объяснил, что автомат «съел» мои деньги.

— Извините, — сказала девушка, открыв кассу. — Вот только что у другого гостя автомат тоже «съел» деньги. Мы повесим вывеску на автомате, что он сломался.

— Это было бы правильно, — ответил я и взял «свои» два доллара пятьдесят центов.

Моя маленькая афера прошла настолько успешно, что в тот же вечер повторил ее в St. Francis, Hyatt Union Square и в паре других отелей поблизости. В шаговой доступности было расположено приблизительно двадцать пять отелей, и в некоторые дни мне удавалось «окучивать» до десяти отелей за вечер, зарабатывая на афере по двадцать пять долларов. Я очень серьезно подходил к этому занятию и возвращался в отель только после появления новой смены сотрудников, чтобы меня не узнали.

Но через две недели я завязал с этой историей, потому что в одном отеле меня уличили в обмане. Потом, когда снова начал курить, я сполна расплатился с табачными компаниями. А что касается отелей, то и этот долг мной погашен, потому что неоднократно останавливался в них по всему миру, хотя в далеком 1983-м совершенно не думал, что мне доведется это когда-либо сделать.

Хотя я твердо решил заработать миллион и ездить на красном Ferrari, все чаще случались дни, когда сильно уставал и моя мечта казалась призрачной. У меня постоянно болели ноги и ныло тело. На душе была тяжесть и беспросветность, независимо от погоды на улице. В офисе всегда светило солнце, потому что знал, что взращиваю всходы, которые должны дать богатый урожай. Но как только выходил из конторы, мое настроение портилось: если автобус опаздывал, я не успевал быстро собрать Кристофера; а если мы поздно приходили в отель для бездомных, то не хватало времени купить что-нибудь на ужин; если закрывали двери отеля, мне приходилось ломать голову, где нам переночевать.

Мы вошли в туалет, и тут меня осенило, что в принципе из туалета можно не уходить. Здесь мы можем спокойно отдохнуть, умыться и даже поспать.

Все наши вещи надо было держать собранными и в полном порядке, как в армии; необходимость быть постоянно готовым, чтобы встать и все свое взять с собой, меня угнетала. Я научился в любую секунду находить все необходимое в данный момент: носки, рубашку, книгу, которую нашел на сиденье в вагоне метро и теперь читал, любимую игрушку сына или зубную щетку. Моя ноша становилась все тяжелее и тяжелее не столько из-за веса, сколько от атмосферы страха и стресса, в которой я постоянно жил.

Даже в выходные, когда мы с Кристофером ходили по паркам и музеям, даже в церкви я должен был все наше добро таскать с собой.

Говорят, что ночь особенно темной бывает перед рассветом. Самым сложным временем жизни для меня оказался март. Однажды я с сыном подошел к стойке ресепшн в отеле для бездомных, в котором нас прекрасно знали, и услышал слова:

— Прости, Крис, все забито, мест нет.

Что делать? Мы вышли на улицу и направились к станции метро.

— Хочешь посмотреть самолеты в Оклендском аэропорту? — спросил я Кристофера.

Этот финт мы проделывали уже не раз. Ехали на городском транспорте в один из двух городских аэропортов и находили место на жесткой скамье в зале ожидания. Мы всегда выглядели как люди, которые куда-то едут, поэтому к нам никогда не возникало никаких вопросов.

— Я хочу в туалет, — сообщил мне Кристофер, когда мы подъезжали к нашей станции. Мы вышли из вагона, и я повел его в туалет, расположенный прямо на платформе. Это индивидуальная кабинка; я был уже здесь и помнил, что дверь в ней запирается. Мы вошли в туалет, и тут меня осенило, что в принципе из туалета можно не уходить. Здесь мы можем спокойно отдохнуть, умыться и даже поспать.

— Мы сейчас здесь переждем, — объяснил я сыну. — Сейчас час пик, так что нам нет смысла торопиться. Главное, надо сидеть тихо, понимаешь меня?

Я предлагал ему сыграть в игру под названием «Т-с-с-с-с». Главное и единственное правило в этой

игре: сидеть тихо и не обращать внимания на громкие стуки в дверь.

Станция метрополитена MacArthur — одна из крупнейших в городе. Здесь много людей, поэтому метрополитен старается содержать туалеты в чистоте. Через несколько минут в дверь туалета уже стучались. Людям хотелось попасть в туалет, и они не желали ждать. Но потом раздавался звук приближающегося поезда, и человек понимал, что, возможно, быстрее доедет до дома, чем дождется, пока из туалета выйдут. Время шло, и в дверь туалета стучались все реже.

Туалет представляет собой помещение без окон и без дневного света. Стены и пол выложены кафелем, размер туалета приблизительно три на полтора метра. В нем есть раковина, над которой висит зеркало. Если выключить свет, то становится совсем темно, поэтому можно спокойно и быстро заснуть. Кристоферу повезло: он мог спать где угодно. При всех удобствах туалета я понимал, что в нем надо ночевать как можно реже, но в течение тех двух тяжелых недель мы спали там часто.

В тот период я жил двойной жизнью. После работы и в выходные мы с Кристофером попадали на темную сторону калифорнийской мечты — заходили в лобби дорогих отелей, чтобы не мокнуть под дождем, и я мечтал провести ночь где угодно с кроватью за закрытой дверью, но только не в туалете на станции метро. А днем жил как человек, который стремится осуществить свою мечту, вкалывал, как оголтелый, и обожал свою работу.

Спустя много лет мою фирму выбрали в качестве управляющей компании, занимавшейся продажей и размещением облигаций на сумму в сотни миллионов долларов, которые были выпущены муниципальной компанией BART[1]. Думаю, что на это решение повлиял мой честный ответ совету директоров BART:

— Я знаю вашу транспортную систему лучше, чем брокеры из Merrill Lynch или Solomon Brothers, потому что в свое время жил на станциях метро.

В то время отель для бездомных был моим спасением и пристанищем. Тем не менее я установил для себя границы того, как долго буду в нем жить. Бесспорно, никто меня не подталкивал, не торопил и не выгонял. Я размышлял так: если могу поспать в метро или в туалете, то комната в отеле для бездомных Concord Plaza точно не пропадет, и ее получит кто-нибудь другой.

Одним из преимуществ ночевок в туалете на станции метро было то, что никто тогда не додумался до того, что там можно спать, следовательно, в туалет не стояло очереди. К тому же туалет был всегда открыт, поэтому не надо было туда торопиться и бежать, как в отель для бездомных. Если я успевал в отель и получал комнату — прекрасно, а если запирался в туалете на станции ме-

[1] Bay Area Rapid Transit (сокращенно BART) — система скоростных электропоездов, находящаяся в области залива Сан-Франциско, которая соединяет агломерацию городов Сан-Франциско.

тро и мне никуда не надо тащить наши вещи — тоже неплохо.

Часто я задавался вопросами: «Зачем мучить себя и своего ребенка? Почему бы не воспользоваться накопленными деньгами и не снять комнату в мотеле? Почему я не хочу разменивать 20-долларовую банкноту для того, чтобы переночевать в мотеле для дальнобойщиков?» Я следовал интуиции, которая подсказывала мне: если разменять двадцать долларов, может случиться так, что нам нечего будет есть. Двадцать долларов была и есть абсолютно реальная сумма, на которую можно что-то купить. Но стоит разменять деньги, и у тебя быстро остается пятнадцать, двенадцать, семь, а потом и вовсе четыре доллара. Деньги улетают мгновенно. А когда в бумажнике лежала хрустящая 20-долларовая банкнота, я чувствовал себя спокойно и знал, что с нами ничего плохого не случится.

«Да кто ты такой? — говорил этот голос. — Ты что, с ума сошел?! Не обманывай себя!»

Любая трата денег вызывала во мне внутреннюю борьбу. Но дело не только в этом. Происходила более серьезная внутренняя борьба между мной и силами, которые контролируют мою судьбу. Именно эти силы в свое время не дали матери возможности осуществить свою мечту. Те силы, которые не позволили ее отцу и мачехе помочь матери материально, чтобы она получила образование в колледже. Силы, из-за которых мой собственный отец не участвовал в моем воспитании. Эта сила выразилась в отношении Фредди к моей матери, в том, что он

бил и психологически ломал ее, и в системе правосудия, упрятавшей мать в тюрьму за то, что она пыталась освободиться от насилия. Восемь долгих месяцев, пока я был бездомным, внутренний голос говорил: тебе не разорвать эти путы, как не смогла их разорвать твоя мать. И по мере приближения к финальной черте, к концу моих мытарств, этот голос звучал все громче. Этот голос смеялся надо мной, как в свое время это делал Фредди:

«Ах ты хитрожопый ублюдок, думаешь, ты самый умный?! Думаешь, научился читать, сдал тест и перестал быть вислоухим говнюком?! Да кто ты такой? Что ты возомнил о себе?»

Иногда этот внутренний голос приводил аргументы, которые были не в мою пользу:

«Ты разве не понимаешь, что социально-экономические условия определяют твою судьбу? Тебе не вырваться из порочного круга нищеты. Ты вырос в семье с одним родителем и сейчас входишь в число двенадцати процентов людей, которые имеют работу, но все равно живут за чертой бедности».

Этот внутренний голос злил и подстегивал меня. Так кто ж я такой на самом деле? Я — Крис Гарднер, отец своего сына, который заслуживает лучшей судьбы и условий жизни, чем у меня. Я сын Бетти Джин Гарднер, сказавшей однажды, что могу достичь всего, чего захочу. Я просто обязан идти навстречу своей цели. Какие бы опасности ни стояли на моем пути, какие бы сложности ни возникли, я готов их преодолеть. Но чем больше сил я вкладывал в работу, чем сильнее тянул лямку, тем гром-

че звучал в моей душе голос: «У тебя ничего не получится».

«Да кто ты такой? — говорил этот голос. — Ты что, с ума сошел?! Не обманывай себя!»

Я смертельно устал, и мне хотелось махнуть на все рукой, потратить накопленные деньги, сдаться и уехать куда подальше. В этот период душевной слабости и отчаяния ко мне наконец пришло второе дыхание, словно с небес снизошла благодать.

«Держись, — услышал я обнадеживающий голос. — Крепись и держись».

И я держался.

Наступила ранняя весна. Стало теплее, и часто шел дождь. Мои комиссии увеличились, а денег на сберегательном счету хватало, чтобы снять, наконец, дешевую квартиру. В центре Сан-Франциско снимать жилье было дорого, поэтому по выходным я начал подыскивать квартиру в Окленде.

Хозяева квартир задавали мне много вопросов:

— Как долго вы работаете на вашей работе? Вы женаты? Как получилось, что вы живете с ребенком, но без жены? Как мужчина в одиночку может воспитать и вырастить ребенка?

Некоторые задавали эти вопросы в лоб, некоторые пытались получить на них ответы окольными путями, но все мне отказывали. Я начал постепенно опускать планку требований к квартире и району, в котором она находится. Однажды в субботу, когда стояла хорошая погода и лучи солнца пробивались сквозь туман, я решил отправиться на поиски квартиры в злачном квартале рядом с отелем «Пальмы».

Я оказался на перекрестке Двадцать третьей улицы и Веста и увидел, что какой-то старик подметает небольшую, залитую бетоном площадку перед домом. Сквозь трещины бетона пробивалась зеленая трава. Однако мое внимание привлекла не эта упорная, пробивавшая бетонный слой трава, а то, что перед домом была небольшая клумба с розами. Я много раз проходил мимо этого дома, но не обращал на него внимания и не замечал этой клумбы. Если честно, не припомню, чтобы здесь, в бетонных джунглях, у кого-нибудь перед домом росли розы. Кому нужны розы в гетто?

Я разговорился со стариком и узнал, что его зовут Джексон. На его лице глубокие морщины — знак почтенного возраста или след пережитого. Мы обменялись фразами о погоде, и старик сделал комплимент моему сыну, сказав, что Кристофер — красивый мальчик. Я уже собрался двигаться дальше, как вдруг заметил, что окна квартиры на первом этаже этого дома заклеены изнутри бумагой.

— Скажите, — спросил я старика Джексона, — а в этой квартире кто-нибудь живет?

— Нет, никто не живет, — ответил он и объяснил, что его семья владеет этим домом и живет на втором этаже. Последние три года они использовали квартиру на первом этаже в качестве кладовки.

— А вообще эта квартира сдается? — поинтересовался я.

— В принципе можем сдать, — ответил он и предложил мне показать квартиру.

Он открыл входную дверь, и мы вошли. В нос ударил запах спертого воздуха. Стало ясно, что это помещение долго не проветривали и сюда не проникало солнце. Квартира располагалась по всей длине здания. Света из-за заклеенных окон было мало, но мне квартира очень понравилась. Здесь была гостиная, большая комната, идеально подходящая для спальни Кристофера, ванная, кухня, столовая и еще одна комната, которая может быть моей спальней.

— А можно снять эту квартиру? — спросил я и, упреждая его вопросы, на одном дыхании выпалил: — Я пока еще не очень долго работаю на моей нынешней работе, у меня есть ребенок, жены нет...

— Сынок, — остановил меня старик, — не надо ничего рассказывать, я все понял. Я уже знаю все то, что мне нужно знать. Можете заселяться.

До меня еще не дошло, что наши мытарства подошли к концу и мы уже не бездомные. Мистер Джексон сказал, что я должен заплатить ему за месяц вперед и дать сто долларов на уборку квартиры.

— А можно самому убраться и сэкономить сто долларов? — спросил я.

Он несколько мгновений раздумывал, глядя мне в лицо. Я начал переживать и опасаться, что он передумает.

— Хорошо, можно, — ответил он.

Вот и все. Я снял квартиру, которая мне кажется самым красивым местом на Земле. Теперь нам с сыном было где жить. Так клумба с розами в гетто привела меня в погожий весенний денек к на-

шей квартире, и мы с Кристофером перестали быть бездомными.

Это произошло незадолго перед Пасхой — праздником воскрешения к жизни и начала чего-то нового. В этот день я всегда мысленно возвращаюсь в церковь Уильямса, вспоминаю сложные месяцы, предшествовавшие появлению квартиры, и благодарю за чудеса, которые стали происходить в моей жизни сразу после того, как я эту квартиру снял.

ЧАСТЬ III

Глава одиннадцатая
Розы в гетто

Все мои друзья изъявили желание помочь нам — кто с уборкой новой квартиры в Окленде, штат Калифорния (моя версия Канзаса в городском гетто), кто вещами. Я связался с друзьями, с которыми давно не общался, и мне стали поступать приятные предложения. У одного приятеля в подвале оказался ненужный стол, у другого — кровать с матрасом, у третьего — посуда и полотенца. Все говорили, что с радостью отдадут все это, если сам заберу вещи.

Моя добрая приятельница Латрелл Хаммонд настояла на том, чтобы я заехал и забрал два с половиной килограмма шейных костей, которые она купила в тот день, когда я ей позвонил. Никогда раньше не готовил шейные кости, но, черт подери, если предлагают, то почему бы не попробовать? Знал, что мне предстоит учиться готовить, поэтому купил подержанный холодильник. Потом зашел в мясную лавку к продавщице мисс Туки, которая некоторое время назад положила на меня глаз, и она сказала мне, как можно эти кости приготовить. Я вышел из

магазина немного обалдевшим. «Как сложно вести хозяйство и готовить еду», — подумал я, но, увидев на улице женщину с продуктовыми сумками и кейсом, которая вела двух маленьких детей, тотчас приободрился. Если она может, то и я смогу.

Помочь разобрать вещи в квартире и сделать уборку приехали несколько моих приятелей. Мы открыли окна, сняли с них бумагу, и в квартире стало светло и свежо. Мне с каждым днем все больше нравилась новая квартира, наш с Кристофером Тадж-Махал.

Кристофер тоже помогал наводить порядок в квартире.

— А можно расчистить дворик с обратной стороны дома? — спросил он меня еще до того, как мы переехали.

Я вышел взглянуть на дворик, превратившийся за три года, пока им не пользовались, в настоящие джунгли.

— Нет, сынок, боюсь, что нет. Здесь без мачете не обойтись.

Однако внутри квартиры мы быстро все прибрали.

Мы собирались выйти из дома после первой ночи, которую провели в стенах новой квартиры. Я должен был отвезти Кристофера в садик и ехать на работу. Тут Кристофер напомнил мне, что мы должны взять с собой все наши вещи.

— Нет, не надо ничего с собой брать, — ответил я ему и показал ключ от квартиры: — Видишь, у нас ключ есть.

Он посмотрел на ключ, лежащий на моей ладони, но не понял, к чему я клоню.

— Пап, — сказал он, показывая на мою сумку и костюм в чехле на молнии, — все это надо с собой взять.

— Нет, сынок, — подтвердил я, — нам это с собой уже не надо носить. У нас есть ключ. Можно все оставить в квартире и спокойно идти по своим делам.

Увидев на улице женщину с продуктовыми сумками и кейсом, которая вела двух маленьких детей, тотчас приободрился. Если она может, то и я смогу.

— Мы действительно можем все здесь оставить? — переспросил он, удивленно улыбаясь.

Я наклонился к нему.

— Да, — сказал я, широко улыбаясь, — представляешь, мы все это можем здесь спокойно оставить.

Мы закрыли дверь ключом и, посмеиваясь, вприпрыжку побежали к станции метро.

Я удивлялся тому, что моя жизнь совершила полный круг и снова привела меня в этот район, в котором мы часто останавливались в отеле «Пальмы». Интересно, почему никогда раньше не замечал того места, где сейчас снял квартиру? Наш с Кристофером мир с тех пор сильно изменился, а женщины на тротуаре по вечерам стояли точно так же, как и раньше.

— Привет, малыш! — приветствовали они Кристофера, который уже вырос из своей синей коляски и теперь шел рядом со мной, держа меня

за палец. По дороге к станции метро мы пасовали друг другу пустую пластиковую бутылку из-под лимонада.

— Привет, маленький сводник, — говорили проститутки и иногда, как и прежде, давали ему пятидолларовую купюру.

Даже тогда эти деньги были для нас большим подарком. В то время на поездки в город и обратно у нас уходило четыре часа, поэтому возвращались мы домой около девяти вечера, и у меня не было сил самому готовить. К тому же, признаюсь, тогда я еще не очень хорошо умел готовить. Мы снимали квартиру за небольшие деньги, но все равно свободных средств у меня было мало, а на пять долларов можно было купить чего-нибудь поесть в ресторане Mossell's с музыкальным автоматом, на котором Кристофер любил ставить песню Стиви Уандера Rocket Love. Занятно, когда мы входили в ресторан, частенько звучала именно эта песня.

Обычно я заказывал одно блюдо. Кристофер ел первым, а я подъедал остатки.

— Пап, это Стиви Уандер! — радовался Кристофер. Он уже тогда разбирался в музыке и в хорошей еде.

Обычно я заказывал одно блюдо. Кристофер ел первым, а я подъедал остатки. Сын рос, а вместе с ним рос и его аппетит, поэтому я заказывал что-нибудь подешевле, но большую порцию, например красные бобы или рис с кукурузным хлебом. Мы так часто стали ходить в Mossell's, что владельцы

разрешили нам питаться в кредит, и я расплачивался с ними раз в две недели, когда получал зарплату. Даже после того, как нам предоставили кредит, продолжал заказывать одну порцию на двоих, чтобы экономить и не сильно нагружать наш бюджет.

Когда нам на стол ставили заказанное блюдо и Кристофер начинал есть, я шел к музыкальному автомату и заказывал песню Rocket Love. Потом садился напротив него и смотрел, как сын жевал, подпевал и качал головой в такт музыке. Я был голоден, поэтому смотрел на его аппетит без особой радости, особенно однажды вечером, когда он съел почти все.

— А почему ты не ешь? — спросил меня в тот вечер Кристофер, подняв голову.

— Я не очень голоден, так что ешь спокойно, — ответил я, а сам подумал: «Черт подери, ты собираешься все сам съесть?» Ему было два с половиной года, но аппетит у него был, как у лошади. Видимо, жизнь научила его тому, что, когда перед тобой ставят тарелку с едой, лучше съесть все до конца, потому что неизвестно, когда тебя покормят в следующий раз.

В конторе Dean Witter начали проводить так называемые «пицца-семинары». Собственно говоря, это были тренинги для сотрудников, которые вел консультант Билл Гуд, специалист по вопросам влияния на потенциального клиента во время телефонного разговора. Я был хорошим продавцом, но всегда был рад поучиться у профессионалов.

Во время этих семинаров сотрудникам подавали пиццу, которую оплачивала брокерская компания, и поэтому семинары Гуда получили такое название. Эти семинары проходили следующим образом. Участники в количестве приблизительно шести человек оставались после работы и обзванивали своих клиентов с каким-нибудь новым предложением, например, компания Pacific Gas & Electric вышла на рынок и продает свои акции. Мы ели пиццу и звонили. Мне разрешили приводить Кристофера в офис. Я подумал: пока есть бесплатная пицца, сын будет вести себя тихо, поэтому заезжал за ним в садик и возвращался вместе с ним к началу семинара.

— Ну что ж, сынок, — сказал я ему на первом семинаре после того, как мы послушали выступление консультанта и в офис привезли пиццу. — Ты сиди и ешь, а папа будет звонить.

— Пап, ты опять будешь говорить по телефону? — спросил он.

— Ну да, опять буду говорить по телефону.

Ключ был мне дороже любых колец с бриллиантами — обычный маленький ключ, на котором не было даже брелока.

Через некоторое время Кристофер снова спросил о том, говорю ли я по телефону.

— Да, все еще говорю.

— Пап, ты любишь говорить по телефону?

— Да, сынок, люблю. Ты про пиццу не забывай.

Все участники семинара, включая меня, рассмеялись и вернулись к своим звонкам.

Кристофер постоянно порывался мне помогать, чем бы я ни занимался. Я решил приучить его пользоваться туалетом, чтобы перевести его в детский садик в Окленде, на вывеске которого с ошибкой было написано слово «щастье». И подумал: если мне удастся приучить его ходить в туалет, то садик будет поближе, и мы каждый день сможем экономить кучу времени на дорогу. Вставать в пять утра и возвращаться домой в девять было тяжело и для него, и для меня. Главное — научить его ходить в туалет. Иногда он просился в туалет, но чаще писал в памперсы.

В метро по пути домой я сделал Кристоферу предложение:

— Скажи, ты хочешь помочь папе?

— Да!

— Сейчас я тебе расскажу, как ты можешь помочь папе, — сказал я. — Когда ты захочешь сделать пи-пи, подними руку. А когда ты захочешь сходить по-большому, тогда поднимай обе руки. Договорились?

— О'кей, — ответил Кристофер, довольный тем, что ему дали задание.

Я начал через игру приучать его к туалету. Через две недели он уже просился на горшок и сам ходил в туалет. Я перевел его в детский садик, который был поближе к нашей квартире. Теперь все наши многочасовые путешествия по городу были сведены до такого минимума, что казалось, наша жизнь — сплошные каникулы. В 7.00 утра я оставлял его в детском саду, садился на поезд и рано приезжал

на работу. Вечером я забирал его в 18.00, мы спокойно ужинали и шли к ТВ-Джо — так мы называли владельца магазина по продаже и ремонту телевизоров.

Джо был добродушным и общительным человеком и совершенно не возражал против того, чтобы мы посидели и посмотрели телевизор в его магазине. Скорее всего, он понял, что у нас нет телевизора, хотя ни разу не дал нам понять, что об этом догадывается. Когда по телевизору шли интересные спортивные трансляции, например матч Мохаммеда Али, я тщательно рассчитывал время, чтобы появиться у Джо к началу передачи.

После ужина и посещения Джо мы обычно прогуливались мимо отеля «Пальмы». Выходящие на работу «ночные феи» приветствовали меня и Кристофера:

— Привет, Крис! Привет, маленький сводник!

К тому времени многие из этих девушек были нам хорошо знакомы.

— Привет! — кричал Крис и махал им рукой, понимая, что, хотя мы уже поужинали, пять долларов никогда не бывают лишними. И действительно, иногда проститутки давали ему деньги.

Мы приближались к нашему дому, и я засовывал руку в карман, чтобы почувствовать в нем ключ от двери. Вспоминал, что с таким же трепетом проверял в кармане кольцо с бриллиантом, когда вез его Шерри. Ключ был мне дороже любых колец с бриллиантами — обычный маленький ключ, на котором не было даже брелока.

Каждый раз, стоя у двери, я радовался розам, цветущим в гетто около моего дома. Всякий раз, когда поднимался по ступенькам крыльца, меня охватывали радость и смешанные чувства: больше не было ставшего привычным ощущения беспомощности и отчаяния. Наконец я избавился от страха и неизвестности, где нам придется ночевать и на что жить. Ключ от квартиры стал для меня золотым ключиком в волшебную страну, символом моего успеха и пути, который я проделал, — из ниоткуда, из гетто, от самых низов до тех высот, которых достиг.

Было ли тогда просто и легко, как хотелось бы? Конечно, нет. Но ситуация была под контролем. Я перестал волноваться о хлебе насущном, крыше над головой и детском садике для Кристофера и мог полностью посвятить себя работе. Впрочем, иногда тучи все еще появлялись на горизонте, как случилось однажды, когда забыл заплатить за электричество и нам его отключили.

Пришлось зажечь свечи.

— Пошли, — сказал я Кристоферу, — будешь мыться при свечах.

Я старался не подавать виду, что это событие меня огорчило. Мыл маленького Кристофера и думал о том, смогу ли выполнить свои грандиозные планы, если забываю о таких мелочах, как оплата счета за электричество. Да, несомненно, прогресс налицо, но я все еще очень далек от тех высот, которые стремился покорить.

«Что поделаешь, я точно не Супермен», — казалось мне.

— Знаешь, пап! — Мой сын встал в ванной и с серьезным видом произнес: — Ты очень хороший папа!

Я просто растаял от его слов и забыл о своих переживаниях. Как мне были нужны его слова, и как важна оценка моего сына! Кристофер всегда умел меня поддержать, когда это было необходимо.

В то время была сделана одна фотография, которая хорошо передает то, что тогда происходило в моей жизни. Я называю эту фотографию «Два льва». Мы с Кристофером сидим на верхней ступеньке крыльца нашего дома. Я смотрю не в объектив, а чуть выше, на линию горизонта. На моем лице сосредоточенное выражение папы-льва и вожака стаи. Похоже, на моем лице написано: «Где мы раздобудем еды?», а у Кристофера такое выражение лица, как будто он думает: «Хочу есть!»

С клиентом надо говорить не о том, что тебе надо продать, а о том, что он хочет купить.

Эта фотография точно уловила суть моей жизни в тот период. Я не оглядывался назад. Смотрел в будущее. Что делать дальше? И как делать? Что надо предпринять, чтобы наше будущее было счастливым?

Вскоре после описываемых событий в нашем отделении компании Dean Witter появился один из самых успешных брокеров, умница Гари Абрахам. Он приехал из офиса в Лас-Вегасе, штат Невада,

чтобы обучать и натаскивать молодых брокеров в рамках корпоративной программы обучения. Мы с Гари мгновенно нашли общий язык.

Он был дружелюбным и всегда находил для меня время.

— Привет, как дела? Что происходит? — спрашивал он меня каждый раз, когда я ему звонил или заходил в его офис.

Гари был не только вежливым. Он был профессионалом и делился со мной опытом и соображениями, как правильно выстраивать бизнес. Он первым заронил в мою голову идею, которую я понял и позже взял на вооружение. Идея проста: с клиентом надо говорить не о том, что тебе надо продать, а о том, что он хочет купить. Я прекрасно понимал концепцию спроса и предложения, и с этой точки зрения подход Гари был просто гениальным. Одно дело понять, и совсем другое — освоить идею и начать применять ее на практике. Мне для этого потребовалось некоторое время.

Лас-Вегас — богатый город. Он постоянно развивается, и в нем постоянно появляются новые люди с большими деньгами. Гари не работал, как я, на телефоне, а узнавал, где строятся новые дорогие частные дома, и посещал клиентов лично.

— Как, прямо так и приходил к ним в дом? — удивился я, мысленно спрашивая себя, смог бы я так поступить.

— Именно так, — отвечал Гари. — Надевал свой самый красивый синий костюм, звонил в двери

особняков и знакомился с людьми. Никогда заранее не созванивался и не оговаривал с ними время встречи по телефону.

«Вау! — подумал я. — Нужно узнать, как именно он это делал».

Однако Гари считал, что в его тактике нет ничего особенного.

— Я говорил: «День добрый, меня зовут Гари Абрахам. Я работаю в местном отделении брокерской конторы Dean Witter и хочу узнать, чем мы можем вам помочь и что можем сделать для того, чтобы вы хорошо себя чувствовали. И заодно хочу поинтересоваться, зарабатываете ли вы на фондовом рынке?»

Мне очень понравился подход Гари. Именно так мыслил и я, когда решил создать собственную клиентскую базу, а не идти проторенной дорожкой, как поступало большинство брокеров компании, делавших лишь то, что приказывало руководство. Гари думал и вел себя независимо. Я понял, что тоже хочу играть по-крупному.

Успех никак не связан с цветом кожи, он не бывает черным или белым. Успех — зеленый и зависит от того, сколько «зелени» ты зарабатываешь.

В возрасте двадцати девяти лет осознал, что с учителями (которые учили меня в прямом и переносном смысле, то есть не лично, а опосредованно) мне очень повезло в жизни. У меня были прекрасные наставники, сильные и умные люди, достойные подражания. Меня вдохновлял изумительный музыкант Майлз Дэвис. Это был первый

человек, благодаря которому мне захотелось прикоснуться к величию. Доктор Роберт Эллис показал мне системный научный подход к исследованиям и успеху. В самом начале моей карьеры в бизнесе Боб Рассел продемонстрировал силу дисциплины, а также необходимость выполнять и перевыполнять дневную норму. Боб Бриджес со своим красным Ferrari указал мне путь моего развития на Уолл-стрит, а разным подходам я учился у сотрудников компании Dean Witter Энди Купера, Дейва Терраса и Гари Абрахама.

Не думаю, что цвет моей кожи как-то повлиял на окружающих и помог мне стать успешным. Однажды я прочитал цитату из Берри Горди[1]. По его словам, он знал, почему песни групп и певцов, выступающих под лейблом Motown, покупали как белые, так и чернокожие. Горди говорил о том, что успех в музыкальном бизнесе не может быть успехом только среди белых или исключительно среди черных: успех имеет скорее зеленый цвет. Мне эта мысль очень понравилась. В профессиональном мире среди моих наставников были люди, которые выросли в разных обстоятельствах: родились в семьях с самыми разными доходами, вышли из разных классов и представляли разные национальности. Да, большинство из этих людей действительно были белыми. В основ-

[1] Берри Горди (род. в 1929 г.) — американский музыкальный продюсер, основавший Motown Records, а также множество других дочерних компаний.

ном это итальянцы, евреи, иногда иностранцы, порой даже расисты. Однако нельзя утверждать, что все они преуспели только потому, что были белыми. Успех никак не связан с цветом кожи, он не бывает черным или белым. Успех — зеленый и зависит от того, сколько «зелени» вкладывает твой клиент и сколько «зелени» ты сам на этом зарабатываешь.

Думаю, Гари Абрахам по-настоящему раскрыл мне глаза на собственные сильные стороны и черты характера, которые помогли развиваться дальше. Одно из важнейших моих качеств — способность спокойно воспринимать быстрые изменения ситуации, не теряя головы. Эту способность развивала во мне сама жизнь с самых ранних лет. Помню, как однажды промышленный индекс Доу-Джонса достиг отметки в 1000 пунктов, всполошившей всех игроков рынка.

— Видишь, что происходит? — сказал мне тогда сидевший рядом со мной один из старых и опытных брокеров. — Все, это конец. Продавай все, что есть.

Индекс Доу-Джонса находился до этого в районе 850, потом 900, а потом вышел на 1000 пунктов. Старый брокер считал, что это конец света и надо продавать все, что есть.

Но я с раннего детства привык к быстрым изменениям. И жизнь научила меня тому, что, как бы плохо все ни выглядело, это еще не конец света. Кроме того, быстрые изменения показали, что на самом деле никто не знает, как поведет себя

рынок. Люди произносили много слов, которые в действительности скрывали их полное незнание ситуации и непонимание траектории ее развития. Я внимательно прислушивался к мнению аналитиков, но меня мало волновали взлеты и падения рынка.

Мне известно только следующее: когда откроется рынок и начнется торговля, произойдет одно из двух: либо рынок будет расти, либо он будет падать. Можно ставить деньги или на то, или на другое. Я в любой ситуации не терял хладнокровия и успокаивал своих клиентов. На начальном этапе работы на Уолл-стрит твердо усвоил одно: если делать какие-то прогнозы и давать советы клиентам, то они должны быть честными.

«Исходи из того, что твои действия сегодня повлияют на твое положение завтра. Не суетись, нельзя делать все, что угодно, лишь бы получить бизнес-клиента. Если ты будешь так поступать, это станет твоей последней сделкой с клиентом», — так наставлял меня Гари.

Гари мне очень помог. Он всегда давал мне мудрые советы, которым я неизменно старался следовать, и делился со мной важной информацией. Оглядываясь на пройденный мною путь, могу сказать, что в Сан-Франциско я научился продавать, а в Нью-Йорке — по-настоящему вести бизнес. Только спустя годы я понял, что умение продавать и умение вести бизнес — совершенно разные вещи. Гари продавал, подобно солисту, который никогда не фальшивил и без напряжения пел, как по нотам.

Клиенты сами хотели с ним работать, хотя он себя им никогда не навязывал.

Он показал мне, что продавать надо не то, что у тебя есть. Прежде всего необходимо выявить потребности клиента, а также его покупательскую историю. По сути, его предложение клиенту звучало следующим образом: «Что я могу вам предложить, аналогичное тому, что у вас уже есть, и что помогло бы вам достигнуть поставленных целей?»

Именно в этом направлении мне и хотелось развиваться. Я не стремился навязывать клиенту продукт, который мне надо сбагрить. «У меня есть продукт, мне надо его продать и наплевать на то, что нужно вам» — это совсем не моя философия. К сожалению, контора Dean Witter в этом смысле мало чем отличалась от большинства брокерских компаний. Это была огромная корпорация с собственной программой и своими интересами; зачастую они не совпадали с интересами клиентов.

Тем не менее я продолжал добиваться успехов на работе, и моя зарплата постепенно увеличивалась, что позволило нам с маленьким Крисом по выходным немного развлекаться.

Вместе с Кристофером мы ходили в расположенный по соседству клуб, где играли блюз. В клубе выступала группа, солистом которой был белый парнишка по имени Тройс Кели. Блюдо в ресторане клуба стоило пять долларов, и готовили в нем потрясающе вкусно. В этом клубе Крис занимался

музыкальным и кулинарным образованием. Вместе с ним мы много раз сидели в клубе допоздна, слушали блюз и ели, пока не попробовали все, что предлагалось в меню. Шеф-повар готовил потрясающе вкусную зубатку с рисом, зеленью, бобами и картошкой, тушеные ребрышки, стейки и свинину на гриле, к которым подавали удивительный соус и гору кукурузного хлеба. Шеф-повару прекрасно удавалась и курица, которую он жарил, тушил, готовил на гриле или фаршировал. В этом ресторане мы с Крисом нарушали правило — не есть много сахара и позволяли себе сладкий холодный чай.

Выйдя из клуба, мы проходили мимо проституток, приветливо махали им, немного болтали с девушками и шли домой.

Настало лето. По выходным я садился на ступеньки перед нашей дверью и разрешал Кристоферу погулять на нашей мини-лужайке и поиграть на тротуаре с соседскими детьми. Главное, чтобы он держался подальше от дороги и не выбегал на проезжую часть. Перед нашим домом проходила четырехполосная дорога, и движение по ней было очень оживленным. Сидя на ступеньках, смотрел на сына и машины, и время летело быстро.

Он мог бы попросить машину с дверями, мотором или кожаным салоном, но его единственное требование к автомобилю — крыша над головой.

Я размышлял о том, как, следуя принципам и советам Гари, увеличить продажи, и слушал музыку, которая доносилась отовсюду: из салонов автомоби-

лей, открытых окон домов и магнитофонов, которые несли в руках прохожие. В нашем гетто с пальмой на углу улицы и клумбой роз в нашем дворике музыку любили.

Маленький Крис уже перерос свою синюю коляску, и я решил позаимствовать в магазине металлическую тележку для покупок. Я тогда не мог позволить себе купить машину и не мог вернуть свою, которую у меня забрала Джеки, поэтому тележка для покупок стала нашими «колесами». Кристофер называл нашу тележку «машиной».

— Пап, — спрашивал он, — где ты припарковал машину?

Когда в выходные стояла хорошая погода, мы ездили в Беркли. Это совсем не ближний край. Я катил тележку, в которой сидел Кристофер, забывая обо всех проблемах, и растворялся в настоящем, как дзенский монах, ощущая ладонями вибрацию и толчки тележки на трещинах и стыках бетонных плит. У тележки был совсем другой звук, чем у коляски. «Клак, клак, клак», — так звучала она при движении по тротуару. В Беркли мы навещали Латрелл, которая жила со своей матерью, съедали с ними барбекю и возвращались домой.

Однажды мы возвращались домой на нашей «машине». Утро было солнечным, но неожиданно набежали тучи, подул холодный ветер и начался дождь.

— Пап, — сказал Крис, моргая от падавших на лицо крупных капель дождя, — а когда ты купишь машину с крышей?

Я рассмеялся, наверное, громче раскатов грома. Он мог бы попросить машину с дверями, мотором или кожаным салоном, но его единственное требование к автомобилю — крыша над головой.

Однажды, толкая перед собой тележку, мы вышли в парк в Западном Окленде и увидели пожилую пару, выгружавшую из багажника автомобиля еду для семейного пикника. У нас в тележке было место, поэтому я предложил им помочь довезти продукты от парковки до места пикника.

Маленький Крис начал заглядывать в пакеты с едой.

— Кристофер, перестань, не надо этого делать, — останавливал его я.

Но старикам любопытство Кристофера казалось забавным, и они не возражали. Мы подъехали к месту проведения пикника, я выгрузил продукты, и тут меня кто-то окликнул:

— Э, так это же сын Вилли!

Я обернулся и увидел обращенные на меня взгляды.

Как быть? Объяснить, что не имею к Вилли никакого отношения? Или, может, сделать вид, что я тот, за кого они меня приняли, и тогда нас пригласят вместе со всеми поесть?

— Эй, привет! Как дела? — ответил я человеку, который назвал меня сыном Вилли.

Нас посадили за стол и начали накладывать еду в тарелки. Нас кормили, как королей, и расспрашивали:

Любопытно, что Кристофер время от времени спрашивал про маму, но особо не расстраивался, что ее нет рядом.

— Ну, как там у Вилли дела?

— Он все еще в тюрьме?

— Когда его выпустят?

Я, естественно, ничего не знал про этого Вилли, понятия не имел, что он натворил и какой срок мотал, поэтому отвечал дипломатично и уклончиво:

— Ну, вы же сами знаете Вилли. Он нигде не пропадет.

— Не будем об этом, — сказала дородная женщина. — Вы лучше попробуйте картофельный салат, — и положила нам с Кристофером в тарелки салат. — И вот это тоже попробуйте.

Бог ты мой, да это просто манна небесная! Все было очень вкусно, и мы себе ни в чем не отказывали. Потом, когда пикник подошел к концу, стали раздавать оставшуюся еду.

— Слушайте, ну вы себе что-нибудь возьмите, — предложили нам. — Вот пирог остался, берите, не пропадать же добру.

Я прикусил губу, чтобы не улыбаться. Нам выдали еды и продуктов, которых нам хватит на неделю. Вот повезло-то. Аллилуйя!

Мы начали прощаться, и все говорили, чтобы я передавал приветы Вилли.

Однажды в нашу квартиру к нам с Кристофером заехала Джеки. Любопытно, что Кристофер время от времени спрашивал про маму, но особо не расстраивался, что ее нет рядом. Может, он ее забыл, а может, его реакция выражала то, как сама Джеки к нему относилась. Мое отношение к Джеки сложно выразить в двух словах.

С одной стороны, в ту пору она посылала мне сигналы своей готовности начать все сначала, но, с другой стороны, помнил, как она со мной обошлась, и был на нее по-прежнему зол. Когда она к нам приехала, я сполна дал ей понять, что о ней думаю. Ни о каком примирении не могло быть речи, и между нами все кончено. Она, возможно, хотела вернуться, потому что видела, что мои дела пошли в гору и со временем достигну того, о чем мечтал. Но я не мог забыть того, что она в меня не верила и сильно подвела. В общем, на следующий день она быстренько собралась и укатила в Лос-Анджелес.

Крис спросил, куда уехала мама, и я объяснил ему, что она поехала в Лос-Анджелес.

— Но ты с ней обязательно скоро увидишься, — заверил я его, и он моментально успокоился.

Теперь, когда окончательно разобрался с Джеки и закрыл эту тему, я был открыт для новых романтических отношений. Передо мной в парке стояла красотка, а я изображал родственника некоего Вилли.

Я болтал с красоткой, уже был готов взять у нее телефонный номер, как вдруг ко мне подходит пожилой мужчина.

— Послушай, — сказал он, — ты же знаешь, что она твоя дальняя родственница.

Я стал опасаться, что меня раскусили.

— Да, точно. Она так выросла, что ее не узнать.

Мужчина положил мне руку на плечо и, глядя в глаза, сказал:

— Понимаю. Она выросла писаной красавицей. Тебе бы наверняка хотелось, чтобы вы не были родственниками, верно?

— Все понял, — ответил я, — она действительно выросла настоящей красавицей.

— Да, — произнес мужчина. Красотка закатила глаза и отошла от нас. — Она стала настоящей красавицей.

Вот так меня чуть не уличили в обмане. Уже было поздно признаваться, что не имею никакого отношения к их Вилли.

— Спасибо за информацию, — поблагодарил я мужчину.

— Да ладно, — сказал он, — ерунда. — После чего мы с маленьким Крисом быстро отчаливаем.

«Забавно», — думал я, толкая тележку в сторону дома. Это событие стало для меня определенным водоразделом в жизни. Я пережил немало трудностей и наконец нашел свое место в гетто. В то время зарабатывал уже около двух тысяч долларов в месяц и планировал в ближайшее время, по крайней мере, удвоить свои доходы. Имея такие деньги, можно подумать и о Сан-Франциско. Почему бы не переселиться в этот прекрасный Париж на побережье Тихого океана?

Все мои усилия оказались ненапрасными. Оставаясь мечтателем, твердо стоял на земле. Знал, что впереди меня ждет дальнее плавание и большое будущее. Я преодолел испытания, и теперь ветер дул мне в спину. Я был готов к грядущим переменам.

Глава двенадцатая
Сферы влияния

Каждый день во время обеденного перерыва рядом со мной в соседней стеклянной кабинке в офисе компании Dean Witter стал появляться худой мужчина средних лет. На нашем этаже работало приблизительно пятьдесят брокеров. Я звонил, делал свое дело и не обращал на него внимания. Вероятно, он приходил сюда ради красивой блондинки Сьюзи, которая обычно сидела в соседней кабинке. Решил, что он ее клиент, заглянувший сюда, чтобы встретиться со своим брокером. Сьюзи около тридцати, она была энергичной, умной и выглядела весьма аппетитно в мини-юбке, на высоких каблуках и с прекрасной грудью, то ли от природы, то ли потому, что она вложила в нее средства. Ко всему прочему, она была хорошим брокером, настоящим профессионалом.

На самом деле меня мало волновал этот мужчина, и я совершенно не подозревал, что он сидел и слушал мои разговоры с клиентами. Поэтому меня очень удивило, что однажды он обратился ко мне:

— Скажи мне, а чего ты вообще тут делаешь? Твое место не здесь. Вот моя визитка. Позвони, выпьем с тобой кофе.

Как выяснилось, этот парень приходил к нам в контору не к брокеру — Сьюзи была его девушкой. Этот худощавый парень оказался евреем; он выглядел и говорил, как Сэмми Дэвис-млад-

ший[1]. Звали его Гари Шемано. Он был управляющим и партнером компании Bear Stearns[2] в Сан-Франциско.

Я понятия не имел, чем занимается Bear Stearns. Тут же расспросил коллег об этой компании, и мне сказали, что Bear Stearns является одной из самых доходных компаний за всю историю Уолл-стрит. Мне известны крупные брокерские компании Dean Witter, Merrill Lynch, E. F. Hutton и Paine Webber. Это были огромные брокерские конторы, нанимавшие от тысячи до полутора тысяч брокеров. В Bear Stearns работало шестьсот-семьсот брокеров, и специализировалась компания не на масс-маркете — мелком бизнесе и обычных людях, которые живут простой и реальной жизнью. Bear Stearns интересовали только крупные игроки, которым есть что инвестировать: банки, пенсионные фонды, страховые компании, управляющие состояниями богачей, крупный бизнес.

---

[1] Сэмми Дэвис-младший (1925–1990) — американский эстрадный артист, киноактер и певец.

[2] Bear Stearns — один из крупнейших инвестиционных банков и игроков на финансовых рынках мира. Компания была создана до Великой депрессии, которую пережила, не уволив ни одного сотрудника. Штаб-квартира компании находилась в Нью-Йорке. В 2008 г. компания объявила, что нуждается в срочном финансировании для исполнения обязательств по выплатам в результате кредитного кризиса. Федеральная резервная система США и банк JP Morgan Chase согласились выделить дополнительные средства. В марте 2008 г. JP Morgan Chase перекупил компанию, а в 2010 г. отказался от использования названия Bear Stearns.

Когда продаешь акции отдельному инвестору, то просто сообщаешь ему о появлении нового продукта или новых возможностях компании, в результате чего он покупает определенное количество акций. По крайней мере, в те времена большинство мелких инвесторов не очень хорошо представляли себе, что вообще есть на рынке, и задача брокера состояла в том, чтобы рассказать об этом клиенту. Но крупные организации прекрасно знали рынок, и брокер им был нужен совершенно для других целей. Им не требовался брокер, который посоветует купить по мелочи здесь, по мелочи там. Им нужен был специалист, который с максимальной доходностью распределит их огромные средства по разным продуктам и акциям. Те, кто работает с масс-маркетом, делают X звонков, в результате которых открывается X счетов и совершается X покупок, которые выражаются в X сумме комиссий для брокера и X процентов прироста капитала для владельца акций. С большим бизнесом совсем другая история. Тут не делают двести звонков в день потенциальным клиентам. Тут можно сто раз позвонить одному человеку и лишь после этого с ним встретиться.

— Скажи мне, а чего ты вообще тут делаешь? Твое место не здесь.

И тогда, и сейчас суть работы брокера заключается в создании отношений с клиентом. В Bear Stearns основной задачей было создание сферы влияния, то есть того, о чем чуть позже я узнал очень многое.

Так вот, в то время я еще не очень хорошо понимал, что такое Bear Stearns, и через несколько дней после того, как Гари Шемано дал мне свою визитку, обратился к моему менеджеру отделения с просьбой об увеличении зарплаты. Прежде на все мои просьбы о повышении зарплаты мне отвечали так:

— Привлекай больше новых клиентов, и мы повысим тебе зарплату.

И я пошел к менеджеру отделения просить об увеличении зарплаты, потому что привлек много новых клиентов. Выполнил и перевыполнил все нормативы компании. С чистой совестью мог попросить повышения зарплаты, потому что заслужил это. В скором времени мне предстоит встреча с Гари Шемано, и раз уж я оказался в кабинете менеджера, то задал вопрос:

Одному и тому же человеку звонили сотни раз только ради того, чтобы тот им перезвонил.

— А что представляет собой Bear Stearns?

Глаза менеджера отделения сузились.

— А почему тебя это интересует? — спросил он.

— Да вот парень по имени Гари Шемано дал мне свою визитку. Может, мы можем получить какую-нибудь выгоду от общения с этой компанией?

Я полагал, что Гари Шемано — это новый и полезный контакт для нашей компании. И очень наивно себя вел, не предполагая, что может возникнуть конфликт интересов.

Однако менеджер отделения быстро просек ситуацию. Он знал о компании Bear Stearns гораздо

больше, чем я. Знал, что в Bear Stearns нет собственной программы обучения брокеров, знал, что эта компания расширяется и поэтому переманивает талантливых брокеров из других контор, которые прошли обучение и получили лицензию на работу.

Менеджер отделения прекрасно об этом знал. Но мне об этом ровным счетом ничего не известно. Я ему только что рассказал, что меня пригласили пообщаться люди из Bear Stearns, и при этом попросил у руководства повышения зарплаты.

— Нет, — ответил менеджер отделения, — ты не сделал достаточно для того, чтобы тебе повысить зарплату.

Складывалось впечатление, что меня фактически выставляют за дверь. Мне очень было неприятно такое отношение — я этого не заслужил. Я отлично помнил, как «брокером дня» часто становился я, а сделки зачастую «закрывал» белый брокер на том основании, что клиент хотел работать с сотрудником, у которого, видите ли, «больше опыта».

Я понял, что хочу работать в Bear Stearns, едва вошел в офис компании, чтобы выпить кофе с Гари Шемано. И снова ощутил прилив адреналина (подобное я испытал, когда в первый раз вошел в брокерскую контору).

«Вот оно, — подумал я. — Хочу работать здесь».

В компании Dean Witter я был единственным сотрудником, который постоянно делал по две сотни телефонных звонков ежедневно. В Bear Stearns все работали очень слаженно и напряженно, стараясь привлечь в компанию небольшое количество

VIP-клиентов: руководителей организаций, богатых людей, менеджеров, занимающихся финансами богачей, консультантов, корпорации, банки, страховые компании, чиновников штата Калифорния, ответственных за финансы штата, а также управленцев из Сан-Франциско и Лос-Анджелеса. Одному и тому же человеку звонили сотни раз только ради того, чтобы тот им перезвонил.

Я сразу обратил внимание на то, что в Bear Stearns работали очень сильные продавцы. Меня поразили их настойчивость, собранность и мастерство. Прежде мне казалось, что только я обладаю такой дисциплиной и сосредоточенностью. Я почувствовал, что мое место здесь, среди равных мне людей. Ощутил прилив энергии, исходившей от сотрудников. Они работали так, словно были под кайфом. В Dean Witter была совершенно другая атмосфера — все вели себя очень сдержанно, чопорно и почти формально. Многие сотрудники сидели в пиджаках, в особенности тогда, когда ожидали визита клиента. В Bear Stearns все было по-другому: сотрудники ослабляли узел галстука, засучивали рукава, у некоторых во рту или в руках была сигара. Все они вели переговоры по телефону, пытаясь привлечь клиентов, выбивали для них лучшие условия или искали информацию о продукте, которой не обладали другие. Адреналин просто зашкаливал. Казалось, что адреналина было так много, что его можно было потрогать руками. Похоже, его бы увидел даже слепой Стиви Уандер!

Я пришел в компанию в период ее бурного роста. В то время в Силиконовой долине начали появляться первые миллионеры. Бум, произошедший в Силиконовой долине в 1990-х годах, был еще впереди, но и в то время существовали люди, заработавшие колоссальные деньги на новых технологиях, и Bear Stearns стремилась сделать их своими клиентами. Это было время многообещающих IPO[1], продаж акций с ограничениями[2] и появления миллионеров из прослойки инженеров и технарей, которые совсем недавно получали по пятьдесят тысяч долларов в год.

Компания Bear Stearns хотела выйти на таких миллионеров и задать им несколько вопросов: «Как вы бы хотели вложить свои деньги — в какой-либо единичный продукт или разложить их, как яйца, по разным корзинам? Хотите ли вы накопить и сохранить деньги для обучения своих детей? Хотите ли вложить средства в офшорные счета?»

Гари Шемано пригласил меня на кофе и признался, что присматривался ко мне в компании Dean Witter. Он считал меня идеальным кандидатом для работы в Bear Stearns.

---

[1] IPO (англ. Initial Public Offering) — первое публичное размещение акций компании, называемое также эмиссией. Компания впервые выпускает свои акции на рынок, и их покупает широкий круг инвесторов.

[2] Ограниченная акция — акция, при размещении которой устанавливаются ограничения на возможность продажи или иной передачи акции другому лицу; обычно акции, которые были переданы в качестве поощрительной премии менеджеру или работнику компании и которые не могут быть им проданы в течение установленного срока.

Уже несколько поколений семьи Шемано живут в Сан-Франциско, и сам он прекрасно знает город и местных богачей. Он любит играть в гольф. Шемано легковозбудимый и увлекающийся игрок.

— Что ты в своей конторе торчишь? Ты там только время теряешь. Понимаешь, тебе надо к нам переходить! К нам, сюда, понимаешь? — кричал он, ударяя кулаком по столу.

Я тоже любил по столу кулаком постучать и ответил ему:

— Да! Я уже хочу здесь работать! — громко сказал я и стукнул кулаком по столу.

— Отлично, — сказал Гари, не моргнув глазом, — сколько ты хочешь денег?

Я ему прямо и честно говорю, что мы с сыном живем в пригороде, но хочу переехать в хорошую квартиру в Сан-Франциско.

— Пять тысяч, — ответил Гари. Это в пять раз больше, чем я получаю в Dean Witter.

— Отлично, — согласился я, даже не моргнув глазом.

— Договорились, — подтвердил он. — И дополнительно я тебе еще дам 50-процентную комиссию. Приходи через две недели, начнем работать.

Ого! Я даже пожалел, что не попросил большую сумму. На самом деле он предложил мне идеальные условия: я гарантированно буду получать по пять тысяч долларов в месяц в течение года с обязательством в последующие полгода зарабатывать в два раза больше для компании, чтобы сохранить свою зарплату. При этом буду зарабатывать пятьде-

сят процентов комиссионных на каждом дополнительном долларе, который принесу для компании. Это очень хорошие деньги за очень напряженный график работы. Мне это нравится!

Я легко расстался с компанией Dean Witter. Не чувствовал себя обязанным им за то, что они дали мне шанс: все, что я им был должен, давно с лихвой вернул. Более того, когда сообщил о своем уходе, они заявили, что я должен им оставить всех своих клиентов, а также все мои рабочие записи о клиентах: как зовут их собаку, имена их секретарей и всю информацию об их семьях. Эту бесценную информацию я месяцами собирал по крупицам и теперь все это должен им сдать.

В первый день работы на новом месте я скрепя сердце признался, что мне не удалось вытащить с прежнего места работы список своих клиентов. Но когда сообщил об этом Гари, он только ухмыльнулся:

— Забудь. Здесь твои бывшие клиенты не нужны.

На моем новом месте работы была иная философия:

— Не существует слишком маленькой сделки, как не существует сделки слишком большой. Нам нужны любые.

На самом деле я понимал, что от меня ждали крупных сделок. Нет никаких возражений!

В первый рабочий день в Bear Stearns я познакомился с коллегами, которые будут работать вместе со мной в отделе. Одного из них звали Джерри

Доннелли. Его напарника, отвечавшего за звонки с нуля, по имени Джон Ашер, все с любовью называли Ашер-таран. Еще одного парня звали Бобом Эдгаром. Этот вообще никому сам не звонил, но его телефон постоянно разрывался от звонков. Нас в отделе нового бизнеса всего восемь человек, и меня назначили руководителем отдела. Снова оказался единственным черным в компании. Я уже привык к подобной ситуации, меня это не волновало, и, насколько мог судить, моих коллег тоже.

Бедные, умные, но с сильным желанием делать деньги — это точно про меня.

Я наводил порядок на своем рабочем столе, расставлял карандаши, как вдруг девочка на ресепшн крикнула мне:

— Крис, тебя к телефону!

Я понятия не имел, кто мог позвонить на новое место работы. Взял трубку и переспросил секретаршу:

— Кто это?

— Это Эйс Гринберг, — ответила она.

Я не знал никакого Эйса Гринберга.

— Какой Эйс Гринберг? — спросил я ее.

Тут все в комнате начали галдеть:

— Не тяни! Давай скорее отвечай!

Секретарша меня соединила.

— Да, — сказал я в трубку. Я еще не знал, что Эйс Гринберг — это президент и управляющий партнер Bear Stearns, ответственный за развитие компании.

Гринберг позвонил мне для того, чтобы поприветствовать на новом месте работы и пожелать удачи.

— И вот что я еще хочу тебе сказать, Крис Гарднер, — добавил Гринберг, — компания Bear Stearns построена не людьми, у которых есть MBA[1]. Нашу компанию построили люди, имеющие PSD[2]!

«PSD? Что еще за хрень?» — думаю я, но даже не успел задать этот вопрос, как Эйс Гринберг сам ответил:

— PSD — это бедные, умные, но с сильным желанием делать деньги — вот что это за люди. Добро пожаловать в нашу компанию!

На этом разговор закончился.

Вот это да! Я словно умер и попал в рай. Бедные, умные, но с сильным желанием делать деньги — это точно про меня.

Вот такое хорошее начало было у меня на новом месте работы.

На протяжении следующего года мое положение и репутация в Bear Stearns укрепились. Моя жизнь снова сделала разворот на триста шестьдесят градусов, и мы с Кристофером вернулись в Сан-Франциско. Я снял квартиру на втором этаже шикарного особняка на пересечении Мэйсон и Хейз

[1] MBA — мастер делового администрирования (англ. master of business administration, MBA), квалификационная степень магистра в сфере менеджмента.

[2] PSD — аббревиатура от англ. Poor, Smart, with a deep Desire to make money.

в Хейз-Велли. Мы жили в хорошем районе, и до детского садика Кристофера можно было дойти пешком. Не буду утверждать, что тогда сильно шиковали, но жизнь стала стабильной и хорошей.

В нашей квартире были деревянные полы, две спальни, большая гостиная и камин. Квартира была обставлена мебелью от хозяев. Занятно, что автобусная остановка находилась прямо перед нашей входной дверью, и каждый раз, когда около нее останавливался автобус и из него выходили люди, казалось, что они направлялись прямо к нам в квартиру.

В общем, моя американская мечта стала реальностью. Я жил подобно другим успешным жителям Сан-Франциско в 1980-е годы. Если мне что-то было нужно, я, не задумываясь, это покупал. Мы могли остаться дома, и тогда я готовил легкий перекус — разогревал суп или делал сэндвич. Если нам хотелось поесть в ресторане, то мы не лишали себя этого удовольствия. Я был ужасно рад тому, что ежедневно не надо тратить массу времени на поездки в городском транспорте. Теперь я начал ездить на работу на такси. За шесть долларов плюс полтора доллара чаевых за поездку чувствовал себя королем. Я сидел и наслаждался поездкой, точно так же, как потом стал наслаждаться поездкой в лимузине.

Заметив, что я хожу на работу в одном из двух моих костюмов (тогда у меня были синий и серый) и в одном из двух галстуков, Гари Шемано распорядился выдать мне аванс на приобретение нового костюма.

Сам Гари всегда был одет как истинный джентльмен. Он предпочитал костюмы Brioni, туфли из крокодильей кожи, мокасины, запонки и прекрасные галстуки. В нагрудном кармане пиджака он обязательно носил платок. Деньги не изменили мой характер, но совершенно точно преобразили мой гардероб. Месяц за месяцем я зарабатывал в компании все больше и больше, поэтому мог позволить себе покупать костюмы, которые мне всегда нравились. Я получал удовольствие, дополняя строгий костюм каким-нибудь приглянувшимся аксессуаром. Один из руководителей Bear Stearns, Дейв Крэнстон по прозвищу Носки, любивший аксессуары, сказал мне потом, что я его очень удивил и порадовал тем, что начал носить ярко-красные носки с деловым костюмом. Я мог надеть синий костюм, свежую белую рубашку и ярко-красные носки. Моим первым дорогим аксессуаром был купленный в магазине Neiman Marcus ремень из кожи анаконды, который обошелся мне в четыреста долларов. После этой покупки я еще несколько месяцев ругал себя за расточительность.

Однако на маленького Криса мне никогда не было жалко денег. В возрасте двух с половиной, трех и трех с половиной лет он прекрасно понимал и ценил значение новых вещей: кровати, одежды и игрушек. Он всегда радовался новым вещам. Мы с ним были очень близки, и он прекрасно чувствовал мое настроение. Хотя у меня появились деньги, мы предпочитали простые развлечения. Продолжали ходить гулять в парк «Золотые ворота», где запускали воздушного змея и он учился кататься

на скейтборде, который я сам смастерил. Конечно, я мог бы купить ему скейтборд, но я умел делать скейтборд и решил, что будет лучше, если так и поступлю. Раньше, когда были бездомными, в дождливые дни мы старались спрятаться от дождя, а теперь в плохую погоду ходили в кино. Иногда смотрели подряд три разные картины, а иногда пересматривали одну и ту же.

Однажды мы посмотрели фильм «Охотники за привидениями», и Кристофер просто обалдел, увидев несущегося монстра-пончика.

— Пап, — прошептал он, — жаль, что здесь на кресле нет ремня безопасности.

— Маленький Крис, ты делаешь меня самым счастливым на свете!

Мы с ним много раз смотрели фильм «Пурпурный дождь» с участием Принса. Один раз Кристофер описался во время фильма. Наверное, мы просто слишком долго сидели в кинотеатре. Я рассердился.

— Ты разве не мог сказать, что хочешь писать? — спросил я его.

Мы пошли в туалет, и я постарался замыть его одежду. Кристофер видел мое огорчение.

— Пап, не хочу, чтобы ты на меня злился, — серьезно сказал он. — Я хочу, чтобы ты был счастлив.

После этого случая я не раз повторял ему, что он делает меня счастливым.

— Маленький Крис, ты делаешь меня самым счастливым на свете!

Вот главный урок, который извлек я и который должен усвоить любой родитель: наши дети не хо-

тят нас расстраивать. Они хотят, чтобы мы были счастливы.

Даже не помню, сколько раз мы ходили смотреть «Пурпурный дождь». Фильм нам не только очень нравился, но и зачастую мы ходили его смотреть именно тогда, когда на улице шел дождь. Мы столько раз видели этот фильм, что неизбежно должны были столкнуться в зале с кем-нибудь из знакомых. Однажды во время сеанса на соседнем кресле я увидел человека, знакомого мне по работе в Bear Stearns.

Этим человеком оказался Майк Коннорс. Это был один из самых толковых парней в компании, и нам было суждено не только стать лучшими друзьями, но и в будущем открыть совместный бизнес.

Это было время накануне крупных слияний в 1980-х годах, и атмосфера в Bear Stearns способствовала тому, чтобы ее сотрудники определились со специализацией по продуктам, клиентам или сегментам рынка. Одни занимались исключительно сетевыми магазинами, вторые — банками, третьи — страховыми компаниями. Я размышлял над тем, на чем стоит специализироваться мне, и точно так же, как во времена работы в медицине, когда учился у Рипа Джексона и Гари Кампагны, хотел по-прежнему учиться у настоящих профессионалов.

Я должен был овладеть искусством телефонных коммуникаций, а также научиться налаживать отношения с клиентами на основе информации, которой не обладают другие.

Если мне звонил Билл Андерсон, я говорил ему:

— Я прекрасно понимаю, что у вас есть брокер, и не собираюсь вмешиваться в ваши отношения. Однако мне хотелось бы показать вам некоторые дополнительные возможности и рассказать о паре интересных предложений, которые могли бы вас заинтересовать.

Умный инвестор всегда готов выслушать интересное предложение.

— Отлично, — отвечал я. — В таком случае позвольте мне позвонить, когда у нас в Bear Stearns появится информация, которая, на наш взгляд, может представлять для вас интерес. Как считаете, это разумное предложение?

На мое обращение практически всегда отвечали согласием позвонить когда у меня появится что-то заслуживающее внимания. Какой здравый человек будет отказываться от того, чтобы услышать специальное предложение? Потенциальные клиенты всегда были готовы получить пакет дополнительной информации и мою визитку. Так я налаживал связи с потенциальными клиентами. И потом по-деловому, не теряя времени, узнавал, что мистер Андерсон хочет купить, что покупал ранее и разбирается ли он в акциях компаний, занимающихся новыми технологиями. Какие цели ставит перед собой мистер Андерсон? Хочет быстро увеличить свой капитал или имеет долгосрочные планы, например, желает увеличить свой доход после выхода на пенсию? И если выход на пенсию не за горами, удовлетворен ли он своими пенсионными накоплениями?

У меня был большой опыт работы в сфере медицины, и я вел разговор с клиентом так, словно обсуждал важные вопросы его здоровья, правда, в данном случае не физического, а финансового. Так что в некотором смысле можно сказать, что я все-таки стал доктором Крисом Гарднером.

Слава богу, руководство Bear Stearns было мной довольно. Гари поддерживал и верил в меня с самого начала, и Маршалл Геллер, начальник Гари, разделял его мнение. Маршалл управлял сразу тремя офисами компании: в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и Гонконге. У Маршалла была кличка Кричащий Череп (разумеется, его так называли только за глаза). Он был под два метра ростом, носил очки, и хотя у него были редкие седые волосы, его прическу я называл «еврейским афро». Передние зубы на верхней челюсти у него немного выступали вперед, что придавало ему немного детский вид. Чаще всего он был очень милым, очаровательным и обходительным человеком, но его могло за секунду переклинить, и тогда он начинал орать:

— Ты, мать твою, когда-нибудь голову включаешь?! Чем ты вообще думаешь? Задницей?

Если Маршалл устраивал разнос кому-нибудь в своем офисе, его вопли разносились по всему этажу, и в такие минуты я старался держаться от него подальше.

Однажды Маршалл увидел, что я подготовил двести карточек потенциальных клиентов, чтобы их обзвонить, и решил, что настало время прочитать мне лекцию.

— Эй, Гарднерберг, — сказал он, назвав меня кличкой, служившей доказательством того, что меня признали в компании, где работали по большей части евреи, — а ну-ка иди сюда.

Мы перешли в переговорную комнату. Я все еще держал в руках карточки потенциальных клиентов.

— У нас в компании серьезные парни так не делают, — сказал он, давая понять, что, несмотря на мои успехи, в его компании не надо гнаться за количеством.

Комиссия в двадцать пять тысяч долларов! Да за такие деньги весь день готов слушать анекдоты про ниггеров!

«Интересно, а как делают в компании серьезные парни?» — подумал я, но промолчал.

— В Bear Stearns настоящие парни раскладывают карточки по сферам влияния. — Маршалл заметил по выражению моего лица, что я мало чего понял из его объяснения, и добавил: — Пошли.

Мы прошли в соседний офис, где работал Фил Шэффер. Поговаривали, что Шэффер не умел завязывать шнурки, поэтому всегда ходил в мокасинах. В сферу влияния Шэффера входил Уолтер Мондейл, который чуть позже станет кандидатом на пост президента от Демократической партии. Одним из крупнейших клиентов Шэффера был пенсионный фонд штата Миннесота. Все понятно, да? Понятно, но как заполучить таких клиентов?

— Сферы влияния, — ответил Маршалл, после чего указал мне на мой стол, так и не объяснив, что

мне следует делать. Значит, я сам должен был додуматься, как найти ответ на этот вопрос.

Чтобы разгадать эту загадку, мне потребовалось еще двадцать лет. А пока я продолжал делать привычную работу: выдавал на-гора необходимое количество звонков, очаровывал сладким голосом Барри Уайта[1] церберов-секретарш и всех тех, кто был готов откусить мне голову за то, что я звонил их боссу, чтобы предложить вложить куда-нибудь деньги. Иногда мне улыбалась удача, и человек, которому звонил, поднимал трубку. Однажды мне повезло, и, когда обзванивал с чистого листа VIP-клиентов, мне ответил один техасский миллионер, сделавший деньги на нефти.

Это был один из тех ковбоев, который откликается на свои инициалы Джей Ар. Этот парень не только снял трубку, но и выслушал меня.

— День добрый, Джей Ар, — обратился я к нему. — Меня зовут Крис Гарднер, и я беспокою вас из Bear Stearns в Сан-Франциско.

— Да, я понял. Что тебе нужно?

— Я хотел сказать вам...

— Прежде чем ты мне что-нибудь скажешь, дай-ка я тебе кое-что скажу, — произнес он и начал рассказывать анекдоты про ниггеров, евреев и мексиканцев. Я слушал в замешательстве и не знал, как лучше поступить — продолжать слушать дальше или сесть на самолет, прилететь в Техас и всыпать

[1] Барри Уайт (1944–2003) — американский певец в стиле ритм-энд-блюз, популярный в середине 1970-х гг.

ему так, что мало не покажется, за все его расистские шуточки. Но я решил промолчать. Потом, когда он рассказал мне все расистские шутки, которые помнил, я спокойно вернул тему разговора в прежнее русло и сказал ему то, что планировал сказать.

Он спокойно выслушал.

— О'кей, — ответил он. — Купи мне пятьдесят тысяч акций этих, как его, не могу даже названия произнести, и посмотрим, что из этого получится.

Пятьдесят тысяч акций по пятьдесят центов штука — это комиссия в двадцать пять тысяч долларов! Да за такие деньги весь день готов слушать анекдоты про ниггеров! Не вопрос. Через некоторое время снова позвонил ему. Звоню — и он вложил еще больше денег, предварительно рассказав мне новую партию анекдотов про ниггеров, которую накопил со времени нашего прошлого разговора, причем он ни разу не повторялся. Я расширял свою сферу влияния. На этот раз пара его шуток даже показалась смешной, и я громко рассмеялся.

«Если бы ты только знал, что я черный», — подумал я про себя. Понятное дело, что он об этом даже не подозревал.

Спустя некоторое время он сам мне позвонил:

— Привет, это Джей Ар. У меня жена улетает в Китай, поэтому мы с подругой решили отдохнуть на озере Тахо. Я планирую заехать в Сан-Франциско, чтобы встретиться с брокером по имени Крис Гарднер, который помог мне столько деньжищ заработать.

Ничего себе! Я начал волноваться и вспомнил работу в прежней компании, когда белые клиенты не хотели со мной дела иметь. Он увидит, что рассказывал черному свои анекдоты про ниггеров. Я понимал, что у этого сюжета есть всего два сценария развития: а) он закроет счет и больше не будет иметь дел со мной; б) если правильно себя поведу, он закроет остальные брокерские счета, и я буду заниматься всеми его инвестициями. Так что же мне делать для того, чтобы правильно разыграть карты?

К счастью, в тот день, когда Джей Ар с дамой должен был прибыть в наш офис, Маршалл отсутствовал, поэтому никто не мог мне запретить временно воспользоваться его огромным шикарным кабинетом. Я быстро сменил табличку на двери с его именем на табличку, на которой написано мое имя, потом убрал все семейные фотографии Маршалла в ящик стола.

После нашей встречи он больше не рассказывал мне шуточек про черных. Он вообще больше не произносил слово «ниггер».

Моя секретарша и коллеги согласились мне подыграть. Когда Джей Ар прибыл со своей дамой, их поприветствовала моя секретарша и проводила в кабинет. Когда Джей Ар вошел в кабинет, я сидел за гигантским столом Маршалла и, повернувшись к нему спиной, смотрел на расстилавшуюся внизу панораму города, делая вид, что громко выговариваю кому-то по телефону, используя самый выразительный и доходчивый матерный язык. Притво-

рился, будто только что заметил гостей из Техаса, повесил трубку, повернулся к ним в кресле и сказал:

— Привет, Джей Ар. Как дела? Присаживайся. Чашку кофе не желаешь?

И увидел, как Джей Ар стал бледнеть. Он был в шоке. Он рассказал мне столько шуток про ниггеров, а я, оказывается, сам ниггер. Казалось, его вот-вот хватит удар. Он невысокого роста, лицо гладко выбрито, на нем ковбойская шляпа, темные очки, джинсы, сапоги из кожи какого-нибудь уже не существующего или занесенного в Красную книгу животного и на ремне пряжка размером с мою голову. Ему уже за шестьдесят. Его дама уже давно не девочка, но моложе его и выше ростом. Она блондинка с огромной грудью. Вид у нее такой, что она не очень понимает происходящее, но тем не менее ей приятно, что он ее не в спальне прячет, а вывел в свет.

Мы пожали друг другу руки и начали просматривать финансовые документы. Он вложил через компанию Bear Stearns полмиллиона долларов, и я дал ему полный отчет о том, что он купил, когда и за сколько, а также за сколько продал, и показывал, как растут его вложения. Его капитал вырос на тридцать четыре — сорок пять процентов. Тут я решил взять быка за рога.

— Ты мне, Джей Ар, рассказывал, что у тебя есть брокерские счета в других компаниях, — сказал я, — но складывается впечатление, и цифры показывают это, что тебе выгоднее иметь дело с нашей компанией. Что скажешь?

Как оказалось, мой расчет оказался верным. Он быстро прозрел. Это еще раз доказывало, что черный или белый цвет не имеет значения — важен только зеленый цвет. Он закрыл свои брокерские счета в Goldman, Lehman и Morgan, стал инвестировать через Bear Stearns и покупать то, что я ему предлагал. Думаю, только на его брокерском счете я зарабатывал по двести тысяч долларов в год. И как можно было предположить, после нашей встречи он больше не рассказывал мне шуточек про черных. Он вообще больше не произносил слово «ниггер». Он продолжал рассказывать анекдоты про евреев и мексиканцев, но нашу черную братию оставил в покое.

Я занимался всеми его вложениями, и его счет был самым крупным среди моих клиентов, поэтому каждое утро начинал со звонка. В общем, я и ему помог заработать денег, и себя не обидел, компенсировав все выслушанные мной шутки про черных.

Каждое утро наши «сверки» начинались с того, что я сообщал ему о положении дел на рынке и давал рекомендации, как лучше поступить: торговать или выжидать. Я делал ему хорошие деньги, поэтому он неизменно отвечал:

— Делай, как считаешь нужным, Крис.

Все это продолжалось в течение двух лет, сначала в Сан-Франциско, а потом в Нью-Йорке, куда я переехал в центральный офис Bear Stearns, в город, где расположен Уолл-стрит.

Многие брокеры так и не добираются до Нью-Йорка и не зарабатывают таких денег, которые за-

работал я. Переехать в этот город — моя давняя мечта. Переезд в Нью-Йорк был для меня неизбежен, потому что успех был частью моей ДНК. Мне было суждено со временем купить свой Ferrari. Это произошло, когда я переехал в Чикаго в конце 1980-х годов и открыл свою компанию. Но мечты меняются «по ходу парохода». Если моя первая Ferrari была красной, то вторая, которую купил у Майкла Джордана[1], — черной. На ее номерном знаке было написано not mj[2]. Думаю, только мы с мамой могли до конца понять, что именно я хотел этим сказать.

Когда мне было семнадцать, мать направила меня по тому пути, по которому я пошел. Она сказала мне, что я не обязан становиться баскетболистом ради того, чтобы заработать миллион долларов. Через семнадцать лет я доказал правоту ее слов, заработав за год миллион долларов. Начав работать брокером в Сан-Франциско, тихо мечтал о том, что когда-нибудь перееду в Нью-Йорк. Как пел Синатра, если ты пробился в этом городе, то пробьешься везде.

Очень многие коллеги в Сан-Франциско были недовольны моим решением. Когда мой приятель Дейв Крэнсон по прозвищу Носки услышал о том, что я уезжаю в Нью-Йорк, он стал меня отговаривать:

---

[1] Майкл Джордан (род. в 1963 г.) — выдающийся американский баскетболист, бывший игрок НБА. Он сыграл важную роль в популяризации баскетбола и НБА в мире в 1980-х и 1990-х гг.

[2] Not mj — сокращенно: не Майкл Джордан.

— Ты в своем уме? Разве не знаешь, что, чтобы жить, как последняя собака в Нью-Йорке, ты должен заработать гребаных триста тысяч долларов в первый же год жизни в этом городе?

— Ну да, я в курсе, — соврал я.

Я этого тогда, конечно, не знал, но Дейв оказался прав. Кроме всего прочего, он даже не знал, что мне придется содержать не только себя, но и двух своих детей.

Да, вот так-то. Возможно, вы удивитесь, но в 1985 году я стал отцом прекрасной и изумительной девочки по имени Ясинта Гарднер. Матерью этой девочки была моя Джеки, и зачали мы ребенка во время посещения Джеки маленького Криса. Точно так же, как и Кристофера, я всегда буду любить свою дочку и помогать Ясинте независимо от моего отношения к ее матери. Джеки всегда притягивала меня своей сексуальностью. На протяжении двенадцати часов, которые в тот день Джеки провела в моем доме, я даже в какой-то мере убедил себя в том, что мы должны возобновить наши отношения и быть вместе. В глубине души даже считал, что нам нужно снова сойтись ради Кристофера. Я неплохо зарабатывал и мог помочь ей добиться целей, в том числе и на профессиональном поприще, которые она ставила перед собой в жизни. В общем, тогда я много чего передумал. Мне кажется, порой надо обжечься, чтобы понять, что огонь опасен, но прошли сутки, и я вернулся с небес на землю.

Когда решил переехать в Нью-Йорк, беременная Джеки пыталась помириться и воссоединиться со

мной. Я категорически отказывался с ней снова сойтись, но предложил, чтобы Кристофер пожил у нее в Лос-Анджелесе. Разумеется, я буду финансово помогать. Мое решение было вызвано сугубо практическими соображениями: знал, что мне придется много работать, и, следовательно, скорее всего, Кристофера придется перевести в детский садик на полный день. Джеки согласилась, и наш сын стал больше времени проводить с матерью, что, как мне думается, было логично и пошло ему на пользу. Конечно, в первые месяцы разлуки с сыном я ужасно по нему скучал.

— Что это за парень из Сан-Франциско? Откуда у него такие контакты? Как ему это удалось?

Все предупреждали меня о трудностях жизни в Нью-Йорке, и они оказались совершенно правы. К счастью, укрепиться на новом месте работы мне помогло то, что я нашел крупного клиента, который открыл в компании брокерский счет. Точно так же, как и в случае с Джей Ар, произошло это в результате обзвона с чистого листа.

Я звонил потенциальным клиентам в Лас-Вегасе, и у меня завязался разговор с человеком по имени Эд Доумани. В ответ на мое предложение купить акции Доумани ответил:

— Нет, не хочу покупать акции, но у меня есть акции, которые я, возможно, хотел бы продать.

— А что это за акции? — вежливо спросил я.

— У меня есть акции одной небольшой компании в Лас-Вегасе, и я рассматриваю возможность продажи части этих акций.

— Любопытно, — ответил я. — А можно поинтересоваться, что это за компания, мистер Доумани?

— Golden Nugget[1], — сказал он.

— Отлично. А сколько у вас акций? — спросил я.

— Около шести миллионов.

Я спокойно ответил, что Bear Stearns специализируется на продаже акций с ограничениями.

— Мы с радостью взялись бы помочь вам и максимально снизить ставку налогообложения на продажу, — объяснил я.

— Да, — согласился он. — Это меня устроило бы.

Я повесил телефонную трубку и некоторое время сидел, как в тумане. Надо понять, как все это провернуть. Через некоторое время узнал, что Эд и его брат Фред (вместе с Бобом Эвансом и другими) были продюсерами скандально известного фильма «Клуб «Коттон», и у братьев Доумани возникли проблемы с комиссией по контролю за игорным бизнесом в Нью-Джерси.

Я решил не проводить эту сделку самостоятельно, а передал братьев коллегам по Bear Stearns, которые в состоянии им помочь. Благодаря этой сделке я стал звездой, и в головном офисе компании Bear Stearns обо мне заговорили:

— Что это за парень из Сан-Франциско? Откуда у него такие контакты? Как ему это удалось?

---

[1] Golden Nugget — казино и один из старейших отелей, расположенных в Лас-Вегасе; принадлежат компании Landry's, Inc.

Братья владели шестью процентами акций Golden Nugget, а сумма сделки составила десять миллионов долларов. Эд Доумани сказал, что будет общаться только со мной, и вообще отказался разговаривать с кем-либо еще, кроме меня.

На этой сделке я многому научился и понял, что компанию Bear Stearns (как восточное, так и западное ее отделение) можно сравнить с командой Oakland Raiders Уолл-стрит. Сотрудники на обоих побережьях были талантливыми и опытными, хотя многие из них не учились в Гарварде. В компании работали очень любознательные и занятные ребята, был сильный дух соревнования, но при этом люди заботились друг о друге и поддерживали друг друга. А разница между офисами в Нью-Йорке и Сан-Франциско во многом была обусловлена различиями между этими двумя городами. Сотрудники офиса в Сан-Франциско отличались энергией, драйвом и креативностью. Все они были очень умными людьми, готовыми использовать любую возможность для достижения успеха. В Нью-Йорке сотрудники обладали такими же качествами, но казалось, что их эффективность возведена до N-ной степени, словно все они принимали стероиды или кокаин. Меня вполне устраивала мощная конкуренция, а мои знания и опыт всех устраивали в головном офисе. Кроме того, мне нравилось решать новые сложные задачи, которые появлялись в Нью-Йорке. Там, где я начинал и работал до последнего времени, брокер жил на комиссию, полученную от каждой конкретной сделки. В Нью-Йорке я услы-

шал от брокеров о бизнес-схеме, когда клиент платит фиксированную сумму за обслуживание, что исключало необходимость брать комиссию за отдельную трансакцию. На основе этой бизнес-схемы можно было обеспечить себе ежегодный доход, скажем, в три миллиона долларов.

Мне сразу понравилась эта идея. Но как ее осуществить? Как обычно в подобных ситуациях, я задал себе вопрос: «Как это сделать?» Ответ был простой: необходимо заняться управлением активами клиентов. Один парень пояснил мне эту схему, и я был просто сражен.

— Позволь уточнить, — попросил я. — Получается, кто-то дает тебе сто миллионов долларов для того, чтобы ты управлял капиталом, и за это ты получаешь фиксированную ежегодную комиссию в размере пяти миллионов долларов?

Это и есть сферы влияния, о которых мне в свое время говорил Маршалл Геллер. Так или иначе, я перешел в головной офис Bear Stearns в Нью-Йорке не с пустыми руками. Я управлял солидным брокерским счетом братьев Доумани, а также счетом Джей Ар. Неожиданно в начале 1986 года мне позвонил секретарь Джей Ар.

— Плохие новости, Крис, — сказал он. — Вчера ночью у себя дома Джей Ар умер во сне.

Вот это действительно были плохие новости. Ликвидирован мой самый крупный брокерский счет, которым я управлял! Мне было страшно обидно. В подобных случаях, когда умирает владелец счета, все трансакции прекращаются, потом

появляются адвокаты и, словно стервятники, разрывают остатки между наследниками. Одна любопытная деталь: за несколько дней до смерти Джей Ар начал волноваться о состоянии рынка и сказал мне, чтобы я обратил все его акции в деньги. Поэтому я выполнил его последнее указание: продал все его акции и получил напоследок шестьдесят тысяч долларов в качестве компенсации за все выслушанные мной анекдоты про ниггеров. Адвокаты не возражали, потому что я прилично заработал не только для себя, но и для наследников Джей Ар.

Старый и добрый Джей Ар ушел в мир иной, и мне нужен был новый крупный клиент. Я хотел заниматься управлением активами за фиксированную плату. И опять с нуля начал обзванивать потенциальных клиентов. Так я вышел на Боба, управляющего портфелем акций с фиксированным доходом страховой компании под названием Great American Insurance Company из Огайо. Я ему понравился, завязался контакт, и Боб выразил желание со мной работать. Но возникла небольшая проблема. Дело в том, что Bear Stearns уже обслуживал его компанию. Я позвонил президенту и одному из управляющих партнеров компании, Эйсу Гринбергу, тому самому, который рассказал мне о концепции PSD — людей бедных, умных, но с сильным желанием делать деньги, и по-

— Я заработал для компании двадцать пять тысяч долларов, — сообщил я.
— Ты уволен, Гарднер, — сказал Эйс после долгой паузы.

просил у него разрешения заниматься портфелем Great American Insurance Company. Эйс уточнил детали и перезвонил мне.

— Ситуация такова, Крис, — сказал он. — Можешь вести их брокерский счет, но при одном условии: звони мне раз в неделю и сообщай, как идут дела. Я хочу, чтобы ты держал меня в курсе.

Клик. И короткие гудки в трубке.

Прошло две недели. Я общался с Бобом, предлагал ему разные варианты. Ему нравились мои идеи, и он одобрил первую пробную покупку. Комиссия нашей компании по этой сделке составила двадцать пять тысяч долларов. Я наконец-то вышел на новый уровень и работал не с индивидуалами, а с организациями. Ура! Позвонил Эйсу.

— Я заработал для компании двадцать пять тысяч долларов, — сообщил я.

В трубке гробовая тишина.

— Ты уволен, Гарднер, — сказал Эйс после долгой паузы.

Уволен просто так, мгновенно. И почему? Наверное, потому, что потратил две недели на клиента и заработал всего лишь двадцать пять тысяч долларов. Второй раз в жизни остро ощущаю, что у меня в заднице есть запирательная мышца, которая вот-вот самопроизвольно ослабнет, и я наделаю в штаны. Если меня уволил сам Эйс Гринберг, то хана моей карьере. Он как бог, высший судия, потом апелляцию писать будет уже некому.

Даже не знал, что сказать. Вдруг на другом конце телефонной линии раздается громкий смех.

— Молодец, Крис, — произнес Эйс. — Хорошего тебе дня.

Наверное, эта шутка была своего рода инициацией в мир управления корпоративными финансами и примером черного юмора Эйса Гринберга. Впоследствии я смог убедиться, что конкуренция на рынке, на который вышел, убийственная. Здесь надо было показывать все свои способности, быть исключительно изобретательным, предлагать инновационные стратегии и уникальные продукты, о которых и говорили брокеры, работавшие с корпоративными финансами за фиксированные годовые комиссии. Я разработал собственный многоступенчатый подход. Связывался со вторым человеком в компании и предлагал ему выгодные способы инвестирования. Этот человек отказывался от моего предложения, а я высчитывал в долларах, сколько могла бы его компания заработать на моем предложении в случае принятия. Через три месяца снова звонил, но уже главе компании, и упоминал, что ранее общался с ее представителем:

— Я мог бы вам сейчас уже выслать чек на сто тысяч долларов, если бы в свое время ваши сотрудники заинтересовались моим предложением. А сейчас звоню вот по какому вопросу...

Руководитель сразу ко мне прислушивался, и чаще всего после такого начала разговора организация делала инвестиции через нашу компанию.

Я работал не покладая рук, осваивал разные стратегии, и на меня снизошло озарение: мне удалось отыскать нишу, которой хотел бы заниматься.

Эта ниша была сильно недооценена на Уолл-стрит, и тогда в Нью-Йорке начали разрабатывать этот рынок. Позже именно этот сегмент рынка и стал основой моего бизнеса, который я открыл в Чикаго.

Мне хотелось выйти на этот совершенно новый, девственный рынок и предложить весь спектр продуктов и услуг, которые есть в Bear Stearns, одной из самых успешных компаний в истории Уолл-стрит. И что же это за новая ниша? Я хотел выйти на рынок услуг для успешных афроамериканцев, таких, как Куинси Джонс, Стиви Уандер, Опра и Майкл Джордан. Хотел заниматься управлением инвестиционными портфелями не только успешных людей, но и организаций, созданных и/или возглавляемых чернокожими: банков, страховых компаний, а также личными инвестиционными портфелями предпринимателей-афроамериканцев. Вот чем хотел заниматься. Меня привлекало то, что до меня никто еще подобного не делал, и мне хотелось способствовать росту благосостояния моих черных братьев и сестер.

Эйс Гринберг и остальное руководство Bear Stearns поддержали идею, и я начал работу, иногда совершая ошибки, а иногда выстреливая точно в цель. В начале 1987 года дела у меня пошли в гору. Никто не сомневался, что все задуманное получится, и я открыл свою компанию.

Я сильно рисковал. Возможно, это был самый серьезный риск в моей жизни. Дело в том, что начинал практически с нуля. Мне была нужна финансовая поддержка тех, кто верил в мое начинание

и ви́дение. Меня поддержал В. Джей Кеннеди III, председатель крупнейшей в стране страховой компании North Carolina Mutual Life Insurance Company, владельцами которой были представители афроамериканской диаспоры.

Я успешно работал и решил расширить круг своих клиентов, включив в их число профсоюзы (в честь моих тружеников-дядьев), а также учителей и работников сферы государственного образования. Мне хотелось нанимать таких же простых и упорных людей без образования, которые умели мечтать и строить грандиозные планы, чтобы дать им возможность развивать свои способности, как делал сам в компаниях Dean Witter и Bear Stearns. Я развил концепцию «созидательного капитализма», в рамках которой стремился вернуть часть заработанных мной средств обществу, а также стимулировать и развивать предпринимательство во всем мире. Некоторые из этих идей сложились под влиянием святого отца Уильямса и его церкви Glide Memorial, а также знакомства с теориями современных экономистов, труды которых читал в общественных библиотеках. Я заходил туда, как мне советовала мать, как только у меня появлялась возможность.

Я вернулся, сделав полный оборот. Но вернулся другим человеком.

Свою компанию Gardner Rich & Company я основал в Чикаго. Получалось, что снова я совершил круг, потому что Чикаго расположен недалеко от Милуоки — тех мест, где жили моя мама и много-

численные родственники. Я решил, что Чикаго будет идеальным городом для шестилетнего Кристофера и двухлетней Ясинты. Так что можно сказать, что я вернулся, сделав полный оборот. Но вернулся другим человеком. В отличие от самого себя, выросшего без отца, я воспитывал двоих детей.

Постепенно мои мечты начали сбываться. Я работал с пенсионными фондами, управлявшими многомиллиардными состояниями. Моим крупнейшим клиентом стала Национальная ассоциация образования, в которую входило несколько миллионов членов. И я наконец осуществил свою мечту и стал путешествовать.

Тот, кто много путешествует, никогда не стареет. Как приятно приехать в новый город! Я очень занятой человек, но, куда бы ни попал, стараюсь выйти на улицу, пройтись, перешагивая через трещины на асфальте, по тротуару, вспомнить, какой длинный путь я проделал, и радоваться каждому шагу на пути к цели, который никогда не заканчивается.

Эпилог

Я достиг того, о чем многие не смели даже мечтать

Апрель 2004 г.

Когда самолет выходит из облаков и снижается над южной оконечностью Африки и ты видишь Йоханнесбург, сердце сжимается от красоты, открывающейся из иллюминатора.

Я многократно бывал в Южной Африке и каждый раз, когда сюда приезжаю, испытываю необыкновенный эмоциональный подъем. Еще большее воодушевление я испытал, когда в апреле 2004 года приехал в ЮАР по приглашению руководства Южно-Африканского конгресса профсоюзов. В числе двухсот посланников со всего мира я был наблюдателем на выборах — важного события в политической жизни страны, которое совпало с десятилетием окончания режима апартеида и провозглашения свободной и демократической республики.

Я с гордостью принял это приглашение, которое счел для себя большой честью, но поставил одно условие: не покину ЮАР, пока мне не устроят встречу с Нельсоном Манделой. На мою просьбу ответили

согласием и сказали, что мне придется набраться терпения, но личную встречу с Манделой мне организуют.

Я никогда в жизни не занимался тем, ради чего в тот раз приехал в ЮАР, поэтому сделал то, чего еще никогда в жизни не делал, — купил кинокамеру. Мне хотелось запечатлеть результаты, которых достигла страна после десяти лет свободы и демократии. Как и миллионы южноафриканцев и людей по всему миру, я был поражен достижениями страны за эти годы. Да и кто бы мог подумать, что апартеид падет и страна станет свободной?

Во время моей первой поездки в ЮАР я встретился с человеком, к которому позже стал относиться, как к отцу. Это был Билл Люси, один из руководителей Американской федерации государственных, муниципальных и окружных органов власти и Коалиции профсоюзов чернокожих. Билл Люси представил меня Нельсону Манделе. Тот крепко пожал мне руку и произнес слова, которые ни один в мире мужчина мне не говорил.

— Добро пожаловать домой, сынок, — вот что сказал мне Нельсон Мандела.

Услышав эти слова, я расплакался, как ребенок. Мне было тогда сорок шесть лет, и Нельсон Мандела оказался первым человеком, который произнес эти слова, как бы поставив точку в длинном тексте моего блюза безотцовства.

С тех пор прошло четыре года, и вот я снова вернулся в ЮАР. В день выборов 4 апреля всех международных наблюдателей разбили на небольшие

группы. За день до выборов провели инструктаж и раздали бейджики. Я оказался вместе с двумя местными наблюдателями — чернокожими женщинами, которые участвовали в борьбе с апартеидом. Мы приехали в район Восточного Ранда, потом поехали в Александру, Орландо и, наконец, в Соуэто. Повсюду на избирательных участках я видел длинные очереди чернокожих, державшихся с необыкновенным достоинством, грацией, терпением и спокойствием. Ни разу так и не вынул из кармана купленную кинокамеру. Снимать увиденное мной было бы столь же неуважительно, как делать снимки в церкви во время службы.

Я удивлялся тому, что лица людей были мне будто знакомы. Казалось, передо мной очереди в Чикаго, Окленде, Милуоки, Луизиане или Нью-Йорке. Любопытно, что все местные жители безошибочно понимали, что я не южноафриканец. Я поделился этим наблюдением с Яном Малангу из Южно-Африканского конгресса профсоюзов.

— Добро пожаловать домой, сынок, — вот что сказал мне Нельсон Мандела.

— Ты ходишь и держишься не так, как все остальные, — ответил Ян с улыбкой. — Ты ведешь себя, как король. Видимо, это привычки Уолл-стрит.

Я засмеялся.

Вечером в день выборов я оказался в одном из центров подсчета голосов избирателей, который находился на обширной огражденной и охраняемой территории на парковке в центре Йоханнесбурга неподалеку от моста имени Нельсона Манделы. На

парковке возвели палатки. Мы не должны были выходить из этих палаток до тех пор, пока не подсчитаем все голоса.

«Все, — подумал я тогда, — больше никакого кофе и вообще никакой жидкости. В палатке нет туалета».

В палатке мы провели несколько часов. Как и ожидалось, Африканский национальный конгресс получил на выборах восемьдесят шесть процентов голосов.

Мне уже под пятьдесят, но я никогда прежде не видел чернокожего президента!

Было интересно наблюдать не только за процессом подсчета голосов, но и общением представителей разных национальностей — черных, индусов и мулатов. Несмотря на то что времена апартеида прошли, многие пережитки этой системы остались.

Следующим важным событием стали празднества в честь десятилетия новой, свободной от апартеида республики. На это мероприятие съехалось множество гостей из разных стран в лице глав государств и послов. На встречу с Нельсоном Манделой выстроилась длинная очередь VIP-персон. Я понимал, что рано или поздно настанет черед моей встречи, но не знал, когда именно это произойдет, поэтому мне не оставалось ничего иного, как терпеливо ждать.

Пока я ожидал встречи с Манделой, произошла инаугурация Табо Мбеки на второй пятилетний срок пребывания на посту президента[1]. Это

[1] Табо Мбеки был президентом Южно-Африканской Республики в период с 14 июня 1999 г. по 24 сентября 2008 г.

было зрелищным и удивительным событием. Мои черные братья и сестры были красивыми и нарядными. Инаугурация напоминала сцену из фильма Эдди Мерфи «Поездка в Америку». Процессия направлялась в местный Белый дом под названием Юнион-билдинг, где проходила церемония. Здесь даже есть свой местный Розовый сад. Публика громким гулом приветствовала появление руководства страны и почетных гостей, которых показывали на огромных экранах. На празднике собралось более ста тысяч человек. Вдруг во время мероприятия раздался страшный гам, и люди стали кричать еще громче, чем прежде. Это означало, что на трибуну вышел Мандела.

Мне довелось побывать на матчах НБА, соревнованиях по боксу и на концертах, но никогда в жизни не слышал, как стотысячная толпа на одном дыхании скандировала «Мандела». Я заплакал, и окружающие стали спрашивать меня, в чем дело. Они не понимали, что мне уже под пятьдесят, но я никогда прежде не видел чернокожего президента!

Мой плач заглушил рев моторов трех самолетов Boeing 747 Южно-Африканских авиалиний, которые низко пролетели над нами в знак приветствия президента.

В ожидании встречи с Манделой у меня было много времени, чтобы к ней подготовиться. Я должен был продумать свое обращение. Нельсон Мандела получил юридическое образование, стал первым в ЮАР чернокожим адвокатом и открыл

компанию совместно с Оливером Тамбо, своим близким другом и одним из лидеров Африканского национального конгресса.

Я нашел компанию, производящую прекрасные шелковые рубашки, в которых обычно ходит Мандела.

— У меня будет встреча с Манделой, — сказал я в главном офисе компании. — Пожалуйста, сшейте мне рубашку, чтобы я на встрече был одет как полагается.

Я ждал встречи и в свободное время исследовал Соуэто и Кейптаун. Увиденное поразило меня. Раньше думал, что знаю, каково жить в бедности. Но любое утверждение будет неточным — для этого нужно увидеть бедность в Африке. Я очень сочувствовал людям, которые вынуждены жить в таких ужасных условиях. Вопреки нищенскому существованию, в этих людях жила надежда. Южноафриканцы понимают, что есть много трудностей: нехватка рабочих мест, дефицит жилья, проблемы, связанные с распространением СПИДа. При этом впервые в истории Южной Африки люди могут позволить себе мечтать о том, что невозможное станет возможным.

Долгие дни ожидания неслись быстро, потому что я наслаждался атмосферой, в которой у жителей страны появилась надежда на светлое будущее. Гуляя по городу, даже нашел место, куда в один прекрасный день приеду жить. Его не продают, но знаю, что это место можно купить.

Я много времени посвящал подготовке к встрече и тем вопросам, которые хотел бы обсудить с Манделой. Сначала у меня были две исписанные с обеих сторон страницы вопросов, потом я ужал их до двух односторонних страниц. Наконец раздался долгожданный звонок.

— Мистер Мандела примет вас завтра в 11.00, — услышал я в телефонной трубке.

Я был готов к этой встрече. Мне пришлось ждать двадцать семь дней, что, конечно, сущая ерунда по сравнению с двадцатью семью годами, которые Мандела провел в тюрьме. К тому же я жил в очень хороших условиях, в отеле Park Hyatt. Утром предстояло решить, какую из шелковых рубашек надеть на встречу. Выбрать мне помогла Хейзел, любимая сотрудница отеля.

— Иногда звезды благоволят, — сказал я. — Это наше время. Это мое время.

— Наденьте вот эту, в ней вы выглядите, как Мабида! — посоветовала она.

Мабида — это имя клана Манделы.

На встречу с Манделой я отправился вместе с известным южноафриканским бизнесменом Эриком Молоби (какое-то время он сидел в тюрьме на Роббенэйленд, где держали в камере Манделу).

Никогда в жизни не был так по-хорошему напряжен, как перед этой встречей. Я встречался с очень важными и известными людьми, но с человеком-легендой, таким, как Мандела, мне еще не удавалось увидеться. В моей жизни было всего несколько кумиров — моя мать, Майлз Дэвис и Мо-

хаммед Али. Теперь мне предстоит встреча еще с одним — Нельсоном Манделой, и от предвкушения встречи душа словно рвалась наружу.

Личный ассистент и секретарь Манделы Зельда вошла в комнату и предупредила, что у меня есть пятнадцать минут.

Я вошел в комнату и увидел стоящего прямо, как столб, Манделу. На нем была одна из его рубашек. Он почувствовал мое волнение и, чтобы разрядить обстановку, спросил:

— Крис, а почему на тебе моя рубашка?

Я тотчас успокоился и сел напротив него. Манделе восемьдесят шесть лет, но движения у него быстрые, а тело гибкое. Я смотрел в его глаза борца за свободу, которые за долгие годы повидали людей и наблюдали разные ситуации. Он словно изучал меня: «Могу ли я верить этому человеку? Достоверна ли информация? Стоит ли все это моего времени?»

Я начал говорить. Рассказал ему о том, что американские публичные фонды вкладывают свои деньги в разные страны мира, но пока среди них нет ЮАР. Сейчас многие руководители профсоюзного движения и политики, которые в свое время выступали против финансирования американскими компаниями режима апартеида в ЮАР, заняли ведущие посты, став президентами, казначеями и попечителями пенсионных фондов. Следовательно, они в состоянии повлиять на многомиллиардные денежные потоки. По уровню темпов роста южноафриканская экономика обогнала рынки многих развива-

ющихся стран. Совсем недавно в ЮАР отметили десятилетие окончания апартеида. Иностранный капитал можно направить на укрепление преобразований в Южной Африке, а также инвестировать в развитие экономики страны.

В комнату вошла Зельда и подала знак, что мое время истекло.

— Мистер Мандела, к вам на встречу в назначенное время прибыл посол, — сказала она.

— Попросите посла подождать, — царственным тоном ответил Мандела.

Как мне повезло! Я продолжил излагать Манделе свой план и закончил свое выступление словами, которые, по моему мнению, попали точно в цель.

Деньги — это самая мизерная составляющая богатства.

— Иногда звезды благоволят, — сказал я. — Это наше время. Это мое время. Это мой шанс после двадцати пяти лет работы на Уолл-стрит с инвестициями крупных капиталов сделать что-то действительно важное в этом мире и помочь людям, которые похожи на меня.

И предложил Манделе политические свободы дополнить и развить свободой экономической. Мистер Мандела задал мне несколько вопросов и потом спросил:

— Чем я могу помочь?

Я перечислил несколько вещей. Мандела согласился и сказал, что посмотрим, во что это выльется.

Наконец я достал из кармана кинокамеру, которую купил специально для того, чтобы фотогра-

фировать на выборах, и попросил Зельду запечатлеть, как мы с Мадибой сидели рядом. И сейчас эта фотография — одно из самых дорогих моих сокровищ.

Мы пожали друг другу руки, я наклонился и поцеловал его в лоб. Он улыбнулся, потому что знал, как я стремился встретиться с ним и рад тому, что она произошла. Я был готов идти вперед и делать то, что считаю нужным.

Я вышел из кабинета Манделы и увидел на лице посла и сопровождающих его лиц недоумение. На их лицах был написан вопрос: «Что это за парень, которого мы прождали сорок пять минут?»

Вернувшись из Южной Африки, я продолжил развивать свою концепцию «созидательного капитализма». В Сан-Франциско встретился со святым отцом Сесилем Уильямсом и обсудил с ним перспективы экономического развития района Тендерлойн, который прекрасно знал, потому что раньше жил здесь. У отца Уильямса возникла идея приобрести в Тендерлойне целый квартал, в котором он хотел построить небольшой конгресс-центр, магазины, рестораны, парковки и доступное жилье для представителей рабочего класса. По итогам нашей встречи мы отказались от его первоначального плана приобретения целого квартала за 250 миллионов долларов и решили купить отдельные земельные участки в этом районе общей стоимостью 50 миллионов долларов. Но вопрос не в сумме покупки. Мне хотелось завершить очередной цикл моей жизни и сделать еще один полный оборот. Я не

воспринимал эту сделку как бизнес, в ней было что-то очень личное.

Скажите, пожалуйста, разве это не пример осуществления американской мечты, когда неприкаянный человек сначала сам в поисках приюта обошел весь Тендерлойн, а потом сумел построить для работяг и бедняков этого района доступное жилье? По данным статистики, примерно двенадцать процентов бездомных американцев имеют постоянную работу. Для все возрастающего количества простых жителей этой страны осуществление американской мечты становится недоступным, и это в корне неправильно. И, кстати сказать, богатство, к которому все мы стремимся, не связано исключительно с деньгами. Мне неоднократно задавали вопрос о том, являются ли деньги мерилом богатства. И каждый раз я давал один и тот же ответ: деньги — это самая мизерная составляющая богатства. Например, мое имя не входит в список самых богатых людей Forbes 400, и я не стремлюсь попасть в этот список. Самое важное то, что я здоров, вырастил (частично в качестве родителя-одиночки) двух замечательных детей и могу заниматься тем, что отражает мои внутренние ценности. Вот это и есть мое определение богатства.

Богатство — это чувство благодарности и напоминание себе, что мне в жизни очень повезло. Я счастлив, потому что смог вырваться из порочного круга и как человек, выросший без отца, всегда заботился о своих детях и был рядом с ними. Дети оправдали мои надежды, поддерживали меня и да-

рили мне радость. Мой сын Кристофер и дочь Ясинта — прекрасные, самые любимые люди на свете. Сейчас они работают в моей компании, и я взял их на работу не только потому, что они мои дети и их люблю, а потому что они работящие и способные сотрудники. Я горд быть их отцом, и они всегда дарили мне ощущение счастья и радости.

Я самый настоящий трудоголик, и счастье для меня — это возможность отдохнуть и повеселиться. 26 июня 2005 года моя компания устроила в Лос-Анджелесе благотворительное мероприятие для Национальной ассоциации работников в сфере образования. На эту вечеринку из ЮАР прилетела Ндаба Нстеле — женщина, с которой я живу. Наш эвент-менеджер Сидни Кай Инис в очередной раз превзошла саму себя, пригласив на это мероприятие таких звезд, как Дейв Коз, Джонатан Батлер и Веймон Тисдейл. Целью благотворительного вечера был сбор средств для отделения чернокожих Национальной ассоциации работников в сфере образования, который мы проводили при помощи лотереи. Главным призом этой лотереи стала поездка на двоих в Южно-Африканскую Республику, в которую входил перелет бизнес-классом, оплаченное проживание и экскурсии. Стоимость этого путешествия составляла более тридцати тысяч долларов, а цена билета лотереи, которых мы продали очень много, всего десять долларов.

На это мероприятие были приглашены друзья и клиенты. Я был рад тому, что смог поблагодарить всех людей, кто помог мне в жизни и сыграл в ней

большую роль, среди них руководство Национальной ассоциации работников в сфере образования и мой бывший начальник Маршалл Геллер. В свое время Маршалл Геллер одобрил мою кандидатуру в Bear Stearns и рассказал мне о сферах влияния. До того самого вечера Маршалл не знал, что я использовал его офис для встречи с моим клиентом, техасским миллионером Джей Ар. Но Маршалл смог увидеть меня таким, какой я есть, и понять мое сердце. Он видел, как изо дня в день я упорно звонил двумстам потенциальным клиентам, часто стоял у меня за спиной и слушал, как я общаюсь. Это он подсказал мне, что серьезные парни раскладывают карточки клиентов не так, как это делаю я, а по сферам влияния. В течение двадцати лет я создавал свою сферу влияния и вот, наконец, сейчас, мне кажется, ее создал. Скажу вам так: вы даже не представляете, какие чудеса могут произойти, когда ты поднимаешь телефонную трубку, звонишь человеку и честно говоришь ему, что связаться с ним посоветовал мистер Нельсон Мандела.

— Мам, представь себе, что все компании, интересы которых я представляю, — это игроки, собравшиеся в казино, а я для них — само казино или банк.

Целью нашей вечеринки в Лос-Анджелесе был не только сбор средств для наших дорогих друзей из отделения чернокожих Национальной ассоциации работников в сфере образования. Мы провожали на пенсию Анн Дейвис из отделения в Иллинойсе и Линду Пойтдекстер-Черстерфилд из отделения

в Арканзасе, которые выходили на заслуженный отдых после десятилетий борьбы за права школьных учителей и других работников в сфере образования. На мероприятии собралось почти восемьсот представителей ассоциации. Я решил воспользоваться случаем и поблагодарил Маршалла за все, что он для меня сделал. Недаром в свое время мать учила меня тому, что самыми важными являются слова «спасибо» и «пожалуйста».

В своей речи я сказал собравшимся, что в жизни многих детей и молодых людей есть человек — учитель или работодатель, который видит их потенциал, верит в их силы и дает шанс направить к лучшему жизнь этого ребенка или молодого человека. Я сказал всем присутствующим, что Маршалл Геллар и был тем человеком, который поверил в меня и предоставил возможность изменить свою жизнь к лучшему.

В ответной речи Маршалл заметил, что в своей жизни ему пришлось принимать много решений. Некоторые решения оказались хорошими, некоторые — не очень.

— Крис Гарднер, — сказал Маршалл со скромной, но радостной и почти отцовской улыбкой, — оказался моим хорошим решением.

В тот незабываемый вечер мне не хватало только одного человека — моей матери. Я бы ужасно расстроил мать, если бы из моей жизни не получилось ничего хорошего. К счастью, мать, которая умерла десять лет назад, успела увидеть своего ребенка преуспевающим и насладилась плодами моих трудов.

Довольно долго мать не могла понять, чем именно занимаюсь и как зарабатываю деньги. Я пытался ей объяснить и использовал для этого разные сравнения. После многих попыток наконец нашел сравнение, которое мать прекрасно поняла:

— Мам, представь себе, что все компании, интересы которых я представляю, — это игроки, собравшиеся в казино, а я для них — само казино или банк.

После этого мать уже не задавала вопросов о том, что я делаю.

К концу жизни здоровье Бетти Джин резко ухудшилось. Все трудности и невзгоды, пережитые ею, увы, не прошли бесследно. Если бы деньги могли помочь вернуть ей здоровье, я бы, не задумываясь, потратил их все до последнего цента. Но это было, к сожалению, невозможно. Когда нам сказали, что матери с нами больше нет, мы с сестрами поняли, что мать — красавица, которая делала нам конфеты из жженого сахара, — сама ускорила свою кончину, употребляя алкоголь вопреки запретам врачей.

Я потерял мать, и это была одна из самых страшных утрат в моей жизни. Я буду помнить о ней до последнего вздоха, и мне всегда ее будет очень не хватать. Мне так хотелось, чтобы она могла пожить подольше, увидеть, каких успехов добился ее сын, и разделить со мной плоды трудов.

Все это я сказал своей тете Дайси Белл, когда увидел ее в Чикаго. Я рассказал ей о вечеринке для сотрудников Национальной ассоциации работников в сфере образования, моих проектах с церковью

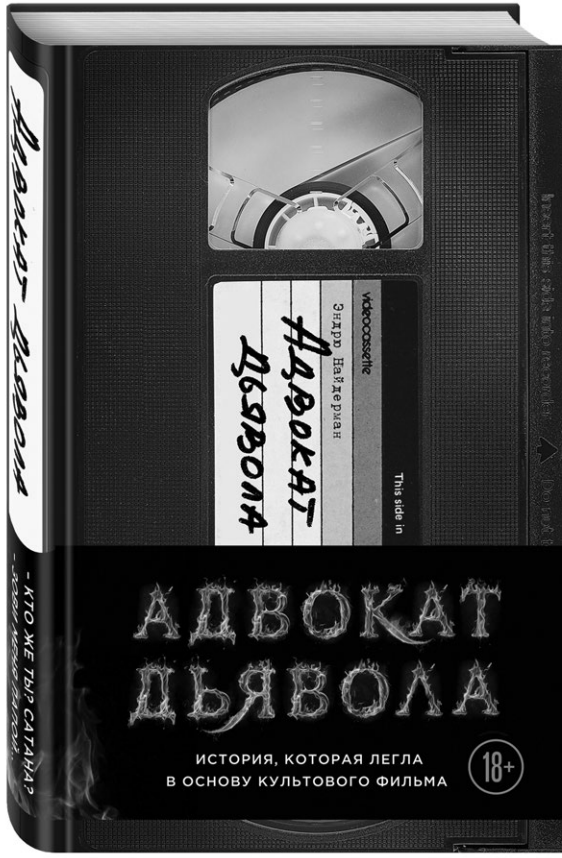
святого отца Уильямса, а также о деловом партнерстве с южноафриканской финансовой компанией Pamodzi Investment Holdings. Благодаря тому, что мать и другие люди в меня поверили, я стал настоящим гражданином мира. Для меня было очень важно, чтобы мать знала: я стал тем, кем стал, только потому, что она и другие важные в моей жизни люди поверили в мои силы и дали мне возможность раскрыть свой потенциал.

Тетя Дайси Белл заверила меня, что мать видит меня и радуется моим успехам.

— Крис, — сказала Дайси Белл, — сейчас твоя мама танцует в раю с ангелами, и у нее выросли крылья.

Как же это здорово! Тетя произнесла эти слова с такой убежденностью, что я ей поверил. Моя мать была в раю, у нее выросли крылья, и, как мой ангел-хранитель, она следила за мной, чтобы я продолжал достигать того, о чем многие не смели даже мечтать. Все это именно так.

ВАС ТАКЖЕ МОЖЕТ ЗАИНТЕРЕСОВАТЬ ЭТА КНИГА



Глава 2

«Брэмбл Инн» был одним из лучших ресторанов близ Блисдейла. Английский мясной ресторан славился каре ягненка и восхитительным домашним трайфлом со взбитыми сливками и фруктами. Кевину и Мириам нравилась атмосфера этого места — она ощущалась сразу же, прямо на мощеной дорожке и в большом вестибюле, где стояли тяжелые деревянные скамьи, а в выложенном кирпичом камине весело потрескивал огонь. Вряд ли можно было найти в зимний вечер более романтичное занятие, чем посидеть с коктейлем у камина в баре «Брэмбл Инн». Обычно в этом ресторане собиралась весьма респектабельная публика. Многие знали Кевина. Кое-кто останавливался, чтобы поздравить с успехом. Как только Кевин и Мириам остались наедине, он прижался к ее плечу и поцеловал жену в щеку.

Месяц назад Мириам купила черную кожаную юбку и куртку, но спрятала их в шкафу, надеясь устроить Кевину сюрприз, когда представится повод.

И вот он представился. Узкая юбка плотно облегала бедра, подчеркивая красивую линию ягодиц и открывая стройные, красивые ноги. Мириам выглядела соблазнительно, но не вульгарно. Под куртку она надела бело-зеленую трикотажную блузку, словно специально скроенную для ее пышной груди и изящных узких плеч.

Высокая, с густыми, вьющимися темно-русыми волосами до плеч Мириам Тейлор нигде не осталась бы незамеченной. Она целый год занималась в школе моделей Мари Симон на Манхэттене и, хотя никогда не выходила на реальный подиум, навсегда сохранила осанку и грацию супермодели.

Кевина она очаровала голосом — глубоким, сексуальным голосом, достойным Лорен Бэколл. Он даже просил Мириам произнести самую любимую свою фразу из фильма: «Просто свистни! Ты ведь умеешь свистеть, Сэм... Просто сложи губы трубочкой и свистни».

Стоило ей посмотреть на него своими яркими карими глазами, поднять плечо и произнести эти слова, заменив «Сэма» на «Кевина», ему казалось, что какая-то невидимая рука сжимает его сердце. Захоти она — и он надел бы ошейник и вручил ей поводок. Для нее он был готов сделать все,что угодно.

— Я виновен в болезненной привязанности к собственной жене, — говорил он ей. — Очень редкий и малоизвестный грех! Стоило мне встретить тебя, и я тут же нарушил первую заповедь: не сотвори себе кумира.

Они познакомились на коктейле в юридической фирме «Бойл, Карлтон и Сесслер», где Кевин работал. Фирма только что открыла новый офис в недавно построенном здании в Блисдейле. Мириам пришла на вечеринку вместе с родителями. Ее отец, Артур Моррис, был самым известным дантистом города. Сэнфорд Бойл познакомил Кевина с Моррисами, и с первой же минуты Кевин и Мириам не могли оторвать друг от друга глаз. Они улыбались, обменивались взглядами, а потом разговорились — и проговорили весь вечер. Мириам согласилась поужинать с ним в тот вечер. Их роман был стремительным, страстным и жарким. Не прошло и месяца, как Кевин сделал предложение.

А сейчас они сидели в баре «Брэмбл Инн» и отмечали его успех. Мириам заметила, что с момента их знакомства Кевин очень изменился.

«Как он повзрослел», — подумала она. Кевин выглядел намного старше своих 28 лет. Он стал зрелым мужчиной, способным все держать под контролем. В его зеленых глазах читалась абсолютная уверенность в себе, а жесты выдавали человека, обладающего огромным опытом, который приходит с годами. Кевина нельзя было назвать крупным, но он обладал подтянутой, спортивной фигурой, буквально излучавшей энергию. Когда это было нужно, он умел демонстрировать силу и эмоции, но чаще всего оставался весьма сдержанным. Он был настолько организованным, здоровым, честолюбивым и упорным, что Мириам часто подшучивала

над ним и вспоминала строчки из старой песенки: «Он так хорош, он так замечателен, так здоров и телом и душой: он — глубоко уважаемый человек в городе...»

— Ну скажи мне, что ты почувствовала сегодня, когда сидела в зале заседаний? Ты гордилась мной? Ну хоть чуть-чуть...

— Кевин, я вовсе не говорила, что не горжусь тобой! Ты действовал... мастерски, — ответила Мириам. Но она никак не могла забыть испуганное лицо той девочки, ту панику, которая возникла в ее глазах, когда Кевин пригрозил рассказать всем, чем она и ее подружки занимались в тот день в ее доме. — Мне просто хотелось бы, чтобы ты выиграл по-другому, не угрожая ребенку раскрыть его тайны...

— Конечно, это было бы лучше, — кивнул Кевин. — Но я должен был это сделать. Кроме того, не забывай, что Барбара Стэнли и сама шантажировала подружек, чтобы принудить их оговорить свою учительницу.

— Она была такой жалкой, когда ты набросился на нее...

Кевин побледнел.

— Не забывай, это не я выдвинул обвинения против Лоис Уилсон, — сказал он. — Это сделал Мартин Балм. Это он вызвал Барбару Стэнли в суд и подверг ее перекрестному допросу — не я. Я защищал свою клиентку, ее права и будущее. Именно об этом я должен был думать в первую очередь.

— Но, Кевин, а что, если она подговорила других девочек дать показания вместе с ней, потому что боялась сделать это одна?

— Обвинение должно было действовать по-другому или выдвинуть протест... Это меня не касается. Говорю тебе, Мириам, я – адвокат. Я должен защищать клиента, используя любые доступные методы. Иначе я просто не выполню свою работу. Ты же это понимаешь?

Мириам кивнула. Она вынуждена была согласиться, хотя и неохотно. Кевин был прав.

— Ну неужели ты совсем не гордишься тем, как я вел себя в суде? — снова спросил он, прижимаясь к плечу жены.

Мириам улыбнулась.

— В тебе умер великий актер, Кевин Тейлор. Ты так двигался, так смотрел на присяжных, так умело задавал вопросы... — Мириам рассмеялась. — Тебя нужно выдвинуть на «Оскар»!

— Это настоящий спектакль, правда, Мириам? Когда я вхожу в зал заседаний, со мной происходит что-то невероятное. Я не могу этого объяснить. Словно поднимается занавес и я должен играть свою роль. Уже неважно, кто клиент, в чем суть дела. Я просто на сцене и должен делать то, что я делаю...

— Как это неважно, кто клиент и в чем суть дела? Неужели ты готов защищать кого угодно?

Кевин молчал.

— Кого угодно?

Он пожал плечами:

— Все зависит от гонорара, полагаю.

Глаза Мириам сузились.

— Кевин, ответь честно.

Он поднял правую руку и посмотрел на жену.

— Клянусь говорить правду, только правду…

— Я серьезно. — Мириам опустила его руку.

— Ну хорошо, что ты хочешь узнать?

Я — адвокат. Я должен защищать клиента, используя любые доступные методы.

Кевин повернулся и прислонился к барной стойке.

— Оставь свой юридический жаргон. Не рассказывай мне о роли обвинения, роли адвоката и всем таком… Ты доказал, что три девочки солгали, сделали это под давлением, — ну или хотя бы создал такое впечатление. Я не отрицаю, что Барбара Стэнли вела себя не лучшим образом. Но что, если Лоис Уилсон действительно ее домогалась? Что, если это была правда? Ты же разговаривал с ней, вы много общались…

— Может быть, — ответил Кевин. Он отвернулся, и Мириам почувствовала какой-то холодок.

— Может быть?

— Я защищал ее, — пожал плечами Кевин. — Я же тебе уже говорил: моя задача — найти слабые места в позиции обвинения и нанести удар именно туда.

— Но если она виновна…

— Кто знает, кто виновен, а кто нет? Если бы, чтобы защищать клиента, мы должны были бы быть абсолютно уверены в его невиновности, то мы по миру пошли бы.

Кевин махнул кому-то в зале и заказал новый коктейль.

Внезапно Мириам почувствовала, что на солнце набежала туча. Она выпрямилась и посмотрела вокруг. Ее взгляд остановился на элегантном, весьма привлекательном черноволосом мужчине, который в одиночестве сидел за столиком в углу. Мириам была уверена, что он смотрит на них. Неожиданно мужчина улыбнулся. Она улыбнулась в ответ и быстро отвела взгляд. Когда она вновь взглянула в ту сторону, мужчина по-прежнему смотрел на них.

— Кевин, ты знаешь того мужчину в углу? Он смотрит прямо на нас...

— Мужчину? — Кевин повернулся. — Да. То есть нет, но сегодня я видел его в суде.

Мужчина снова улыбнулся и кивнул. Кевин кивнул в ответ. Мужчина явно воспринял этот знак как приглашение, поднялся и направился к ним. Он оказался высоким и довольно подтянутым.

— Добрый вечер, — поздоровался он, протягивая Кевину крупную ладонь с длинными пальцами и безукоризненным маникюром. Ни мизинце красовалось плоское золотое кольцо с монограммой «П». — Позвольте мне присоединиться к поздравлениям и войти в список ваших почитателей. Пол Сколфилд.

— Благодарю вас, Пол. Это моя жена, Мириам.

— Миссис Тейлор, — церемонно поклонился Сколфилд. — У вас есть все основания для гордости.

— Спасибо, — покраснела Мириам.

— Я не хотел вам мешать, — продолжал новый знакомый, — но сегодня я был в суде и имел возможность увидеть вас в деле.

— Да, я помню. — Кевин посмотрел прямо в глаза собеседнику. — Я видел вас, но не думаю, что мы встречались раньше.

— Конечно нет. Я живу не здесь. Я адвокат, и моя фирма находится в Нью-Йорке. Могу я присоединиться к вам ненадолго? — Сколфилд указал на свободный стул рядом с Кевином.

— Конечно.

— Благодарю. Вижу, вы только что заказали напитки — я угостил бы вас. — Он сделал знак бармену. — Коктейль с шампанским, пожалуйста.

— В какой области права вы специализируетесь, мистер Сколфилд? — спросил Кевин.

— Пожалуйста, называйте меня Пол. Наша фирма занимается только уголовными делами, Кевин. Возможно, вы о нас слышали — «Джон Милтон и партнеры».

Кевин подумал, потом покачал головой:

— Извините, нет.

— Ничего, — улыбнулся Сколфилд. — О нашей фирме никто и не знает, пока не возникают проблемы. Мы — узкие специалисты. Мы беремся за такие дела, от которых другие отказываются.

— Звучит... интересно, — осторожно произнес Кевин. Он уже начал жалеть, что пригласил этого человека присоединиться к ним. Продолжать разговор не хотелось. — Полагаю, нам пора поинте-

ресоваться нашим столиком, да, Мириам? Что-то я проголодался...

Мириам кивнула, поняв намек мужа, и сделала знак метрдотелю.

Сколфилд тоже все понял.

— Я уже говорил, что не хочу показаться навязчивым. — Он вытащил из кармана визитку. — Я пришел в зал суда сегодня не просто так. Мы слышали о вас, Кевин.

— Правда? — удивился Кевин.

— Да. Мы всегда внимательно следим за молодыми, талантливыми адвокатами, которые берутся за уголовные дела. Кстати, сейчас в нашей фирме есть вакансия.

— Да?

— Понаблюдав за вами в зале суда, я понял, что вы нам подходите. Возьмите мою визитку и подумайте над этим предложением.

— Да, но...

— Я понимаю, что вам наверняка будут предлагать партнерство в вашей фирме, но, рискуя показаться снобом, хочу сказать, что работа здесь не принесет вам и половины того удовлетворения — и того дохода, — что можем предложить вам мы.

Кто знает, кто виновен, а кто нет?

— Половины дохода?

К ним подошел метрдотель.

— Ваш столик готов, сэр.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Издание для досуга

ДЕВЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ НЕДЕЛЬ

Крис Гарднер

В ПОГОНЕ ЗА СЧАСТЬЕМ

Директор редакции *Е. Капьёв*
Руководитель направления *Л. Ошеверова*
Ответственный редактор *А. Нестерова*
Художественный редактор *В. Давлетбаева*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *С. Пяташ*
Корректор *Ю. Иванова*

В оформлении обложки использованы фотографии:
arigato, Julia Kaysa, PhilIl, Trigubova Irina / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Э»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86.
Тауар белгісі: «Э»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 14.08.2017. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Lazurski». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж экз. Заказ

16+

BOOK24.RU
ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

ISBN 978-5-699-98377-3
9 785699 983773 >

В электронном виде книги издательства Эксмо вы можете купить на www.litres.ru

ЛитРес: один клик до книг

1970, Милуоки. Крису 15 лет, его мать сидит в тюрьме.

1982, Сан-Франциско. Крис Гарднер — бездомный, ночующий с маленьким сыном в метро.

1987, Чикаго. Крис Гарднер — владелец собственной маклерской фирмы с офисами в трех городах.

- **Фильм с Уиллом Смитом в главной роли**
- **Номинация на премию «Оскар»**
- **Сборы в прокате – 300 миллионов долларов**

ISBN 978-5-699-98377-3

9 785699 983773 >